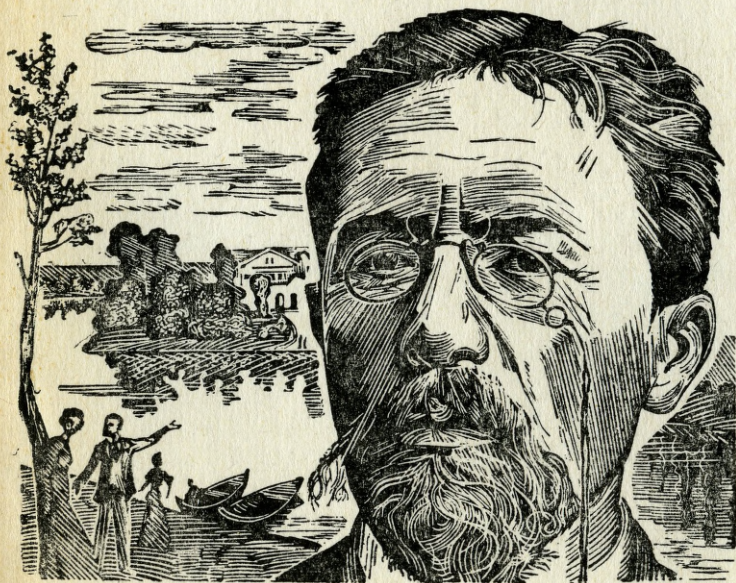

4

Русская речь

1972

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году · Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука» · Москва

№ 4 1972 июль — август

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. П. Бадаева. Разговорная речь в произведениях А. П. Чехова	3
М. К. Милых. Чеховские ремарки	7
Г. И. Егоренкова. Речь героев и слово автора	13
Е. Н. Этерлей. И пахнут свежие сирени	18
Т. Г. Юрчук. Сознательные неправильности	24
А. Т. Хроленко. Сеялки-веялки	31
В. Д. Пятницкий. Грибная охота	36

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Юрий Нагибин. Коль слово найдено	41
--	----

ПУБЛИКАЦИИ «РУССКОЙ РЕЧИ»

Валерий Брюсов. О поэтическом языке	47
Д. Н. Ушаков. Орфоэпия	52
А. И. Соболевский. Груша и Дуня	61

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. Г. Михайловская. Об ораторской речи	64
О. А. Крылова. «Единственно возможный»	70
В. А. Шитов. Необходимые «нарушения» нормы.	77
В. В. Лопатин. «Маяковская сатира» и «достоевский репертуар»	81
В. С. Громыко. Завешенный и завешанный	86

ТЕРМИНОЛОГИЯ

А. Н. Шустов. На чем мы возим грузы?	88
--	----

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Л. П. Жуковская. Новая книга о походе Игоря . . .	93
Н. Е. Садыхлы. «Бьет челом холоп твой...» . . .	99

ШКОЛА

Э. П. Короткова. Из дневника педагога	108
Учебник родного языка	114

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

А. Н. Стеценко. Ф. Ф. Fortunatov	123
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Н. С. Коткова. От печеного к зерновому	130
А. А. Алексеев. Промышленность	133

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Н. А. Семенова. Абитуриент пишет сочинение . . .	136
Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе в 1971 году	144

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Иван Винокуров. Стихи	145
---------------------------------	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	147
Старинные меры длины	149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	92, 152
----------------------	---------

*На обложке А. П. Чехов
Гравюра Ю. И. Космынина*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Наша страна — великое многонациональное государство. В образовании и укреплении Союза Советских Социалистических Республик воплотилось торжество ленинской интернациональной политики, основанной на принципах пролетарского интернационализма и дружбы народов.

В нашей стране около 130 языков, из которых более 70 имеют свою письменность и существуют в качестве литературных. Советское государство обеспечивает свободное развитие всех народов СССР. Национальные языки у нас развиваются в условиях полного равноправия и свободного употребления — без каких бы то ни было ограничений или привилегий их использования. «В атмосфере братской дружбы и взаимного доверия народов СССР национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения», — подчеркивается в Программе КПСС.

Вместе с тем исторически сложилась так, что языком межнационального общения и сотрудничества нашего многонационального государства стал русский язык. Еще в предреволюционную эпоху в известной статье 1913 года «Либералы и демократы в вопросе о языках» Владимир Ильич Ленин, говоря о том, что нет необходимости навязывать народам один из языков, отмечал, что на Кавказе, например, представители нерусских народностей сами стараются научить своих детей говорить по-русски. «А потребности экономического оборота, — писал в этой статье В. И. Ленин, — сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который

большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, стр. 424—425).

Русский язык был средством общения народов России и в дореволюционное время. Деятели народного просвещения, передовые представители русского народа из среды революционеров-демократов хорошо понимали чувство национального достоинства малых народов, оказывали им неоценимую помощь в развитии грамотности и культуры. Прогрессивные деятели национальных окраин видели в России и в русском народе надежную гарантию своей защиты от иноземного порабощения. Они положительно оценивали присоединение к России, понимая при этом реакционную сущность колониальной политики царизма.

В русской культуре и в русском языке передовые ученые и писатели, общественные деятели различных национальностей видели могучий источник развития своих народов. О необходимости изучать русский язык горячо и убежденно говорили и писали Абай Кунанбаев, М. Ф. Ахундов, Габдулла Тукай, Айни, Фуркат, И. Франко, И. Чавчавадзе, Чекан Велиханов и многие, многие другие.

Настоящий экономический и культурный прогресс, подлинная дружба народов, основанная на братских взаимоотношениях, стали возможными только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Русский язык стал в нашей стране языком межнационального общения. И в этом знаменательном факте проявилось признание всеми народностями и национальностями ведущей роли самого русского народа и русского революционного пролетариата в борьбе за Советскую власть, за построение нового социалистического общества.

Русский язык оказался мощным объединяющим фактором в процессе экономического, политического и культурного развития народов СССР. Его объединяющая роль была обусловлена общесоюзным характером нашей социалистической экономики и жизненными потребностями социально-политического и культурного прогресса всех наций и народностей, населяющих нашу страну.

В дореволюционное время 99 процентов жителей Средней Азии, Севера и Востока России были неграмотны и политически бесправны. Октябрь 1917 года и порожденная им культурная революция преобразили лицо национальных окраин и районов страны. За годы Советской власти были подготовлены национальные научные, культурные и хозяйственные кадры, появилась широкая сеть школ, специальных средних и высших учебных заведений. Национальные языки получили и развили новые социальные функции.

На родных национальных языках ведется обучение в школе, издаются книги, газеты и журналы, идут передачи по радио и телевидению. В этих условиях укрепляется роль русского языка как могучего средства общения и интернационального воспитания, источника распространения передовых идей, богатств русской и мировой культуры. Сбылись пророческие слова Владимира Ильича Ленина о том, что русский язык обогатит литературу других народов и «даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 294).

В послеоктябрьскую эпоху в социально-политической жизни нашего государства произошли коренные изменения. Утвердилось и окрепло идейно-политическое единство нашего общества. За годы социалистического строительства, отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, возникла новая историческая общность людей — советский народ. Принципы ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов — нашли свое отражение и воплощение и в языковом строительстве.

«Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране,— говорится в постановлении ЦК КПСС „О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик“,— является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры».

Русский язык — важнейшее средство повседневной и эффективной связи между республиками СССР. Вместе с тем — это и общий рабочий язык хозяйственно-политических, научных конференций и совещаний межреспубликанского или всесоюзного характера; слётов и симпозиумов; фестивалей, месячников и декад литературы и искусства.

Национальные языки развивают свои новые общественные функции в тесном взаимодействии с русским языком. Октябрьская революция всколыхнула жизнь малых народностей, дала толчок развитию их языков и литератур. Поэт Юван Шесталов, например, вспоминая студенческие годы в Институте народов Севера и начало литературной деятельности, говорит о роли русской художественной литературы в становлении и развитии литературного

языка манси: «Странно, но так. Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка» («Огонек», 1972, № 23).

Став средством межнационального общения, русский язык активно взаимодействует с другими языками народов СССР. Он оказывает заметное влияние на их развитие — прежде всего в области лексики, научной и специальной терминологии, в области фонетического, морфологического и синтаксического строя. Вместе с тем русский язык, взаимодействуя с другими национальными языками, получает и сам немало новых элементов в лексике и фразеологии, обогащает свои стилистические возможности и средства.

Существуют и параллельные языковые процессы в области словообразования, синтаксиса и фразеологии, протекающие на базе сложившейся в советское время общности идеологической, социально-экономической и культурной жизни всех народов СССР.

Русский язык получает все большее распространение на территории нашей страны. По данным переписи 1970 года, из общей численности населения в 242 миллиона человек русские составляют 129 миллионов. В то же время в качестве родного языка русский язык назвали 141,8 миллиона человек, то есть около 13 миллионов представителей других национальностей. Если учесть при этом, что 42 миллиона человек назвали русский вторым родным языком, то можно полагать, что всего в СССР насчитывается около 184 миллионов человек, свободно владеющих русским языком (около 76 процентов общей численности населения).

Тот факт, что большинство советских людей свободно владеет русским языком, ни в коей мере не означает, что культурные ценности народов теряют национальную самобытность. Советское государство уделяет огромное внимание развитию национальных культур различных народов, развитию языков и обычаев, нравов и национальных традиций.

Постоянно укрепляющееся двуязычие и многоязычие является важным фактором ускоренного развития национальных культур, взаимообогащения национальных языков на новом этапе жизни советского народа и советского общества как новой исторической общности людей. Советская социалистическая культура развивается в этих условиях как органический сплав, синтез всего лучшего, что создано народами СССР.

В Советском Союзе, отмечающем славное 50-летие, непрерывно и свободно развиваются языки всех народов, и на этот процесс благотворное, активное влияние постоянно оказывает великий русский язык.

ЧЕХОВСКИЕ РЕМАРКИ

А. П. Чехов не раз говорил о том, что не любит читать пьес. В 1903 году, когда он работал над «Вишневым садом», он писал О. Л. Книшпер о своем намерении прочитать «На дне» М. Горького: «...пьесы в чтении меня никогда не удовлетворяют. Во мне нет актерского понимания, я не умею читать их. Но все-таки интересно было бы прочесть „На дне“». Даже о собственной пьесе он написал К. С. Станиславскому: «Ваша роль, кажется, вышла ничего себе, хотя, впрочем, судить не берусь, ибо в пьесах вообще, при чтении их, понимаю весьма мало».

«Вишневый сад» Чехов писал для постановки в Московском художественном театре, и вел оживленную переписку с К. С. Станиславским, с О. Л. Книшпер и другими актерами, помогал им глубже понять созданные им образы, советовал, каким актерам подходят роли и т. д.

Вероятно, «неумение» Чехова читать пьесы повлияло на построение им авторского текста и на его стилистическую окраску: авторский текст (описательные ремарки) в пьесе «Вишневый сад» имеет не только вспомогательное поясняющее значение. Он стилистически гармонирует с репликами персонажей и для читателей оказывается таким же ведущим, как авторское повествование в прозе. Перед нами Чехов-художник, имеющий в виду читателя, а не только режиссера.

Устранив деление актов, или действий, на явления, фиксирующие каждое изменение в составе действующих лиц на сцене, Чехов положил начало сближению текста пьесы с прозой. Указания на изменения в составе действующих лиц на сцене у Чехова приобретают описательный характер: (Уходят все, кроме Ани и Дуняши); (Дуня-

ша уже вернулась с кофейником и варит кофе). (Яша остается, сидит возле часовни. Входят Любовь Андреевна, Гаев и Лопахин).

В ремарку, сообщающую о появлении на сцене нового лица, вводится краткое описание одежды вошедшего, его внешнего вида; выделяются лишь значительные детали, по которым можно представить целое: (Входит Варя, на поясе у нее связка ключей); (Входит Фирс, он в пиджаке и белом жилете); (Шарлотта Ивановна в белом платье, очень худая, стянутая, с лорнеткой на поясе, проходит через сцену); (Входит Трофимов, в поношенном студенческом мундире, в очках).

Перечень предметов, с которыми входит персонаж, дополняет его внешний облик и связывается с действием, развивающимся на сцене: (Входят Дуняша со свечой и Лопахин с книгой в руке); (Входит Епиходов с букетом; он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые скрипят; войдя, он роняет букет).

Представляя в ремарках читателям и режиссерам внешний вид персонажей, типичные для них действия, писатель создает образы пьесы. Автор отмечает появление или уход действующих лиц и одновременно — их действия: (Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит. Уходят Яша и Шарлотта с собачкой); (Фирс входит, ставит свою палку около боковой двери. Яша тоже вошел из гостиной, смотрит танцы); (Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на бильярде).

С сообщением о появлении действующих лиц соединяется прямое или косвенное указание на их настроение или общее состояние: (Гул стихает. Входят через переднюю Любовь Андреевна и Гаев; она не плачет, но бледна, лицо ее дрожит, она не может говорить); (Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается Фирс. Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли. Он болен).

Некоторые ремарки целиком посвящены настроению, чувству персонажей и его проявлению в действии: (Любовь Андреевна обнимает его и тихо плачет); (Варя испугалась, вскрикивает); (Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает).

Обращает на себя внимание стиль чеховских ремарок: они лиричны, по синтаксическому строю соответствуют авторскому повествованию в прозе: (Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и сто-

ла. Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит); (Любовь Андреевна и Гаев остались вдвоем. Они точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали).

Созвучны с чеховской прозой его ремарки, знающие с общей обстановкой, в которой развивается действие пьесы. У Чехова нет таких подробностей, какие давал А. Н. Островский, какие есть в пьесах М. Горького, где точно описана вся обстановка сцены; если это комната, то указано, сколько в ней дверей и окон, что возле чего стоит направо или налево.

Чехов предваряет все действия ремаркой: «Действие происходит в именин Раневской»; это все; нет частных, но есть то, что создает настроение:

Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.

Действие в пьесе начинается утром, весной, это пробуждение дня и пробуждение природы; на-

чало, ожидание будущего; и на сцене ожидание возвращающихся из-за границы Раневской и Ани с Шарлоттой Ивановной. Читатели и зрители ждут: кто же придет, кого должны встретить здесь в комнате, «которая до сих пор называется детской». Уже в этой фразе проявляется стиль писателя, его манера говорить о настоящем так, как будто читатель знаком с предысторией.

Двумя страницами ниже дана пространная ремарка описательного характера, рисующая сцену приезда и встречи:

(Слышно, как к дому подъезжают два экипажа. Лопухин и Дуняша быстро уходят. Сцена пуста. В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс, ездивший встречать Любовь Андреевну; он в старинной ливрее и в высокой шляпе; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: — «Вот пройдемте здесь»... Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному, Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Лопухин, Дуняша с узлом и зонтиком, прислуга с вещами — все идут через комнату).

Чехов использует прием художественного описания пейзажа:

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовня, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. Шарлотта, Яша и Дуняша сидят на скамье; Епиходов стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись. Шарлотта в старой фуражке; она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.

Замечательно, что здесь Чехов, давая сцену одного вечера в жизни действующих лиц, пишет, что город бывает виден в очень ясную погоду. Такое описание свойственно прозе, а не пьесе.

Соответствует стилю чеховской прозы ремарка в середине третьего действия: (В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах машет руками и прыгает; крики: «Браво, Шарлотта Ивановна!»).

Для пьесы было бы обычным сразу назвать исполнителя, у Чехова сказано: «фигура», и только из криков присутствующих выясняется, кто это. Ремарка подсказывает то впечатление, какое должно быть у зрителей, они не сразу должны узнать Шарлотту Ивановну.

Интересна по соотношению с начальной ремаркой первого действия ремарка четвертого действия, в которой тоже есть характерные для писателя черты. В первом акте не упоминались занавеси на окнах и картины, они подразумевались, а теперь Чехов говорит об их отсутствии, потому что это один из признаков покидаемого жилища. Здесь все опустошено, разорено, здесь все кончилось: жить по-старому нельзя. На эту мысль четвертого действия уже настраивает ремарка, описывающая сцену:

Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. Лопахин стоит, ждет. Яша держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней Епиходов увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики. Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».

Отсутствуют детали и в декорации третьего действия; сказано только: «Гостиная, отделенная аркой от залы. Горит люстра». Режиссеру предоставлено самому обставить гостиную. Но сказано о горящей люстре — признаке торжественности, праздничности. Как в праздник, играет оркестр и в зале танцуют. Все это дано в описательном стиле в пространной ремарке.

В середине действия есть еще одна развернутая ремарка: (Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней Трофимов, Аня, Варя и Любовь Андреевна). И здесь в стиле Чехова не дано текста «Грешницы», режиссеру дано право самому выбрать те несколько строк, на которых обрывается чтение.

В критической литературе, посвящаемой анализу театральных постановок, обычно указывается, какое внимание уделял Чехов происходящему за сценой, тому, что слышат на сцене участники развивающегося действия и что соот-

ветственно воспринимают зрители. То, что воспринимается в театре со сцены, с тем читатель знакомится по тексту пьесы. Поэтому для читателей особенно важен стиль описания.

У Чехова есть ремарки стилистически нейтральные, если они необходимы для пьесы, но не имеют решающего значения для развития действия: (Далеко за садом пастух играет на свирели. Трофимов идет через сцену и, увидев Варю и Аню, останавливается); (Слышно, как в соседней комнате играют на бильярде. В зале под аркой показывается Варя); (Слышно, как в передней кто-то быстро идет по лестнице и вдруг с грохотом падает вниз. Аня и Варя вскрикивают, но тотчас же слышится смех). Или же в том случае, когда звучание говорит о столь значительном факте, что достаточно на него указать: (Слышно, как вдали стучат топором по дереву).

В тех же случаях, когда звучание за сценой влияет на общее настроение, когда гармонично сливается с окружающей обстановкой, Чехов вводит в пьесу ремарки повествовательного характера, глубоко поэтичные, как в лучших произведениях художественной прозы:

(Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?»); (Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно); (Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву). Последней из этих ремарок завершается пьеса. Заключительные слова производят сильное впечатление на читателя своим содержанием и формой выражения мысли, а в театре — реализация ремарки действует на зрителей и создает настроение. Чеховские пьесы называют пьесами настроения, потому что в них представлено какое-то общее настроение, которое можно сравнить с содержанием музыкального произведения; аналогично и воздействие на читателя и слушателя-зрителя.

М. К. МИЛЫХ
Ростов-на-Дону

РЕЧЬ ГЕРОЕВ И СЛОВО АВТОРА

романе Достоевского «Братья Карамазовы», как, впрочем, и в некоторых других крупных его произведениях, кроме героев, названных поименно, есть и такой герой, у которого нет имени. Это так называемый «хроникер», очевидец, описывающий те события, свидетелем которых довелось ему быть, сообщающий слухи, познакомиться с которыми ему удалось. Как известно, есть такой герой и в «Бесах». Там он обозначен как господин Б. В «Братьях Карамазовых» (то же в «Идиоте») «хроникером» оказывается просто некий господин «икс», имя которого Достоевскому неважно и даже не нужно. Тем не менее этот герой далеко не последнее лицо в структуре романа. «Хроникер» выполняет обязанности своеобразного «автора», но в противоположность автору изображающему (самому Достоевскому) его можно назвать изображенным «автором».

В предисловии, названном «От автора», читаем, что главный герой романа Алексей Федорович Карамазов — «человек странный, даже чудак», и тут же сообщается, что чудак-то этот «носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь напывным ветром на время почему-то от него оторвались...». Уже в предисловии «От автора» звучат два голоса — голос «истинного автора», для которого Алексей Федорович — «сердцевина целого», и голос «биографа», «хроникера», обывателя Скотопригоньевска или даже возможного читателя, критика.

Изображенный «автор» романа Достоевского имеет более узкий кругозор, чем абсолютный автор, чаще это кругозор обывателя, рядового очевидца, которому известны отдельные факты, но не дана возможность разобраться в их внутренней связи. В этом плане можно сказать, что «рассказчик», изображенный «автор» в «Братьях Карамазовых», видит лишь внешнюю сторону жизни, не постигая ее тайных пружин.

В романе достаточно четко намечены рубежи между действительным автором и «хроникером». Последний, при всей своей неясности в «Братьях Карамазовых» (ярче он очерчен в «Бесах»,

в «Идиоте») все-таки сохраняет подобие некоей личности, имеет свой, хотя и ограниченный, голос (отсюда обилие недомолвок, предположений, загадочных обстоятельств, иногда явное непонимание событий и т. д.). И вот там, где «хроникер» умолкает, появляется настоящий автор, но не как личность, а как существо, всевластное и всезнающее.

В том же предисловии «От автора» Достоевский косвенно, но недвусмысленно поясняет читателю, в каких отношениях к герою романа находится он сам: «...хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но, однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и *предвижу* возможные вопросы *вроде* таких: чем же замечателен ваш Алексей Федорович, что вы выбрали его своим героем? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение фактов его жизни?

Последний вопрос самый роковой, ибо на него могу лишь ответить: „Может быть, увидите сами из романа“».

Действительно, смысл целого и есть в конечном итоге авторское слово о мире и о герое. Необходимо заметить, что отчасти носитель авторской точки зрения — тот же Алеша Карамазов или, что будет равноправно, Зосима. Но Достоевский сохраняет дистанцию между подлинным автором и его героем.

В одном из писем Н. А. Любимову, редактору «Братьев Карамазовых», Достоевский подробно излагает свои взгляды относительно индивидуальности речи героя: «...само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или лучше сказать способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие он выражает, но если б лично от *себя* выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же *не мог* ни другим языком, ни в *другом духе* выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица».

Человеку, хотя бы слегка знакомому с критикой, современной Достоевскому, хорошо известно, каким нападкам подвергался писатель за так называемое однообразие языка своих романов. Герои Достоевского говорят языком их автора — в этом выводе современники были единодушны. К сожалению, эта точка зрения не изжита окончательно до сих пор. В частности, ее разделяет и автор вышедшего в прошлом году исследования поэтики Толстого и Достоевского — Б. Успенский в книге «Поэтика композиции». А между тем сам Достоевский не уставал повторять, что у него «каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями». Слова эти написаны в 1875 году. А за тридцать лет до этого Федор Михайлович писал брату Михаилу по поводу критиков, ругаю-

щих его «Бедных людей»: «...во всем они привыкли видеть рожу сочинителя, я же моей не показывал. А им и не вдогад, что говорит Девушкин, а не я, и иначе говорить не может».

Некоторых исследователей вводит в заблуждение не состав фразы Достоевского, а ее ритм, своеобразная динамическая сила, направленная именно на разрешение конфликтности сейчас, в сегодняшней сиюминутности. И в то же время особенность ритма фразы Достоевского состоит в сочетании центростремительной силы (как отражение драматического, быстро несущегося к своей развязке бытия) с некоторым как бы сомнением, недоверием к происходящему. Отсюда слова, свойственные и речи автора-«рассказчика», и речи героев: *некоторый, несколько, как бы, словно, впрочем, вдруг, видимо*. В свою очередь лексика распределяется таким образом, что невозможно перепутать голоса Ивана Федоровича и Дмитрия Федоровича, Алексея Федоровича и того же Дмитрия Федоровича, Грушеньки и Катерины Ивановны, как невозможно перепутать и их самих.

Для Алеши Карамазова свойственно осторожное слово, не осуждающее окончательно, но стремящееся к ясности и прозрачности, как стремится к этому натура Алеши. Речь Алеши разнообразна — в зависимости от того, с кем он говорит, от того, в каком состоянии находится. Но в любом случае его фраза потенциально направлена на такое выражение мысли, которое не допускает двоякого толкования. Ему вообще свойственно то, о чем обычно говорят: «называть вещи своими именами».

Быть может, решающим моментом в обрисовке речевого образа Алеши являются слова его самого о себе: «...надо же кому-нибудь правду сказать ...потому что никто здесь правды не хочет сказать». В слове Алеши проявляется и его некоторая наивность, но такая наивность, которая граничит с пронизательностью. Он обладает еще детским, почти незамутненным взглядом на мир, что и отражается в его, условно говоря примитивной, открытой фразе. Алеша почти не говорит сложными предложениями, не пользуется затрудненными оборотами. Его речь небогата в смысле лексического разнообразия, как это свойственно Ивану со сложной, но логически стройной фразой, или тому же Дмитрию с бесконечной вариантностью в употреблении страстного слова. Но эта сравнительная бедность искупается целомудренностью, умением о сложном говорить просто.

Дмитрию Карамазову свойственно слово сбивчивое, как бы ищущее самого себя, продирающееся сквозь цепь препятствий психологически сложной души, не имеющей средств для самовыражения, самоопределения. Слово Дмитрия всегда двойное, двойственность эта зиждется и на состоянии «надрыва», в котором на-

ходится Дмитрий на протяжении всего романа и на его неспособности разобраться в себе и обстоятельствах. Фраза Дмитрия всегда надломленная, как бы разорванная, прекрасно отражает его душевное состояние и своеобразное мышление. Интересно, что Дмитрий сам осознает (как это вообще типично для героев Достоевского) особенность своей фразы: «Заврался я что-то, слова у меня все изнасились, точно наобум ставлю...». Вот это «наобум» характерно для Дмитрия, и оно присутствует не только в первом ритме его речи, но и в сочетании вульгаризмов с высокими, «умными» словами: «скорее проглочу свой язык, чем манкирую уважением»; «черт дери всех шпионов сердца человеческого» и т. д.

Вот характерный образчик речи Дмитрия: «Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, всех мужиков шампанским перепоил, всех баб и девок, двинул тысячами». Для Дмитрия как бы не существует времени в его прошедшем, будущем, настоящем, он весь в восторге одной минуты. Все события и люди на него обрушиваются сразу, одновременно, что и отражается в его спешащей фразе. Вот почему фраза Дмитрия в основном достаточно длинна, сложна своей особенностью, когда слова наскакивают друг на друга, пытаясь перегнать одно другое. Если бы можно было схематично выразить его речь, то, наверное, это выглядело бы как написание слова на слове, затем слова на этих двух словах и т. д.

Кроме того, фраза Дмитрия, как правило, метафорична: «Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен и доселе» [о знакомстве с Грушенькой]; «недостойный [о себе в 3-м лице] скроется в переулоч навек — в грязный свой переулоч, и там, в грязи и вони, погибнет добровольно и с наслаждением».

Стилю Дмитрия свойственно совмещение возвышенной и низменной образности: «грязь» и «вонь» и тут же — «погибнет с наслаждением». Дмитрий Карамазов так «сочетает» свои слова, что даже нейтральное слово *цикл* приобретает метафорическое, в данном случае патетическое значение: «Цикл времен свершен». Такие «роковые» слова, как *навек*, *навсегда*, *никогда*, *ничего* (в смысле последней степени отчаяния), весьма характерны для его речи. «Идеал содомский» и «идеал мадонны» в одном мгновении уживаются в нем.

Ивану Карамазову так же свойственно двойное слово, но двойственность его речи основана на предвидении возможных возражений и опровержений. Отсюда оговорки, лазейки и т. д.; слово Ивана — это слово героя-идеолога. Оно отражает не только противоречия «идеала мадонны» и «содомского идеала» его души, а скорее колебания самого Ивана между тем и другим, именно в силу того, что если Дмитрий своим разумом многого не познал,

то Иван «познал» слишком много. Ритм его речи после катастрофы становится неуверенным, сбивчивым, утрачивая свойственную ему последовательность, что, видимо, связывается с его познанием не только рассудочной, но и живой жизни.

Остается еще одна важная проблема, а именно проблема соотношения речи абсолютного автора и «хроникера». Как уже было сказано, «хроникер» выделяется в структуре текста. Голос же абсолютного автора — это весь роман в его единстве.

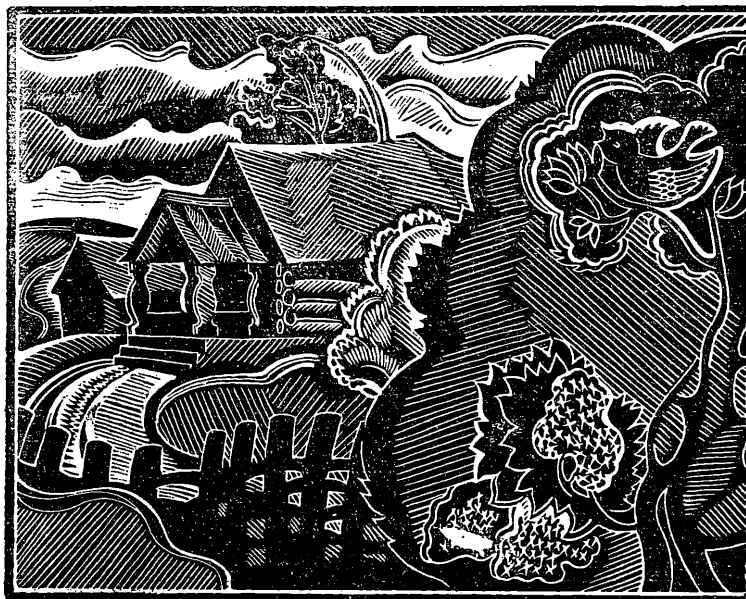
В романе Достоевского осталось место и для монологической речи автора. Только чаще всего он заявляет о себе косвенно.

В романе нет ни одной главы, где отсутствовал бы хроникер, его интонации слышны повсюду: «все знали, что...»; «Биографью этой девочки знали, впрочем, у нас в городе мало и сбивчиво»; «были только слухи»; «все это стало известно впоследствии». Сама Грушенька обрисована как бы с точки зрения Алеши и Ракитина. Но тут же в их восприятие вторгается голос всеведущего, абсолютного автора: «Именно она кого-то ждала [голос автора]; лежала как бы в тоске и в нетерпении» [так могут понять Грушеньку Алеша и Ракин].

Голос Достоевского звучит и косвенно и явно, открыто, не стесняясь выдать себя: «Великое горе души его [речь идет об Алеше] поглощало все ощущения, какие только могли зародиться в сердце его, и если только мог бы он в сию минуту дать себе полный отчет, то и сам бы догадался, что он теперь в крепчайшей броне против всякого соблазна и искушения». Но «абсолютный» автор выступает не только в качестве нейтрального обыкновенного «знатока» человеческой души, он иногда и оценивает (здесь и момент личный, в какой-то степени исповедальнический): «Ракин удивлялся на их восторженность и обидчиво злился, хотя и мог бы сообразить, что у обоих как раз сошлось все, что могло потрясти их души так, как случается это нечасто в жизни. Но Ракин, умевший весьма чувствительно понимать все, что касалось его самого, был очень груб в понимании чувств и ощущений ближних своих — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму».

С таким явным присутствием в романе истинного автора мы встречаемся не часто. Это только один, и не самый главный прием введения в роман авторского голоса. Второй прием связан с образом положительного героя. Единным же словом автора является только роман целиком со всем его сложным механизмом, и в частности с соотношением его различных повествовательных форм, вбирающих в себя и слово героя, и слово автора-хроникера, а также и слово «абсолютного» автора, самого Достоевского.

Г. И. ЕГОРЕНКОВА

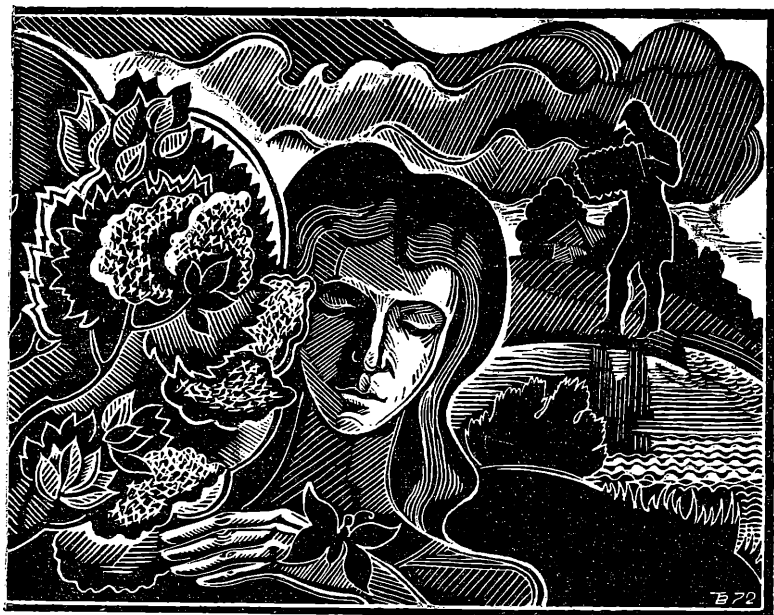
И ПАХНУТ

«Девки только ахнули и — кто куда, — развевая косами, кинулись за сиреневые, шиповниковые кусты». Так писал А. Н. Толстой в романе «Петр Первый».

Молодой послушник Рыбанька из рассказа А. Н. Толстого «Наваждение», ушедший весенними днями из Спасского монастыря и волею судеб оказавшийся на Украине, в доме Кочубея, во тьме весенней ночи, смятенный и испуганный от неосознанного предчувствия встречи с Матреной, дочерью Кочубея, бежит через сад: «А сирень мокрыми кистями — хлысть, хлысть по лицу!».

Вольдемар, таинственный «последний Новик» И. Лажечникова, вспоминает дни своего детства: «Мне минуло десять лет: помню, черемуха и синель тогда расцветали. В один из красных дней весны приехала к нам гостя, молодая., привлекательная, как божья радость».

Все три произведения повествуют о событиях, относящихся к одному и тому же периоду русской истории: эпохе Петра Пер-

СВЕЖИЕ СИРЕНИ...

вого. Тем не менее писатели — А. Н. Толстой и автор нашумевшего в середине прошлого века романа «Последний Новик» И. Лажечников — по-разному называют одно и то же растение — всем известную и всеми любимую сирень, душистые цветы которой так вдохновенно воспеты русскими писателями и поэтами: «Был седьмой час вечера — время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха» (Чехов. Учитель словесности); «И на сирени благовонной, Под блеском месячных лучей, Кладбища гость, певец бессонный, Звучит и стонет соловей» (Вяземский. Моя молитва); «И зелен лес, и робко в нем Заводит шепот лист с листом, И пахнут свежие сирени» (Огарев. Buch der Leibe)...

Кажется, без этого неперемennого атрибута весны не сумел обойтись ни один русский писатель или поэт. Однако слово *сирень* появилось в русском литературном языке сравнительно недавно. Впервые это слово привел в 1847 году «Словарь церковнославян-

ского и русского языка»: «Сирень. *Syringa vulgaris*. Деревцо, приносящее лиловые и белые цветы в виде кистей». Тот же словарь отметил и прилагательное *сиреневый*, образованное от *сирень* и ставшее обозначением соответствующего цвета.

Но означает ли это, что растение *Syringa* из семейства масличных, известное теперь повсеместно под названием «сирени», появилось в России лишь в XIX веке? Разумеется, нет. На основании одних только лингвистических данных невозможно со всей определенностью указать время, когда сирень впервые была завезена в Россию. Что касается Европы, то ботаники датируют появление этого душистого кустарника в европейских садах концом XVI века (Н. К. Вехов. Сирени. М., 1953).

Предполагается, что в Европу сирень попала из Ирана через Турцию. Не случайно поэтому поляки называют это цветущее деревце турецким словом *bez* (*bez turecki*; *bez włoski*) или другим словом, также пришедшим с востока, — *lilak* (ср. болгарское *люляк*, английское *lilak*), что значит 'голубой'. От этого слова ведет свое происхождение общеизвестное прилагательное *лиловый*. Заметим, кстати, что турецкое название *bez* в несколько измененной форме — *безá* известно и русскому языку: его приводил «Словарь русского языка» (1895). По свидетельству В. И. Даля, сл.ом *беза* называли сирень жители Орловской губернии. Это слово до сих пор бытует в Смоленской и Брянской областях, хотя и вытесняется постепенно литературным *сирень*. Именно это заимствование из турецкого закрепилось в украинском и белорусском языках: украинцы именуют сирень *бузок*, а белорусы — *буз*.

Здесь важно подчеркнуть одно существенное обстоятельство; как, быть может, уже заметил читатель, в славянских языках *Syringa* называется по-разному: польские *bez* и *lilak*, болгарское *люляк*, чешское *šejk*, русское *сирень*, украинское *бузок*, белорусское *буз*. А это неоспоримо свидетельствует о том, что *сирень* — заимствование, притом заимствование, относящееся к весьма позднему периоду. Греческое по происхождению (*syriaks* 'трубка'), попав в русский язык из немецкого, слово это, подобно тому привозному южному деревцу, обозначением которого оно стало, постаралось акклиматизироваться на русской почве. На основе определенного цветового восприятия (голубые, синие кисти *Syringa vulgaris*) русский превратил чуждое ему слово в простое и понятное — *синель*. Так появилась та самая «синель», буйное весеннее цветение которой вспоминает герой романа И. Лажечникова.

В 1794 году, то есть в самом конце XVIII века, слово *синель* появляется на страницах «Словаря Академии Российской», сопровождаемое следующим любопытным определением: «Синель. *Sy-*

ringa vulgaris. Куст, приносящий цветы голубые, кистью расположенные. Листья имеет овально-сердцевидные; растет в теплых странах и наши зимы выдерживает». Это подробное описание с указанием, откуда пришла «синель» в суровый климат России и как относится деревце с голубыми цветами к русским морозным зимам, заставляет предполагать, что перед нами не только самая ранняя словарная фиксация слова *синель*, но едва ли не одно из самых ранних по времени исторических свидетельств, касающихся появления сирени в России.

В изданном тремя десятилетиями ранее «Новом вояжировом лексиконе на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и российскомъ языкахъ» (так называемом Словаре Сергея Волчкова. СПб., 1764) растение *Lilak* еще именуется «сеннетным деревом». Слово *синель* мы встречаем до этого лишь в Петербургском своде законов 1756 года, где, как явствует из текста, *синель* к нашей сирени никакого отношения не имеет: обращая внимание на «сѣянiе травы, называемой синели» и приготовление «гноенiемъ той травы на дѣло красокъ», «...Правительствующий Сенат приказали: дабы тамошние обыватели въ размноженiи и приведенiи въ лучшую помянутой травы синели наиприльжнѣйшее старанiе и раденiе прилагали». Так что трудно сказать, знали россияне сирень в эпоху Петра или она появилась в российских садах позднее.

Очень скоро, однако, название *синель* было вытеснено из русского литературного языка словом *сирень*, но не исчезло бесследно, а вплоть до наших дней сохранилось в диалектах. Еще А. И. Куприн в рассказе «Ночная фиалка» метко подметил «...Что касается фиолетового цвета, то этого цвета русский народ совсем не знает и нигде не употребляет. Лиловый он еще понимает по сирени, да и то говорит не сиреневый, а синелевый». Действительно, *синель* едва ли не самое распространенное в народе название душистого цветущего кустарника. Оно бытовало в Казанской, Калужской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Московской, Воронежской губерниях, на Дону. И в наши дни вы можете услышать это слово, например, от жителя тульских деревень: «Синель дюже зацвела, хорошо пахня. Ты зачем это нашу синель ломаешь?». Тот же туляк назовет сирень ласковым словом *синелѣк*: «Я тебе синелѣрку наломаю». В городе Касимове Рязанской губернии сирень называлась *синелькой*, а в Брянской области и сейчас еще употребляют слово *синилка* для обозначения этого весеннего цветущего деревца.

От *синель* в русских диалектах образуется прилагательное *синелевый* «относящийся к сирени», «сиреневого цвета» (например в Воронежской губернии), а также *синельный*: «Синельный куст, синельный листочек» (Тульская губерния). Вот как пела, напри-

мер, в Казанской губернии девушка, обращаясь к своему возлюбленному:

Приходи ко мне не рано,
Приноси добра не мало:
На два платяца пошлину,
На салопчик левантину,
Еще ситечку кусочек
Да синелевый платочек.

Известный русский ботаник Н. И. Анненков отмечал, что в Нижегородской губернии сирень называется *синие пучки*. Это название особенно отчетливо указывает на связь народного наименования *синель* с общерусским прилагательным *синий*.

Литературное *сирень*, по-видимому, стало проникать в диалекты довольно поздно, так и не сумев окончательно вытеснить из народной речи диалектного названия *Syringa*. В начале XX века В. И. Чернышев записал в Тверской губернии слово *сырень*. В 50-е годы нашего столетия это слово — *серень* отмечено на территории русских говоров Прибалтики: «В той дярвене ся-рени было много, вот и назвали Серенец. В Московской области (60-е годы) известно слово *сиренник*: „Сиренник — это дерево сирени, душистый цвет у него. Вон за окном в палисаднике, — объясняют местные жители, — растет сиренник”». Таким образом, здесь уже имеем и производное от литературного *сирень*.

В одной из русских частушек поется:

Ты сирень, сиренечка,
Голубая веточка!
Дочего к дроле пристала
Серенькая кепочка!

Эта частушка в различных вариантах известна в Московской области, Тагильском округе («сирень, сиренюшка»), на псковской земле («голубая сиренечка»), на вологодчине («синия сиренючка»).

Итак, несмотря на повсеместное распространение в русском языке слова *сирень*, старое название, так отчетливо связанное с понятием «синий», продолжает жить в русских диалектах, а в современных словарях русского литературного языка *синель* сопровождается пометой «устарелое» и «областное».

Действительно, в разряд «устарелых» слово *синель* попало довольно скоро. Уже в середине прошлого века Словарь 1847 года, отметив слово *синель*, отсылал читателя за разъяснениями к другому слову, которое к тому времени уже прочно утвердилось в русском литературном языке, — *сирень*. Таким же образом поступили и энциклопедические словари И. Н. Березина, Ф. Толля, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и т. д.

В русской литературе уже в прошлом веке *сирень* заметно вытесняет старое название *синель*. Так, в уже упоминавшемся

романе И. Лажечникова «Последний Новик» читатель найдет не только *синель* детских грез Вольдемара, но и *сиреневые* кусты: «В цветнике, за кустами сиреневыми, под самыми окнами Луизиной спальни, постоянно были музыканты». Ср.: «Молочно-розовый фон его [сада] кое-где оттенен лиловыми кистями сирени» (Лажечников. Немного лет назад).

Сложнее определить «живучесть» *синели* в русской поэзии. Так, быть может, появление этого слова у Ф. Тютчева объясняется соображениями рифмы: «Бродить без дела и без цели И ненароком, на лету, Набрести на свежий дух синели Или на светлую мечту» (Тютчев. Нет, моего к тебе пристрастья...). Именно поиски рифмы привели к этому слову В. Брюсова в так называемых «фигурных стихах» его изысканно-формалистических «Опытов»:

Я,
еле
качая
веревки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки,
летаю в просторе
крылатый, как птица,
меж лиловых кустов.

Пирамида-треугольник

С. Аксаков в одном из писем, адресованных И. С. Тургеневу, писал: «Черемуха, в которую я почти влюблен, уже отцвела, по синель, воздушный жасмин и все цветущие кусты еще не распустились». В. И. Даль, употребляя слово *синель* в литературных сочинениях, отлично осознает его народный характер: «Зелень осталась на одном только кусте, и то не нашем, а завозном в садах, на сирени или,— поясняет знаменитый создатель „Толкового словаря“,— как удачно переделали ее, на синели...».

Итак, в наши дни слово *синель* имеет отчетливую диалектную окраску. Оно перестало быть понятным городскому жителю. Милая нашему сердцу сирень буйно цветет в русской художественной прозе, в русской поэзии, затрагивая самые чувствительные струны нашей читательской души:

Открывая окно, увидал я сирень.

Это было весной,— в улетающий день...

Так понятно и просто звучит голос А. Блока.

А весна хороша, хороша!

Охватило всю душу сиренями.

Поднимай же скворешню, душа,

Над твоими садами весенницами,—

вторит ему Николай Заболоцкий.

Е. И. ЭТЕРЛЕЙ
Ленинград

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ НЕПРАВИЛЬ- НОСТИ

К

лассик русской поэзии Александр Блок завершил своим творчеством поэтические искания прошлого века и во многом predetermined судьбу поэзии наших дней. Он расширил границы словесной образности, значительно обогатил поэтический язык и ритмико-интонационный строй русского стиха. Этим и объясняется его большое влияние на мастеров советской поэзии. Не случайно еще в 1931 году А. М. Горький писал о том, что поэту необходимо знать тот язык стиха, который выработан Брюсовым, Блоком, что в наши дни нельзя писать стихи, не опираясь на этот язык.

Литературное наследие Блока и его язык заслуживают специального изучения. Поэтическое и литературно-критическое творчество поэта довольно широко изучается литературоведами (см.: В. Орлов. — «Блоковский сборник». Тарту, 1964). Язык поэта еще находится на периферии научных интересов языковедов, хотя его изучение имеет существенно важное значение не только для блоковедения, но и вообще для поэтики, истории русского литературного языка и стилистики художественной речи. Используемые писателем языковые средства в литературных произведениях являются художественно-стилистическими фактами.

В настоящей статье рассматриваются варианты ударения в поэзии Блока, известные как «очень вольные». Материалом для наблюдений служат стихотворные тексты, помещенные в «Собрании сочинений» А. Блока в восьми томах (М. — Л., ГИХЛ, 1960), в которых сохранены специфические особенности орфографии, пунктуации и акцентуации поэта.

Блок воспитывался в высокообразованной интеллигентной семье, где философские, научные и литературно-театральные интересы были на первом плане. Истоки его творчества уходили в русскую классическую литературу XIX века. Эпоха, среда, воспитание определили и язык Блока — рафинированный язык скептического Петербурга на рубеже двух веков. Тем не менее у него встречаются отклонения от литературной нормы: «Он, помню я, свети́л в морозной ночи, Среди шумного города свети́л...»; или: «Он головку вскидава́ет...». Или еще: «Уже по этому случа́ю...» (во всех примерах место ударения указано Блоком).

Одним читателям такие варианты ударения кажутся простой безграмотностью, иными они воспринимаются как «сознательные неправильности» или как «поэтические вольности», характерные для стихотворной речи, которая, по их мнению, подчиняется стихотворному размеру. Но еще Л. А. Булаховский указывал, что «ни один культурный поэт никогда себе не позволял и не позволяет колебаний больших, чем те, которые реально существуют в литературном употреблении его времени». Блоку никак нельзя отказать ни в умении владеть стихом, ни в отсутствии языковой культуры. Так почему же у него встречаются такие «казусы»?

Отклонения от акцентных норм наших дней постоянно живут в поэзии. Их функции в ткани художественных произведений различны. Они встречаются и как стилистические приемы, и как традиционно-поэтические нормы, принятые в поэзии с давних пор, и как отражение существовавших во время написания художественного произведения произносительных норм, которые претер-

пели изменения к нашему времени, и как отступления от норм в речи поэта — особенности поэтической акцентуации.

Наибольший интерес представляет первая группа акцентных вариантов: «неправильности», которые сознательно вводятся автором в художественную ткань произведения. Так, приведенные отклонения от литературной нормы произношения использованы Блоком с определенными стилистическими целями. Они наряду с другими художественными средствами способствуют более яркому и полному воплощению идейного и эмоционального замысла художника. Рассмотрим наиболее интересные случаи использования Блоком акцентных вариантов, не принятых в языковой норме.

Вьюга — вьюга́

Акцентный вариант с ударением на последнем слоге не был нормативным в начале XX века. Слово *вьюга* наряду со словами *метель*, *ветер*, *пурга*, *вихрь* часто употребляется в поэзии Блока, особенно в революционные годы, которые осознавались им как период разбушевавшейся народной стихии и ассоциировались с ветрами и вьюгами. Поэт откликнулся на Октябрьскую революцию поэмой «Двенадцать», фольклорный строй которой не раз отмечался исследователями. Для речевой характеристики многих героев этой поэмы поэт использует вульгарную, просторечно-сниженную лексику, искаженные формы слов, разговорные варианты ударений, неологизмы революционной эпохи: бац, електрический фонарик, сукин сын, Катька-дура, жрала, юнкерье, солдатье, вскидываёт, керенка, буржуй и др. Этот прием помогает ему полнее раскрыть классовую, социальную природу персонажей поэмы. Обращаясь, например, к использованию просторечно-областного акцентного варианта *вьюга́*, Блок сознательно ставит его рядом с нормативным *вьюга*:

Разыгралась чтой-то вью́га,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Двенадцать

О том, что такое обыгрывание ударения употреблено поэтом специально, для характеристики речи своих героев, свидетельствует и черновой автограф Блока, представляющий собой один из вариантов диалога красноармейцев:

— Ох, вьюга́ какая, Спасе!
— Где ты Спаса видел, Вася?

У Блока ничего не было случайного ни в написании слов, ни в постановке ударений, о чем он сам пишет редактору С. К. Маковского (29 декабря 1909): «Хочу только ответить Вам на Ваше

недоумение относительно моего несогласия исправлять стихи... Для меня дело обстоит вот как: всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так „поет-ся“...». Блок намеренно поставил в рукописи просторечно-областной вариант ударения, хотя в окончательной редакции читаем:

— Ох, пурга какая, Спасе!

— Петька! Эй, не завирайся!

В окончательном тексте слово *вьюга* заменено *пургой*. Вероятно, это вызвано необходимостью избежать неоднократного повторения слова *вьюга*, которое встречалось бы четыре раза в одной строфе. Передавая сбивчивые ритмы революционной поры, Блоку еще раз потребовалась «сознательная неправильность» — акцентный вариант *вьюга́*:

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи...

Ниже, в авторской речи, стоит нормативный вариант *вьюга*:

Трах-тах-тах! — И только эхо

Окликается в домах...

Только вьюга́ долгим смехом

Заливается в снегах...

И за вьюгой невидим...

Блок часто употреблял слово *вьюга* с литературным ударением и в стихотворениях. Но в поэме «Двенадцать», прибегая к просторечно-областному варианту *вьюга́*, Блок воспроизводит фольклорно-песенные интонации, умело применяет характерное для народного творчества обыгрывание вариантов ударения.

Случай

Ярким примером воздействия живой языковой среды на художественную речь может служить просторечный акцентный вариант *случа́й*, который отрицался уже словарями XIX века. Между тем Блок пишет:

И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет

Уже по этому случа́ю

Бегущий подсобить народ...

Возмездие

Употребление в этом случае просторечно-бытовой акцентной формы вполне оправдано. Она помогает обособить, подчеркнуть

просторечные глаголы *напер*, *орет*, *подсобить* в стилистически сниженном контексте. Художественная ткань произведения создается при тесном взаимодействии всех элементов разговорной речи.

Ворота — воротá

Словари XIX и XX веков дают оба акцентных варианта, указывая на просторечно-разговорный или областной характер второго. Использование обоих вариантов в языке поэзии традиционно и прослеживается от Пушкина до наших дней. В поэтической практике Блока это слово также встречается в обеих формах: «Мы миновали все ворота...» (Холодный день); «Они предчувствовали что-то... Слепые темные ворота» (Она стройна и высока...); «Вечный стук в ворота: выходи!» (Май жестокий с белыми ночами!...); «Сын быстро ищет воротá...» (Возмездие); «Отдых напрасен. Дорога крута. Вечер прекрасен. Стучу в воротá» (Вступление); «В воротáх гремит звонок...» (Старый, старый сон...) и т. д. Иногда Блок употребляет оба варианта рядом:

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротáм.

И глухо заперты ворота...

Фабрика

Однако в стихотворении романтического плана «Дикий ветер стекла гнет...», ритмомелодика которого восходит к фольклорным образцам, уместна только разговорно-просторечная форма *воротá*, которая придает всей поэтической структуре этого произведения сказочно-напевную окраску:

Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает воротá.

Особенно важно проследить, как отражаются в поэтическом языке Блока элементы русской народной речи. Поэта не удовлетворял эстетизм в литературе конца XIX — начала XX века. В 1908 году (30 января) в письме к матери он писал: «...Весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное...». Наметившийся в его раннем творчестве разлад с действительностью постепенно преодолевался. Немалую роль в этом играл интерес поэта к устному народному творчеству, ставшему для Блока поэтическим образцом. Фольклорные образы, постоянные эпитеты, характерные обороты речи, традиционные акцентные варианты (серебро, девица), перенос ударения с существительно-

го на предлог, ритмы и интонации народных песен внесли живую струю в его творчество, приблизили к действительности, увеличили экспрессивность его произведений:

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь и погаснуть не в мочь.
Что в очах Твоих, красная дѣвица,
Нашептала мне сияя ночь.
Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадаи заколдованный луг...

Загляжусь ли я в ночь на метелицу...

Эпитет *красная* предполагает традиционный перенос ударения на первый слог в слове *дѣвица*. В обычном употреблении Блок использует нормативный вариант:

Дѣвицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...

Ночная Фиалка

Обращение русских поэтов к народно-песенным формам — традиция отечественной классической литературы. Через Пушкина, Лермонтова, Некрасова она идет к Блоку, в творчестве которого сильны народные истоки:

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей,
Ты ищи, сестра, ворона коня,
Он копытом бьет в тишине полей...

Словно молнии луч...

И странным сияньем сияют черты...
Удалая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника — ты?

Заключение огнем и мраком

Словно в серебре смуглые руки...

Натянулись гитарные струны...

Следуя ритмико-интонационному строю народного стиха, Блок употребляет дактилическое ударение в конце строки (забытье), используя характерный для народной акцентологии перенос ударения на начало слова, тогда как словари дают только один вариант *забыть*:

Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!
Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами йссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!
Что рыдалось мне в шопоте, в забытьи
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Опустишь, занавеска линиялая...

Они глядят в по́дворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли обо́ротня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Иду — и все мимолетно...

Источником ритмического многообразия стали для Блока народный эпос и лирика, неписанный кодекс поэтики которых узаконивал вольности в постановке ударений. Поэт часто употреблял распространенные акцентные варианты: далеко́ — да́леко, вы́соко — вы́соко, глубо́ко — глубо́ко. Стихи Блока изобилуют этими формами. Причем поэт предпочитает второй вариант, с разговорно-просторечной окраской:

Отворилось облако вы́соко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царица смотрела заставки...

Похоронят, зарюют глубо́ко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: да́леко, вы́соко
На земле где-то дождик идет.

Похоронят, зарюют глубоко...

В поэзии Блока часто встречается характерный для фольклора перенос ударения с имени существительного на предлоги: из степи, за́ море. Как правило, ударение проставлено самим автором: «Полетим с тобой, девочка за́ море» (Поэт); «Как прежде, за́ сердце берет...» (Поёт, поёт...); «Пускает ко́ дну корабля» (Война); «Кто — на́ вечер лететь, пленять...» (Возмездие); «Окна ложные на́ небе черном...» (Окна ложные); «Кто-то на́ плечи руки положит...» (Есть минуты...); «Навалят на́ спины кули...» (Фабрика); «Нет, не вьются там по́ ветру чубы...» (Новая Америка); «Гонимых по́ миру судьбой...» (Возмездие); «Мне же по́ сердцу белая ложь...» (Днем вершу я...).

Фольклорные элементы придают особую эмоциональность и выразительность поэзии Блока, ту лирическую напевность, которая свойственна лучшим народным образцам. Среди выразительных языковых средств, использованных Блоком, немаловажное значение имеют варианты ударения. Они несут смысловую и стилистическую нагрузку, воспроизводят музыкальные стороны звучащей речи и вместе со всеми элементами языка помогают создать законченный художественный образ.

Т. Г. ЮРЧУК
Ровно

СЕЯЛКИ — ВЕЯЛКИ..

В языке произведений современной художественной литературы и публицистики довольно часто встречается любопытная конструкция — особое парное объединение двух существительных, синтаксически независимых и лексически однородных: «Ближе к самому бору — снова добрые дома, хозяйственные, хотя и поставлены без улиц-переулков и глядят лицом кто куда; До сего времени пахло здесь щами, печеным хлебом, вареным-пареным еще каким-то...; ...И сербы-японцы разные, о которых сроду-то никогда не слышать было, явились порядок устанавливать и кусок урвать...» (Залыгин. Соленая Падь).

Подобные конструкции в еще большем количестве встречаются в сравнительно небольшом сборнике рассказов «В чистом поле за проселком» Е. Носова: «В детстве из лесов-лугов не вылазила» (Шумит луговая овсяница); «Как ни богат колхоз техникой — и комбайны, и культиваторы, и сеялки-веялки всякие, и тракторы по восемьдесят лошадиных сил, — все еще столько прорех» (Шуба); «У них там хаты, коровы, деды-бабки» (Портрет).

Рассматриваемая конструкция обладает определенными признаками. Это сочетание, объединенное сочинительной связью. Правда, сочинительная связь в данном случае очень своеобразна. Во-первых, эта конструкция, в отличие от незамкнутых рядов однородных членов, всегда состоит из двух компонентов, то есть представляет собой замкнутый ряд. Нам встретился всего один случай, когда в конструкции не два, а три существительных: «И снять последнюю можно не доводами рассудка, а лишь создав некую более сильную доминанту. Священник-проповедник-пресвитер умеет это делать, его специально тому учат» («Комсомольская правда», 6 июня 1968). Это исключение

не отменяет общего правила обычной двусоставности сочетания. Во-вторых, компоненты объединены ритмически, нет характерной для однородных членов предложения интонации перечисления. В-третьих, если конструкция повторяется, то при этом, как правило, сохраняется устойчивый порядок следования компонентов.

Мы ограничились случаями, когда компонентами конструкции являются существительные. Но возможно объединение глаголов и других частей речи: «Пошел батя совслужащим, считать-писать умел» (Лоркиш. Невидимые бои); «Ординарец и коней им запрягает-распрягает... (Залыгин. Соленая Падь) и т. д.

Словом, эта конструкция широко распространена в языке современной прозы, поэзии и публицистики: «Не всегда ведь найдешь, что нужно. Ну а Копосев большой дока по экспорту-импорту» (Смирнов. Прерванный рейс); «А за мною для начала все мосты поразведут, и на пристанях-вокзалах даже справок не дадут» (Берггольц. Я еду, я еду...); «Мы не девочки-мальчики, Нам за двадцать давно» (Ошанин. Песня вечерних студентов); «Глухари, не считаясь с отцами-сынами, обрывая соперникам крылья, лютуют...» (Максимов. Голубые огни); «Мы-то знаем, между нами, что вернулся ты домой не с чинами-орденами, а с медалью боевой» (Смеяков. Сосед); «Мальчики играют в войну, бьют „фашистов“, мальчики играют „в Тимура“, учатся правде. Девочки играют в дочки-матери...» («Комсомольская правда», 4 июня 1968); «Знаете, все эти предисловия-послесловия мы, честно говоря, пропускаем» (Михайлов. Любят ли ваши дети поэзию?); «Другого способа... заманить на стол гриб-ягоду так и не нашел» («Комсомольская правда», 14 марта 1968).

Почти все примеры имеют отчетливо выраженный устноречевой оттенок. Особенно если словосочетания взяты из прозаических произведений. Употребительность таких конструкций в стихах, по существу являющихся монологом лирического героя, не опровергает этого наблюдения. «Давай, бабы-девки! Шевелись, родные!» (Носов. Храм Афродиты); «...мы же, говорит, запишемся в комиссариате, и сразу муж-жена преобразуемся» (Шишков. Пароходная теща); «А электрический ток? Протон-электрон все крутится» (Войскунский, Лукодянов. Черный столб); «В Маслячиху,— ответила Верушка.— За пряниками-конфетами» (Носов. За долами, за лесами).

Употребление замкнутых сочинительных единств наряду с сочинительными незамкнутыми рядами закономерено и оправданно с точки зрения стилистической и смысловой. Дело в том, что конструкция с союзом *и* (или интонацией перечисления) в смысловом отношении конкретна и законченна, то есть имеются в виду именно эти два объекта и ничто иное. В анализируемых конструкциях налицо некоторая смысловая незаконченность, в них как бы лишь названы видовые признаки определенного ряда явлений. Возникает своеобразный парадокс: незамкнутая в синтаксическом отношении конструкция (с союзом *и* или интонацией перечисления) замкнута в смысловом отношении, а замкнутая в синтаксическом отношении конструкция имеет некоторую смысловую незаконченность.

Любопытна особенность рассматриваемой синтаксической модели. Она в целом выступает как синоним к родовому понятию: муж-жена — супруги, леса-луга — природа, сеялки-веялки — сельхозинвентарь и т. д. «Чехи, разные, сказать, сербы-японцы зимой Колчаку не помощники» (Залыгин. Соленая Падь) — в данном контексте *сербы-японцы* — синоним *интервенты*; «Перевязал веревочкой свои физики-химии, недоделанные планеры на чердаке спрятал и потопал» (Носов. Шумит луговая овсяница) — *физики-химии* равнозначны *учебники*.

Подобный способ абстрагирования обладает исключительно экспрессивным характером: «Все к лешему перезабыл, все эти синусы-косинусы» (Носов. Шумит луговая овсяница). Употребление родового — и синонимического! — обозначения *тригонометрия* (шире: математика) сделало бы высказывание нейтральным, лишило бы его той выразительности, какой обладало оно благодаря этим *синусам-косинусам*. «Я слышал, ты кое-что понимаешь в закрепителях-проявителях. Давай сделаем фотогазету» («Комсомольская правда», 19 марта 1968). Заменяем *закрепители-проявители* синонимическим эквивалентом *фотография* и сразу обнаружим, что фраза эта получится менее выразительной.

О том, что подобный способ абстрагирования выполняет в основном экспрессивную функцию, достаточно убедительно свидетельствуют случаи, когда в пределах узкого контекста употреблена и парная конструкция, и родовое обозначение: «Не обращая внимания на Евксентьевского, он загремел посудой: отсчитал чашки-ложки, потом

выбрал палатку поновей и пошел в контору» (Чивилихин. Елки-моталки); «О птице и говорить нечего: каких только гусей-уток не навезли» (Носов. Пятый день осенней выставки).

Рассматриваемая конструкция, несомненно, факт синтаксиса, но равновеликость слову ставит ее в особое положение: это лексико-синтаксическое образование, обладающее повышенной экспрессией. Перед нами все основные признаки фразеологизма, идиомы. Широко известны примеры *купля-продажа, имя-отчество, руки-ноги, хлеб-соль* и другие: «На крыльцо хлеб-соль мне выносили и встречали песнями меня» (Боков. Изюм всех текучих рек России); «Руки-ноги у меня похолодели» (Шишков. Посельга); «Мы знали его по имени-отчеству и так не узнали фамилии» («Наука и жизнь», 1967, № 12); «О моральной стороне купли-продажи людей никто здесь и не упоминает» («Комсомольская правда, 12 апреля 1968).

Нам представляется, что рассматриваемая конструкция отчетливо являет особую форму синонимии, которую мы бы назвали скрытой. Члены сочетания, являясь в целом синонимом к родовому обозначению, что мы пытались показать выше, несмотря на свою лексическую неоднородность вдруг как бы обнаруживают синонимические отношения между собой: каждый из них является одинаково полноправным представителем рода, и это приводит к известному семантическому сдвигу в каждом члене двойной конструкции. Эта внутренняя синонимичность повышает общую экспрессивность конструкции. Этим обусловлено широкое распространение ее в языке фольклора, где всеобъемлющий принцип симметрии воплощается и в форме синонимических рядов (пар): «С какого ты села-города И которого отца-матери» («Песни, собранные писателями». М., 1968).

Позже эти конструкции, называемые «гендиадис», «двандва» (одно через два), проникают в авторскую поэзию в качестве поэтических штампов: «Дарят щедрые гуси-лебеди Синим рекам белые перья» (Молева. Осень); «Где за морями-океанами Им гавани свои найти?» (Стриженюк. Грузы).

Следует еще раз подчеркнуть обязательное условие конструкции — ее незамкнутый в смысловом отношении характер, о чем мы уже говорили в начале заметки. В противном случае сходная формально, но лишенная

указанного свойства конструкция экспрессией не обладает. Например, объединим полярные понятия или любые два члена, которые исчерпывают весь семантический ряд, и это будет нечто иное. Сравним: «Я понимаю все сложности этой работы. Правда-неправда, установление истины, отсев хорошего и плохого» («Литературная газета», 21 февраля 1968); «Оно прошло через всю историю, это удивительное и многозначительное сходство-различие» (Залыгин. Вода и земля Земли); «Ты еще можешь не только выдумать новую теорию пространства-времени, но даже выучить старую» (Днепров. Когда задают вопросы...). Сюда же, видимо, относятся и упоминаемые выше конструкции типа *купля-продажа, руки-ноги, имя-отчество* и другие.

Итак, перед нами конструкция, которая вне зависимости от лексического наполнения предопределяет экспрессивный характер высказывания. Выразительность конструкции способствует частому ее применению. Дальнейшее расширение и углубленное обследование устной речи, как нам кажется, подтвердит выводы, сделанные на ограниченном, «письменном» материале.

А. Т. ХРОЛЕНКО,

*доцент Курского
педагогического института*

Летом всякий кустик ночевать пустит.

Дождливое лето хуже осени. Ранний дождь озолотит, а поздний разорит.

Вошли хлеба — не дивись. Налились хлеба — не хвались. Хлеб на току — про урожай толкуй.

Летом пролежишь — зимой с сумой побежишь.

21 июня — Стратилат грозами богат. Летом ведро воды — ложка грязи. Дождь вымочит, а красное солнышко высушит.

ГРИБНАЯ ОХОТА

Известно, что сочетаемость слов друг с другом обуславливается как их принадлежностью к определенным частям речи, так и значением. Для имени прилагательного, например, обычна сочетаемость с именем существительным (новое платье, легкий ветерок), для переходного глагола — с винительным падежом существительного или местоимения без предлога (читать книгу, любить брата). Смысл слов *читать* и *топор*, *быстрый* и *книга* не позволяет образовать на их базе словосочетания *читать топор*, *быстрая книга*. Однако значит ли это, что всякое необычное сочетание слов мы должны признать неверным, ошибочным? Конечно, нет.

В художественной речи или речи, имеющей элементы художественности, необычные, не носящие печати общего употребления словосочетания оказываются вполне уместными и являются одним из источников образности и выразительности повествования.

Интересно с этой точки зрения проанализировать словосочетания с прилагательным *грибной* в книге В. Солоухина «Третья охота», написанной на основе личного «грибного» опыта писателя.

Вполне естественно, что в книге о грибах словосочетания с относительным прилагательным *грибной* представлены достаточно широко. Всего в повести насчитывается около 60 случаев употребления этого слова. *Грибной* сочетается здесь порою с самыми неожиданными конкретными и отвлеченными существительными. Одни из этих сочетаний — обычные, общеупотребительные, другие несут больший или меньший отпечаток необычности, являются даже, пожалуй, авторской «вольностью».

Каковы же эти обычные и необычные сочетания?

К числу общеупотребительных относятся сочетания с конкретными существительными: икра, супы, лапша, шляпка, мякоть, спора, круг, ткани, масса, корзина, лес, перелесок: «Еще раз проплывут перед глазами все картины грибного леса, все укромные лесные уголки, где теперь тебя нет, но где все так же лопочут на своем языке тронутые багрянцем осины».

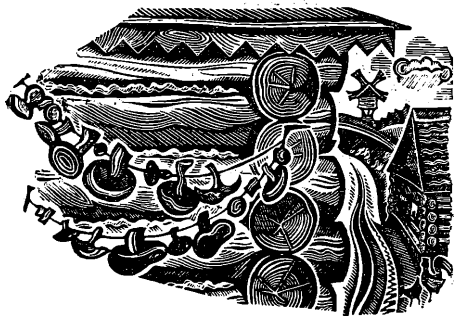
К образным можно отнести словосочетания с конкретными существительными: дерево (грибница), мясо (мякоть), справочник, книга. Словосочетание *грибной справочник* автор считает более обычным, чем *грибная книга*: первое дается без кавычек, второе — с кавычками, подчеркивающими необычность сочетания: «В грибном справочнике, в описании какого-нибудь вида, в последней строке

сообщается, как этот гриб лучше всего употреблять»; «Конечно, каждая книга вызывает читательские отклики. Но письма на мою „грибную“ книгу отличаются одной особенностью...».

Удивительной находкой Солоухина является использованное по отношению к появляющимся ранней весной грибам словосочетание *грибные подснежники*, создающие запоминающийся образ: «До первых июньских колосовиков, до основных августовских россыпей, до хрустящего осеннего рыжика так далеко, еще невозможно помыслить, и вдруг оказывается, что и теперь, ранней весной, вырастают грибы. Грибные подснежники!».

Рисуя своеобразную, таинственную жизнь грибных обитателей леса, Солоухин как бы одушевляет их, создавая словосочетания: грибные разноплеменные полчища; грибное уродство; грибной квазимодо; грибные личности; грибное плебейство; грибной лев; грибной орел; грибное население. «Недоверчиво обошел я вокруг первого пня, прошел дальше и вдруг замер от восхищения. То есть восхищаться, может, было вовсе нечему, потому что, если нужно было бы придумать совершенное грибное уродство, грибного квазимодо, то, верно, нельзя было бы придумать ничего лучше увиденного мною теперь некоего коричневого образования»; «Но и свинushка уступает сыроежкам, разновидности которых встречаются повсюду. Да что грибное плебейство — свинushки и сыроежки! Белый, настоящий белый грибной лев (если лев — царь зверей), грибной орел (если орел — царь птиц), короче говоря, царь грибов и тот бывает боровой, еловый, березовый и дубовый»; «Если бы существовала грибная цивилизация, если бы грибы вели свою историю, отмечали бы наиболее выдающиеся случаи из нее, а также наиболее выдающиеся гриб-

ные личности, то несомненно был бы воздвигнут памятник трем шампиньонам, выросшим в городе Москве в 1956 году».

Словосочетания *грибной* плюс отвлеченное существительное составляют примерно половину всех сочетаний, встречающихся в повести. Общеупотребительны среди них сочетания с существительными: аромат, вкус, сезон, запах, лето. «Тем удивительнее, что, будучи высушенным, белый гриб приобретает вдруг крепчайший, самый что ни на есть грибной аромат, тот самый аромат, который мы и называем грибным и который в других грибах присутствует уже как бы в разбавленном виде»; «Если же в разгар грибного сезона его [масленок] берут не так охотно, как другие грибы, то этому может быть только две причины...».

Необычные, солоухинские сочетания относительного прилагательного *грибной* с отвлеченными существительными в «Третьей охоте», пожалуй, многочисленнее, чем общеупотребительные. Значение прилагательного в этих сочетаниях может быть определено как 'так или иначе связанный с грибами, имеющий хоть какое-то отношение к грибам.' Вот эти сочетания: грибные воспоминания; грибная охота; грибная быль; грибной поход; грибная эстафета; грибное чудо; грибная история; грибные события; грибная цивилизация; грибные приключения; грибная практика; грибные биографии; грибная вспышка; грибные хороводы; грибное шампиньонское дело; грибная точка зрения. «Мои первые грибные воспоминания относятся к раннему, почти бессознательному детству»; «И чем больше проходит времени, тем все удивительнее для нас самих наша грибная история, на которую мы случайно набрали на исходе теплого июньского дня»; «Благодаря яркости, красоте гриба,

благодаря его свежести и крепости охота за челяшами — одна из самых радостных грибных охот»; «Я говорил о масленке, что он первым попадает на глаза и оттого кажется самым распространенным, что дети, начиная свои грибные биографии, в первую очередь нападают на маслят, что, когда попадают в лесу другие грибы, к маслягам охладевает интерес»; «Увы, лес был абсолютно пуст. То есть он был пуст с моей грибной точки зрения».

Используемый Солоухиным однокоренной с прилагательным *грибной* антоним *безгрибный* сочетается в «Третьей охоте» только с отвлеченными существительными, обозначающими время (прилагательное с толкованием «о времени или местности, не производящей грибов», приведено в Словаре В. Даля). Сочетания эти обычны: «Но есть особенный интерес в том, чтобы набрать грибов в безгрибное время, вернее, считаемое безгрибным, потому что, начиная с апреля и кончая заморозками, в лесу растут хоть какие-нибудь, да грибы»; «Теперь я вспоминаю, что у меня были случаи, когда в безгрибные годы или дни я останавливался посреди леса и говорил: „Ну хоть бы один гриб!“».

Несомненно, что используемые В. Солоухиным необычные словосочетания с прилагательным *грибной* способствуют экономному выражению мысли и делают повествование экспрессивно окрашенным, живым, непринужденным, придают произведению характер устного рассказа своеобразного охотника — охотника-грибника.

В. Д. ПЯТНИЦКИЙ
г. Шуя Ивановской области

КОЛЬ СЛОВО НАЙДЕНО ...

ЮРИЙ НАГИВИН

Наверное, правы те, кто считает, что дело писателя мыслить образами, а не рассуждать. В самом деле — я не языковед, не литературовед, я практик литературы и лучше бы мне заниматься своим писательским делом. Но разговоры о языке ведутся у нас постоянно, — широко и щедро, — и было бы просто трусостью уклоняться от участия в них. Я и решил высказать свои отнюдь не систематизированные и, конечно же, ни для кого не обязательные соображения.

Казалось бы, какая тут проблема: язык литературных произведений, о чем тут вообще говорить? Да ведь каждому ясно: речь — это способ общения людей, способ выражать свои впечатления о мире, свои мысли, чувства, желания, свое отношение к действительности. Значит, язык писателя должен быть ясен, понятен, прост и выразителен, тогда и читатели поймут все, что хочет сказать автор. Ну, а если так, почему же до сих пор ведутся споры о языке, и «литературные» люди не могут договориться, что считать хорошим и что — плохим языком.

Существуют разные мнения о языке Достоевского и Толстого, Бунина и Андрея Платонова, Хемингуэя и Марселя Пруста.

И если все так ясно с языком, почему все писатели не пишут на одном языке, скажем, на языке Тургенева, в отношении которого не существует двух мнений — это наилучший русский язык, кристально чистый, ясный, звучный, поэтический. Или же почему не пишут как Паустовский, который в советской литературе, по мнению многих, является тем же эталоном чистейшей современной литературной речи. А вот я должен признаться, что меня чистейший язык Тургенева устраивает меньше «хаотичного» языка Достоевского или «тяжеловесного» языка Льва Толстого, а язык Паустовского, при всем моем глубоком уважении к светлой личности покойного писателя, и вовсе оставляет холодным.

А может, все дело в том, что и я сам, и мои собратья по перу просто не можем писать как Тургенев, Паустовский или, скажем, Иван Бунин, чей стиль Алексей Максимович Горький назвал «жемчужным», а могли бы, так и стали бы писать по-тургеневски, по-бунински, по-паустовски, и проблема литературного языка раз и навсегда была бы разрешена и снята с повестки дня.

Самое странное, что писать так можно и это даже не очень трудно. Слова «писать так» надо понимать здесь в смысле языковой, речевой, стилистической похожести. Писать можно до того похоже на эти образцы, что и специалист не разберется, где ты, а где они. Так же, как можно и картины писать под Рафаэля или Рембрандта, и не отличишь, где подлинное, где подделка, чем, кстати, и пользуются многочисленные мошенники в мире.

Я знал одного молодого писателя, о котором с первых его шагов в литературе все хором заговорили: «Бунин, ну как есть, Бунин! Бунин да и только!». Он и правда был ошеломляюще похож на творца «Лики». И любой его рассказ легко можно было принять за неизвестный рассказ Бунина. Конечно, если исключить некоторые, чисто внешние приметы времени.

Для Бунина характерно обилие прилагательных. Если Алексей Толстой, я имею в виду создателя «Петра Первого», считал главной силой и достоинством русского языка глагол и мастерски владел им, то Бунин несомненно отдавал предпочтение имени прилагательному. Он, как никто иной, был щедр на слова, определяющие разные свойства

и качества предмета, лица, явления. На ученом языке это называется «эпитетом». Так вот, у молодого писателя, о котором идет речь, этих эпитетов было — хоть отбавляй. Он так и сяк трогал определяющими словами предмет, будто поворачивал его разными гранями, и все это побунински красиво, поэтично, проникновенно. Но меня не отпускало ощущение какой-то вторичности, непервозданности его усилий. Более того, у меня было ощущение обмана: я напитывался всем этим сладкозвучием, а мое представление о мире нисколько не расширялось, не углублялось, не становилось богаче.

А когда я читал даже второй, третий, десятый раз Ивана Бунина, я узнавал что-то новое о мире, в котором живу. Я обогащался душой, сердцем, всем своим существом. А потом я сделал странное открытие: Бунин был на редкость щедро оснащен природой. Он обладал зрением орла, слухом соловья. Он видел в небе больше звезд, чем это доступно нормальному — и даже очень зоркому — человеческому глазу, в зимнюю стужу он уже чувствовал запахи весны, он, казалось, слышал звуки такой частоты, что недоступны тому слуховому аппарату, которым природа снабдила людей. Вот откуда взялось бунинское пристрастие к эпитетам, он очень много знал о мире, знал больше, чем другие знают, в каждом предмете и явлении обнаруживал множество тончайших, пропадающих для других свойств, и хотел передать людям это свое знание.

Его молодой последователь — это вскоре выяснилось — был в этом смысле глух, слеп и лишен ощущения запахов. К нему из внешнего мира поступало очень мало сигналов, но он усвоил бунинскую лексику, бунинский словесный строй, музыку бунинской фразы и научился создавать иллюзию больших знаний о мире, чем располагал сам. Этим он и ввел в заблуждение много доверчивых и рассеянных душ. Его беда не в том, что он подражал, а в том, что он ничего не создавал.

Таким образом, можно воспроизводить даже удивительный язык Бунина, не обладая бунинским воспринимающим аппаратом, не говоря уже о бунинском таланте. Не труднее писать под Тургенева или под Паустовского. Однако писатели этого не делают, предпочитая собственный, пусть куда менее благозвучный язык. Почему же так?

Когда я учился в школе, у нас был очень хороший преподаватель литературы и русского языка Андрей Пав-

лович Романовский, ныне покойный. Он не только прекрасно вел уроки, умно руководил литературным кружком, но и сам пописывал рассказы, которые печатались в «Прожекторе», «Вокруг света» и других изданиях. Увлеченно, убежденно и трогательно наставлял он нас умению писать. Не буду повторять его слов о ясности, понятности, благозвучии и прочих неперемennых качествах литературной речи. Он говорил, что каждый персонаж должен обладать своим характерным языком, по которому его немедленно можно узнать, очень хорошо снабдить персонаж каким-нибудь запоминающимся особым словечком или присказкой, что пейзаж должен соответствовать настроению героя, пребывающего в этом пейзаже: если твоему герою грустно, то хорош дождь, слякоть и не годится солнце. Что описания не должны быть пространны, что лучше передать обстановку через деталь. Что начало должно быть энергичным, а конец — давать пищу для раздумий. Что если ты всего этого достигнешь, то будешь писать хорошо, можешь даже стать писателем.

Но когда я стал больше и внимательнее читать, то с ужасом обнаружил, что в соприкосновении с живой тканью литературы все утверждения Алексея Павловича обращаются в прах. Во многих рассказах Хемингуэя персонажи говорят одним и тем же языком и нет у них никаких характерных словечек или присказок, а пейзаж порой вовсе посторонен происходящему. Что Лесков и Марсель Пруст крайне описательны и вовсе не стремятся выразить себя через деталь. Что стиль Льва Толстого и Достоевского вовсе не благозвучен и чист. Что во фразе Андрея Платонова иной раз можно запутаться. Словом, что любимые мои — да и не только мои — писатели не выдерживают критики с точки зрения правил, казавшихся незыблемыми добрейшему Алексею Павловичу. И значит, все далеко не так просто, и простой, звучный, чистый, красивый литературный язык не выражает истинного достоинства писателя, а писать по правилам вовсе не значит писать хорошо.

Некоторые наши критики и другие наставники в вопросах языка не слишком далеко ушли от школьных, азбучных представлений о языке литературы. И до сих пор можно встретить утверждения, что Достоевский стал великим писателем вопреки своему недостаточно хорошему языку. Как будто это вообще возможно, как будто писатель отделим от своего языка. Должен признаться, что,

на мой вкус, нервная, городская, напряженная, порой срывающаяся речь Достоевского ничуть не уступает тургеневскому благозвучию, вспоенному молоком Орловщины. Да что там — превосходит!

Когда-то Станиславский утверждал, что самое важное в игре актера — верность. Вы можете играть хорошо, говорил он, можете играть плохо, меня это не касается, мне надо, чтобы вы играли в е р н о.

Так вот, мне думается, если заменить слово «верно» на слово «точно», то мы найдем истинный критерий качества литературного языка: точность, то есть соответствие, тождественность слова тому миру явлений, лиц, идей, которые взялся изобразить автор. Язык Достоевского, а также язык Толстого и сложный язык Пруста вполне тождественны, адекватны, равнозначны тому, что они хотели выразить. И высшая красота языка этих писателей в исчерпывающей, покоряющей полноте и точности сказанного ими о мире.

А может ли быть «безъязыкая» литература? Тут не стоит заводить спора, надо просто признать, что такая литература есть. Причем весьма распространенная, имеющая громадную читательскую аудиторию и заслуживающая известное уважение. Читать «безъязыкие» произведения порой интереснее, чем миловидно оформленную словом литературу. Тут дело в количестве и качестве информации, которую сообщает писатель. Это всегда было важно для читателей, а теперь особенно важно, ибо жизнь крайне сложна и запутанна. Но и в прошлом читатели, случалось, не только амнистировали посредственно написанное произведение, но и делали его знамением времени. Да, так бывало и бывает, и все же, как правило, «безъязыкая» литература воздействует на мозг, а не на душу читателей.

Истинное чудо совершает литература, лишь когда она художественна не только по формальной принадлежности к этому «ведомству». Тогда она не просто информация, а чудо, позволяющее проникнуть в суть явления, в скрытую сердцевину бытия.

Так что же такое язык художественной литературы? Это, конечно, не только средство выражения, это средство познания мира. Что значит: ты не сумел выразить? Это значит, ты не сумел по-настоящему понять то, что собрался изобразить. Когда же ты находишь настоящие, т о ч н ы е слова, ты постигаешь явление жизни и даришь свое по-

стижение читателям. Художник не вправе сказать о себе такую распространенную бытовую фразу: я понимаю, но не могу выразить. Нет! Значит, он не понимает. Ощупывая явление словом, выискивая точные, единственные слова, он проникает в его суть. И коль слово найдено, то найдена и суть явления, лица, предмета.

Таким образом, я прихожу к тому выводу, к какому пришел герой моего рассказа «Немота». «Слова, — говорит он в минуту прозрения, — вы не слова, вы — суть!».

Нельзя отделять изображаемое от слова. «Он хороший писатель, но у него плохой язык» — звучит так же бессмысленно, как и выражения: «Он хороший скульптор, но не владеет формой»; «Он хороший живописец, но не ощущает цвета»; «Он хороший композитор, но лишен слуха». Отсюда ясно, какое огромное значение надо придавать слову, речи, языку. И мне хочется в заключение повторить строки Бунина:

...И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Устраните двусмысленность в предложениях

1. Начальник цеха товарищ Иванов назначен нашим директором.
2. Сотрудник лаборатории вернулся из командировки в Ленинград.
3. Старик вошел в сарай с дровами.

II. Объясните разницу в значении слов

Неизмеримый, несоизмеримый; подвизаться, подвязаться; дипломат, дипломант.

(Ответы на стр. 63)

О ПОЭТИЧЕСКОМ АЗЫКЕ

Среди разнообразных проблем, занимавших Валерия Брюсова, на протяжении его жизни, важное место занимали вопросы языка и языкознания. Его юношеские тетради хранят следы занятий самыми экзотическими языками. Это был интерес филолога, стремившегося не к белгости разговорной речи, а к постижению общего духа и строя языка. Такой подход к языкам, интерес к общелингвистическим проблемам (Брюсов, по свидетельству Андрея Белого, был одним из первых пропагандистов идей великого русского лингвиста Потебни) сказалась позднее и в поэтическом творчестве Валерия Яковлевича — в любимом стихотворении многих крупнейших русских лингвистов «Родной язык» и в не менее замечательном стихотворении «Новый синтаксис» и «Созвучья слова не случайны»...

Однако ближе всего Брюсову, по понятным причинам, были вопросы речи стихотворной, языка в его поэтическом применении. Брюсову принадлежат важные работы по теории и истории русской поэтической речи, по стиховедению, по теории перевода. Большинство из них перепечатано во II томе его «Избранных сочинений» (в 2-х томах. М., 1955).

Это в основном теоретические работы Брюсова. Но не меньшее значение имели блестящие разборы языка, стиля, композиции лучших произведений русских поэтов, и прежде всего Пушкина, содержащиеся в его статьях по истории русской поэзии.

К сожалению, многие наблюдения Брюсова над поэтической речью, разбросанные по разным статьям, напечатанные в давно забытых изданиях, остаются несобранными и неосмысленными. Немалая часть их до сих пор таится в недрах большого рукописного архива поэта. Заметки, предлагаемые вниманию читателей «Русской речи», извлечены из подготовительных материалов к «Истории русской лирики», большому труду, над которым Брюсов работал с 1895 по 1899 год, но который, однако, так и не был закончен.

Национальная поэзия, говорил Брюсов, как и человек, проходит через разные возрасты, и нам, свидетелям зрелости, расцвета русской поэзии, нужно не смеяться над языковыми нелепостями ее детского возраста, но постараться понять, как в этих ошибках набирало силу языковое чутье и мастерство русских поэтов. Публикуемые ниже наброски Брюсова хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

С. И. ГИНДИН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ

INTERMEDIA

[Русская поэзия при Кантемире была почти в том же положении, как] юноша, впервые пытающийся писать стихи. Он читал стихи других, чувствует, что должны быть какие-то законы стихосложения, но какие — еще не понимает. Он начинает писать, руководствуясь единственно своим вкусом, делает тысячи ошибок — конечно, если это не гений, а гениев у нас-то и нет в XVIII веке — и начинает думать, что писать стихи страшно трудно (см. признания Кантемира и даже Карамзина). В рифмах он еще не разобрался, не знает их, находит случайно. Для него *грезы* и *слезы* — такая же богатая рифма, как *терем* и *верим*. Конечно, большей частью юноша натывается на наиболее обыкновенные глагольные рифмы, но столь же нечаянно употребляет иногда и редчайшие. Таково наше стихотворство [при] Кантемире и Тредиаковском.

Но вот приходит человек знающий и разъясняет юноше правила стихосложения. Теперь все вдруг становится ему ясным. Он начинает писать по правилам и уже боится отступить от них. С рифмами он освоился — именно нашел известный круг, привык к ним и живет среди них, невольно ограничивая себя замкнутым кругом. Таково наше стихосложение при Ломоносове и его ближайших последователях.

Несомненно, юноше, впервые пытающемуся писать поэтические произведения, следовало бы посоветовать переводить легкие вещи, чтобы овладеть техникой, — но кровь у юноши кипит. Он видит великие произведения других поэтов и хочет поскорее сам создать такие же. И вот он начинает гигантские поэмы, драмы, где подымаются мировые вопросы, etc., etc... Уже Кантемир начал «Петриду».

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЭТИКОЙ ПУШКИНА

Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен в таинственную даль
И, внемля им, воспламенится младость,
Безмолвная утешится печаль
И резвая задумается радость.

В такой форме эта надпись была написана Пушкиным в 1818 году (помещена в «Благонамеренном», 1818, ч. 3).

Затем, при издании собрания своих сочинений в 1826 году, Пушкин внес в эту первоначальную редакцию ряд исправлений. Очень важно присматриваться именно к таким исправлениям, потому что по ним более, чем по теоретическим статьям, можно понять взгляды поэта на прекрасное. Второй стих в издании 1826 года читался уже так:

Пройдет веков завистливую даль.

Пушкин исправил этим тяжелое расположение слов, при котором предлог разделял *genetivus partit* и управляющее им существительное. (У новых поэтов этого почти не встречается. Только г. Величко грешит в этом отношении. Примеры: у Пушкина — К объятой голове смущеньем.) Затем *таинственный* — эпитет неопределенный, привлекший юношеское воображение как громкое слово, заменен определением, выражающим определенное свойство *дали веков*.

Таковы же мотивы исправлений и в 3-м стихе: «вздохнет о славе» вместо «воспламенится». Прежде всего, «воспламенится младость» показалось Пушкину немного смешным, принимая во внимание прямое значение слова *воспламенится*. Затем все толки об огне, пламени тоже были оставлены Пушкиным в зрелую пору как юношеские заблуждения. «Вздохнет о славе» — гораздо определеннее, чем «воспламенится», но... видите ли... оно и прозаичнее.

Наконец, последнее изменение — это перестановка слов в 4-м стихе: «Утепится безмолвная печаль». Могло влиять на это нежелание параллелизма в расположении слов с 5-м стихом, но, вероятно, не малую роль играло и стремление располагать слова возможно ближе к прозаической речи.

В этом примере уже воплощены (?) две важнейшие особенности пушкинской поэзии <...>

Близость ее к разговорному языку и стремление пользоваться теми эпитетами, которые обозначают определенное свойство самого предмета. [Совершенную противоположность представляет поэзия Тютчева, который выбирает эпитет сообразно с тем впечатлением, которое производит предмет на поэта: «Чуткие звезды...». «Магическая луна...» и многие другие. Вместе с тем это противоположность классической поэзии и символизма.

Как добавочные примеры можно привести еще поправку к стихотворению «Друзьям». Первоначально четыре стиха читались так:

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи
И на любовь устремлены
Огнем пылающие очи.

Не сказано, чьи очи и эпитет *огнем пылающие* слишком общ, слишком неопределенен. Пушкин в 1826 году исправил два последних стиха так:

И томных дев устремлены
На вас *внимательные* очи.

Эпитет *внимательные* характерен как чисто пушкинский эпитет.

Сочетания двух отвлеченных существительных обычны у Пушкина, а производят впечатление реальности:

И тяжелой твердостью своею

Полтава

Однообразную красоту

Медный всадник

В первых стихах у него больше длинных слов и чаще союз *и*; в позднейших — слова короткие и реже *и*. От мышления внешнего Пушкин перешел к мышлению причинному, и стихи его стали более насыщенными мыслями.

У Тютчева надо обратить внимание на то, что многие стихотворения начинаются с *и* и с *но*.

БАРАТЫНСКИЙ
(поэмы)

...В поэмах его можно проследить те же черты. Известнейшая и лучшая поэма — «Эда». Ее достоинства. Уже

Пушкин указывал, что все действующие лица — гусар, Эда, отец, (мать Эды) — говорят особым языком; язык самой Эды даже немного не русский — она финляндочка. Описания природы связаны с развитием действия, готовят читателя, чтобы понять настроение действующих лиц. Цельность удивительная. Поэмы Баратынского — наши первые романы. «Цыганка» — роман психологический. Баратынский выступил на защиту падшей женщины раньше Достоевского:

Какая разница меж нас?

Но сердцем я не уступаю
Твоей невесте.

Подобно этому, героиня «Бала», — женщина, много грешившая, но и у ней оказывается чистая любовь. Баратынский старается заставить Сару говорить языком цыганок: отсюда выражения: «выла»; «сдохла»; «ах, царица, царица светлая она»; «с тоски иссохни, как лучина!». В «Цыганке» Баратынский тщательно уясняет мотивы действия своих героев. Поэмы Баратынского — предшественники современных романов (см. его стихотворение «Сначала мысль воплощена...»).

Язык Баратынского переполнен славянизмами и старинными оборотами, но он выдержан, он целен. У него трудно найти пять стихов без славянского слова.

Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть —

такие трудные обороты очень не редки у Баратынского. У него много неологизмов, и *прельстительный*... Много также произвольных сокращений и растяжений: «лобызанья».

У него есть форма *вьющиеся*: «Пред нею вьющиеся четы» (такое же сокращение у А. Толстого в «Дон-Жуане»).

Старинный язык не мешает прелести поэтических произведений. Глупо говорить: поэт устарел. Это язык. В поэте важны мысли и образы поэтические, которые не могут устареть. (У Баратынского множество старинных слов и оборотов, но он не устарел.) Смотрите на уже непонятные слова, как на иностранные, требующие перевода и только. Но поэт, пишущий не правильным языком, уже труден для чтения. Потому, что он потерял изящество. Вот почему так далек от нас Сумароков.

Лето 1897 г.

Научная, педагогическая и общественная деятельность крупного ученого-русиста, члена-корреспондента АН СССР, профессора Д. Н. Ушакова, видного деятеля русской культуры — это пример патриотического служения своему народу, пример борьбы за сохранение лучших национальных традиций, борьбы за чистоту русского литературного языка.

Сам носитель образцового литературного произношения в его старомосковском варианте, Д. Н. Ушаков в 20-е годы нашего века энергично выступал в пользу максимального сохранения языковой традиции, серьезно поколебавшейся в послереволюционные годы под напором стихийных процессов воздействия на литературный язык жаргонных, просторечных и диалектных элементов. Усмотрев в этом угрозу самим основам сложившихся норм русского литературного языка, его лучшим качествам, которыми наш язык выделяется из ряда других самых развитых европейских языков, Д. Н. Ушаков делал все возможное для того, чтобы повлиять на этот процесс, по мере сил преградить путь в литературный язык всему случайному, наносному, грубому, противоречащему его естественным закономерностям (и прежде всего в фонетике и произносительных нормах).

Известны многочисленные публикации Д. Н. Ушакова на эту тему, статьи в научных и популярных изданиях; однако, по-видимому, еще далеко не все собрано из того, что относится к наследству Д. Н. Ушакова и что может представлять собой ценность не только для практики, но и для истории науки о русском языке.

В моих личных архивах сохранилась стенографическая запись выступления Д. Н. Ушакова на тему «Орфоэпия» на I Северо-Кавказском краевом съезде словесников (27 апреля 1927 года), секретарем которого мне посчастливилось быть. Эти материалы готовились в то время к печати, однако по причинам материального характера труды съезда опубликованы не были. Были напечатаны только «Тезисы и резолюции» (Ростов-Дон, Оргбюро съезда, 1927). Предлагаю читателям «Русской речи» запись выступления Д. Н. Ушакова. Конечно, надо иметь в виду, что это выступление состоялось более 40 лет назад, что оно адресовалось широкой учительской, а не академической аудитории. Это не могло не сказаться на самом характере изложения, особенно в некоторых деталях. Следует учитывать и то, что стенограмма не была выправлена автором доклада.

Академик АПН СССР
А. В. ТЕКУЧЕВ

Я охотно принял приглашение организаторов съезда принять в нем участие. Я не методист, мне как будто и не место здесь, но между практикой и наукой нигде нет такого тесного соприкосновения, как в школьном, учительском деле. Вопрос «как» зависит от вопроса «что», и здесь школьное дело сходится с тем же материалом, как и в науке. Лет 25—30, когда оказалось необходимым переменить материал преподавания в школе, пришлось убедиться, что материал недоброкачествен и с научной точки зрения. Вот пункты объединения, вот те причины, почему я тесно связался с лицами, интересующимися преподаванием, и преподающими.

Для меня не ново встретиться с учительской средой. Не будучи методистом, я был учителем (имел опыт преподавания в высшем учебном заведении). Я хочу поделиться с учительской средой моими соображениями по вопросу орфоэпии, или правильного произношения. По этому вопросу у нас ничего нет, или есть, но очень мало. Нужно ли ставить такой вопрос? Где искать ответы на него? Не звучит ли этот вопрос первозданностью какой-то? Можно было вопрос поставить так, как в орфографии, ну например: «пиши так, как слышишь» и т. д. С этих точек зрения мы и подходим.

Всякий литературный язык имеет свой костюм, свое обличье. Костюм случайный, может быть, обусловленный фактами, по существу не тождественными с сущностью языка. Это костюм, это внешность, это, как будто, не так существенно, но для общения людского, разделенного временем и пространством, это необходимо. Не все ли равно, как писать? Себе в книжечку все равно как записать, но можно ли поступать так же и в общении с другими? Конечно, это невозможно.

Кроме этого написанного костюма, у литературного языка может быть другое внешнее обличье — произношение. Известные приемы письма считают правильными. Почему? Наукой многого в этой области не докажешь, почему надо писать так, а не этак. Точно так же нельзя доказать, что надо произносить так, а не иначе. Какое-то произношение считают правильным. Наука вам поможет разобраться в этом (в частности история русского языка нам укажет, что за основу нашего литературного языка принято московское произношение).

Русским, правильным произношением является московское, но зачем и кому это нужно? У себя дома все

равно как произносить, но в пределах города, округа? Могли встать вопрос о языковой норме у наших далеких предков? Нет, конечно. Вопрос о норме, о правильности появится тогда, когда есть общая жизнь. Если мы желаем быть понятными в округе, мы пишем правильно. Иногда и от устной речи требуют обличия определенного, правда, в меньшей дозе, чем от письма. Такое же требование предъявляется к форме (в силу эстетических и иных соображений). [Что] московское произношение стало основным, господствующим, [к тому были] исторические причины...

В силу экономических причин язык Москвы стал языком великорусского государства, и в это время к нему тянулись местные округа. Если московское произношение считается правильным, то встает вопрос — зачем этой правильности учить? Если местные говоры, наречия обслуживают свой округ, почему же им не существовать? Но оказывается, что потребность в литературном языке шире местных потребностей. Пермский автор, несомненно, уклонится от пермского говора и кое-что другое даст. Он скорее напишет так, как писал его предшественник, чем так, как он говорит сам. И в области произношения иногда требуется общее единство. Область применения правильного произношения уже, чем в письменной речи. Эта область — сцена; вот кто заинтересован в этом отношении. Он был поднят декламаторами и сценическими деятелями. В последнее время вопрос орфоэпии сильно обострился ввиду порчи московского произношения. И эта порча не в пришлом населении, а в нашей небрежности к живому языку.

Где учиться правильному произношению? Где учиться правильному литературному языку? Очевидно, у лиц авторитетных, писателей. И в этой области все равно происхождение писателя, будет ли он уроженец Ростова-на-Дону или Москвы, он напишет на правильном литературном языке. Иное в области произношения. Произношению можно научиться только с говора. Иногда можно заочно научиться, если знать фонетику, физиологию органов речи. Я оставляю мысль о том, что люди, произносящие неправильно, не могут писать правильно. Возьмем пример. Короленко писал правильным языком, но в качестве южанина он произносил *промышленность*, *барщина*. Никто бы не сказал, читая прекрасные страницы Ключевского, что он *б*кал,

Пушкинская просвирия обладала ли правильным языком, или правильным произношением? Правильным языком она не обладала. Что же хотел сказать Пушкин? Он в языке той же самой просвирии ценил сочные, ядерные слова и обороты. Вероятно, просвирия говорила *склизко*, но произносила правильно: *с* вместо *з* не было; на конце не было ни *о*, ни *а*. Короленко, Ключевский писали правильно, но произносили неправильно. *Склизко*, *рублев* — это неупотребительно в языке, но произношение этих же слов может быть правильным и неправильным. *У моей жоне, у моей жане* — неправильное произношение неправильных слов. У кого учиться? У просвири нельзя. Вместе с правильным произношением научимся неправильным словам. Значит, у москвичей? Но без оговорок это оставить нельзя. Есть враг, который в личине друга заходит в тыл орфоэпии...

Есть такие ошибки произношения, которые по сути хуже других. Эти явления — цоканье и чоканье северновеликорусское: «Курица на улице яйчо снесла». Странно, но это живой язык, и, с объективной точки зрения, правильный, но с точки зрения нормы, он неправильный (если московское произношение считать нормой). Есть отступления от живого языка, они обыкновенно наблюдаются у читающего и держащегося книги человека. *Что* — нет такого произношения в живом языке, а грамотей так произносит. Такое произношение родилось в книге, примем это и согласимся. Сценические деятели озабочены этим, как произносить *что* или *што*? Надо прийти к одному, как это наблюдается в орфографии. Важно уговориться, лишь бы это было единообразно. Теперь всюду артистам запрещено говорить *что* и *конечно* (говорят *што* и *конешно*). Надо установить что-то более определенное в произношении, это труднее, чем в орфографии. Честь и хвала декламаторам, поставившим этот вопрос. На отступления от произношения, от живого языка, на эти мертвенные порождения я обращаю внимание.

Бороться с цоканьем и чоканьем можно, но не нужно. Они сами собой уничтожаются. В литературном языке их нет, это уже гарантия, что человек от них освободится. Эти мертвенные порождения незаметны, их надо сделать заметнее. Каким способом? Надо познакомиться с правильным произношением и с отклонениями от него (местные особенности). Как возникают мертвенные порождения грамотности? С тех пор, как человек взял кни-

гу чуждую, церковнославянскую, болгарскую, с той минуты и появляется эта возможность. Человек верил, что эти книги получше сортом, чем он имел до сих пор, и начались заимствования. Славянизмы настолько вошли в плоть и кровь, что мы уже не ощущаем их как славянизмы: *древесный спирт, млечный путь* и т. п. Читая церковнославянскую книгу, человек стоял перед альтернативой, как прочесть слово, как там написано или по-своему: *сестра* или *сѣстра, небо* или *нѣбо*? В церковнославянских книгах слова написаны через *е*. Читатель переоценил важность книги, ижеющей *е* вместо *ѣ*, и читал *сестра* вместо *сѣстра* и т. п.

Как удерживается книжное слово? Самоучка, разбираясь в буквах, произносит их отчетливо, но учитель должен следить, чтобы в произношении не было *его* вместо *ево, сегодня* вместо *севодня*. Часто у учителя не хватает духу поправить ученика, он думает: в книге написано, значит так и следует читать. Вопросы, как правильно произносить, — так, как написано, или так, как произносится, — такого вопроса не ставили, не задумывались над этим; так и вторгались буквенные выражения в живую речь.

Шли поколения за поколениями и появлялись тысячи искаженных книжных выражений. Например мы, москвичи, никогда не скажем *бога* через *г* звонкое, а молодое поколение Москвы говорит через *г* звонкое. Также слова *благо, господь* произносим через *г* глухое, придыхательное по традиции юга, откуда к нам пришли эти слова в XVII веке.

Теперь я хочу изложить главные, звуковые черты московского говора, его произношения.

Первым и главным свойством московского произношения является редукция неударных гласных. Звуки произносятся неполным голосом, кроме первого предударного, например, *вада* — слог *ва-* имеет полную гласную, нередуцированную, потому что это первый предударный слог. Возьмем слово *водяной*, в московском произношении оно звучит как *выдяной*, потому что слог *во-* не первый предударный, а второй. Мы, конечно, можем произнести какое-нибудь слово с равной порцией голоса, приходящегося на каждый слог, например слово *сундуку*, но это будет искусственно: в норме на слог *су-* придется голоса меньше, чем на остальные слоги.

Итак, все гласные после ударения произносятся не-

полным голосом. Это отличительная черта всех акающих говоров. Московское произношение не обладает той чеканностью, отчетливостью произношения, которое наблюдается у некоторых других говоров. Эта чеканка тоже ошибка против произношения, она всегда обнаружится у субъекта, который захочет говорить по-московски, не освободившись от местных особенностей, а от них освободиться нелегко. Легче усвоить французское произношение, чем московское костромичу. У нас никому это и в голову не приходит. Эта черта московского произношения (редукция звуков) очень трудно поддается учету и наблюдению, но в массе она и дает тон произношению.

Вторая черта — аканье. В обывательском смысле «аканье» — это произношение *a* на месте *o*: *вада*, например, вместо *вода*. На почве аканья возникает не только *a*, но и другие гласные, и они появляются в закономерных положениях — в первом предударном слоге. Если *o* стало в предударном положении, мы произносим *a*, а в других положениях — звук средний между *и* и *ы* (то есть произнесем *ы*, но с пониженным языком). Слово *сады* — *a* звучит полно (это первый предударный слог), но если это *a* попадет через слог от ударения, оно будет звучать как *ы*: *выдяной*; *выводык*; *высыдка*. Это закон русского литературного произношения. Что это закономерно, неизбежно, можно посмотреть.

Возьмите разные положения одного и того же слова. *О* и *a* раз но звучат: *пбд гору*, но *пад збрку*; *гыловá*, но *гблову*, *галóвку*. Это можно видеть на иностранных словах, если они обрусели и произносятся на русский лад. Например: *контракт* — как *кынтракт*. Возьмем послеударные слоги в именах: *Бисмарк* звучит в московском произношении *Бисмырк*, как *насмырк*. Еще более показательным явлением в этом отношении является произношение сокращенных слов. В начале появления их произносили как слова иностранные, снабжая полным голосом, например, *Наркомпрос*, затем несколько скорее, выделяя лишь слог *ро* — *Наркомпрóс*, а потом стали произносить *Наркымпрос* (то есть в силу вошел закон, о котором я говорил выше).

Нет правил без исключения. Есть слова, когда в первом предударном не звучит *a*, а звучит *ы* — это послешипящих *ж* и *ш*. Мы произносим (в Москве) не *жа́ра*, а *жы́ра*, не *шага́ть*, а *шыга́ть*. Итак, слоги *жа*, *ша* произносятся как *жы*, *шы*; *е*, *я*, произносятся как *е* или почти

как *и*. У нас существует несколько фазонов говорения — домашнее, кафедральное. Фразу *в самом деле* мы произнесем в торжественной речи, *в самом деле* произнесем чаще, и третья ступень *всамделе* — иногда скажем, иногда нет.

Как произносятся неударные *е* или *я*? Если они стоят в первом предударном слоге, они ясно произносятся, если нет, менее явственно. Примеры: *пятак, пяти, сентября*. Если *а* или *о* стоят после *ч* из *ча*, они произносятся как *е* или *я* неударяемые, например: *чисы, щевель*. Такое исключение объясняется мягкостью звуков *ч, щ*. Звуки *ж, ч, ш, щ* были когда-то мягкие: *жяра, шяры*, а потом они отвердели. В белорусских говорах *ч* и *щ* тверды: *час, чай, щастье*. Произношение *дэмон, тэма* не русское. На Украине тоже так произносят — *сэстра*.

Звук *и* в начале слова перед твердым звуком произносится как *ы*, при наличии их тесного слияния: *Котел ы горшок, с Биваном (с Иваном)*. Звонкие согласные на конце переходят в глухие. На конце слов нет *д, б, ж, в, з*, а есть *т, ж, п, ш, ф, с*: *рукаф* вместо *рукав* (южане, сохраняя звонкость, говорят *рукав*). Перед глухими звонкие становятся глухими: *сторошка, пропка* вместо *сторожка, пробка*. Звуку *з* соответствует звук *к* — отсюда в московском произношении будет: *нок, пирок, не мок, нох*, как звучит на юге, не может быть, это неправильное произношение.

Старое, московское произношение мягкое. Усвоить такое произношение очень трудно. Слова звучат *кормить, перьвый* не только в устах обывателя, но имеет место в аристократических семьях (Уваров, Корш, Веселовский), в театральной среде, и нам, конечно, смешно требовать произношения слов *рушной* вместо *ручной, решной* вместо *речной*. Никакого правила практического установить нельзя. *Булочная* не режет так слух, как *конечно*. Что касается *тошно* и *точно*, то наиболее правильно звучит *тошно*. Слог *цы, ци* всегда произносится *цы*. Но есть такие люди, которые произносят *отцы* и *концы*, но *цифра, цирк*. Глаголы на *-ся* произносятся твердо — *боялся*, исключая деепричастия *боясь*. Окончание *-тся* произносится как *ца*. В иностранных словах по традиции и в театре, несмотря на ударяемость или безударность звука, звучит *о*: *контракт, коллектив, костюм*. Часто забывают, что данное слово иностранное, а вспомнив об этом, начинают говорить, например, *аристократ* вместо *аристакрат* (что

легче произнести). Долго держится у нас произношение *поэт* вместо *паэт*. Если есть возможность произнести на русский лад иностранное слово, так нечего и придерживаться традиции. В иностранных словах наиболее прочно удерживаются удвоенные звуки, особенно в причастиях на *-ный*. Но и это изживается. Кто теперь пишет и произносит *адрес* через два *с*? Кто напишет *комиссия* через два *м*, а раньше ведь писали и два *м*, и два *с*, говорят еще *классовый*, но я не уверен, что завтра скажут *класовый*. На этом я кончаю.

Вопросы, заданные докладчику

1. Установлены ли законы правильной постановки ударений, и можете ли вы их огласить или указать работы, где они имеются?

Ответ. По вопросу об ударениях правил установленных нет. В школе надо приучать детей пользоваться словарем, справочником.

2. У Тургенева часто встречается слово *учители*. Правильно ли это с точки зрения литературного языка?

Ответ. Ударяемость различных слов различна. Кто как произносит; слово *учители* — это старая форма; форма на *а* — новая: *учителя*.

3. Производились ли массовые эксперименты по обследованию московской орфоэпии? Нет ли некоторой доли субъективности в ссылке на свой вкус: нравится *булочная* — *булошная*?

Ответ. Пока еще в этой области мало сделано. Обследования произношения города у нас нет. Некоторый материал по этому вопросу есть у Карского, Шахматова, Чернышева. Мои работы в этой области еще не завершены. Нет ли доли субъективности — я не утверждаю и никому своего произношения не навязываю. Сейчас для русской науки было бы очень ценно, если бы каждый написал, как он говорит.

4. Что делать с варварскими ударениями, вошедшими в обиход в учреждениях и в речах ораторов: *прéдмет*, *прóцент*, *пéриод*, *прóтокол*?

Ответ. Нужно отучать учеников от этого. Это говорение может подействовать как образец и закрепиться.

5. Как объяснить? «По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит, колокольчик *однозвучный*...» (Пушкин)?

Ответ. У поэта может быть буквенная рифма. Мы пишем *одни*, а у Пушкина «только версты полосаты попадаются *одне*». Нельзя же в самом деле, чтобы стихи Пушки-

на звучали по произношению 1927 года. Старые стихи надо читать по-старинному.

6. Как московские артисты произносят *нн* в прилагательных и в причастиях?

Ответ. Прилагательные произносят московские артисты с двумя *н*.

7. Не могут ли быть использованы Ваши соображения, касающиеся орфоэпии, к реформе правописания, например к освобождению от удвоенных согласных?

Ответ. Этого сделать нельзя. Странно, нехорошо звучат слова *маса, сума* (масса, сумма), еще хуже *водить, садить* (вводить, ссадить); если есть в произношении удвоенный звук, надо писать удвоенную букву. Там, где мы их не произносим, можно и не писать. Еще при мне в Обществе, где я был председателем, от моего предшественника остался штемпель *коммиссия* (два *с* и два *м*), я заказал штемпель с двумя *с*, но с одним *м*, и я не уверен, что мой преемник не закажет штемпель с одним *с* и одним *м*.

8. Что может дать в отношении выработки правильной орфоэпии начальная школа I ступени? Может ли наша Северо-Кавказская школа I и II ступени привить детям произношение слов *збрѣт, гырацкой* вместо южного — *уорат, уарацкой*?

Ответ. Задача школы охранять от книжных произношений. Вытравлять местные особенности не стоит, а подчас невозможно. Нужно учителю быть хорошо знакомым с московским произношением, чтобы взять на себя такую обязанность. Учителя у нас из разных местностей, и что получится, если каждый будет прививать свою манеру произношения. Грубые черты произношения сами уйдут, а в письме это совсем незаметно.

9. Каково правильное произношение слов *комплекс, Дальтон-план*?

Ответ. Кóмплекс, Дáльтон-план.

10. Если бы Русь удалось объединить Вологде, а не Москве, то теперь бы пришлось везде в школах *бкать*?

Ответ. Да.

11. Почему Вы остановились на половине слова *убеждать*, когда его нужно было поставить в будущем времени? Можно ли сказать *убежду*?

Ответ. Сказать *убежду* можно, но это редко употребляется и несколько странно звучит *убежду*, так же, как, например, родительный падеж множественного числа от *мечта* — *мечт*. Вот поэтому я избежал этого слова.

Публикуемая ниже статья профессора А. И. Соболевского, известного языковеда, историка русского языка, автора многочисленных статей и заметок о происхождении и истории отдельных слов, напечатана в журнале «Живая старина» (СПб., 1890, вып. 1). Статья приводится почти без изменений и сокращений. Добавлены лишь примеры из Рязанской кормчей и Палеи исторической (поскольку А. И. Соболевскому примеры из памятников не были известны, о чем он пишет сам) и примеры на собственные имена из русских документов XV—XVII веков.

Статью подготовила к печати для «Русской речи» Н. В. Чурмаева.

Мы привыкли видеть в *Груша* уменьшительное от имени Агриппина, Аграфена, в *Дуня* — уменьшительное от имени Евдокия, Авдотья. Но, кажется, было время, когда взаимные отношения этих слов были иные.

Великорусские уменьшительные от христианских имен образуются довольно однообразно, можно сказать: правильно. В одних случаях мы образуем их из ударяемого слога имени, соединенного с одним из обычных уменьшительных суффиксов. Так, мы имеем: Маша, Маня — от Марья, Саша Саня — от Александр и Александра, Доня — от Домна и др. В других случаях уменьшительные имена образуются из одного или нескольких неударяемых слогов имени: Таня — от Татьяна, Мотя — от Матрена, Катя — от Екатерина и др. Везде гласный звук имени или вполне сохраняется, или изменяется незначительно. Только Груша и Дуня представляют как будто исключение.

Слово *груша* у нас известно как нарицательное. Мы не можем назвать древнейший памятник русской письменности, в котором это слово находится, но едва ли ошибемся, если скажем, что оно существовало в русском языке уже в то время, когда он еще не начинал своей исторической жизни. На это указывает присутствие слова *груша* во всех говорах русского языка и во всех славянских наречиях,

признак глубокой древности слова на славянской почве. [Из памятников письменности оно упоминается в Рязанской кормчей 1284 года: «Плодъ некакъ о(т) древа хотя уразити. яко же се грушю или яблѣко. или ино что о(т) таковых». — Н. Ч.]

Слово *дуня* как нарицательное неизвестно нам по памятникам русского языка; кажется, оно не встречается в современных русских говорах. [Слово *дуня* как нарицательное известно в памятниках древнерусского языка в форме *гдуня*. В Палее исторической XIII века (издатель этого памятника А. Попов относит его даже к XII веку) читаем: «И шедше обрѣтоша плод(ы) дрѣвны [древесные плоды]: калины. гдуня и гроздия». — Н. Ч.] Но позволительно думать, что старый русский язык его имел, как имели его или имеют почти все другие славянские языки. Великорусское и малорусское наречие обладают словом *дуля*, обозначающим один из видов груши; болгарский язык знает слова *дуня* и *дуля*, сербский — *дуня*, польский — *gdula*, чешский — *hdoule*, со значением 'квитовое яблоко, айва'. Наше *дуня* в старом русском языке должно было значить *или* то же, что в болгарском и сербском, или — что более вероятно — то же, что наше *дуля*.

Русские не только в эпоху язычества, но и после принятия христианства, почти до конца XVII века, употребляли свои, нехристианские личные имена. Из них мужские известны нам в большом количестве; женские же дошли до нас лишь в самом ограниченном числе. Между мужскими именами мы имеем такие, которые, употребляясь как нарицательные, означают животные и растения. Старые русские памятники сохранили нам Барана Филиппова, Зайца Захарьина, Волка Курицына..., Станимира Дерновича, Ивана Розановича (Грамота Свидригайла 1430 г.) [В московских документах XV—XVII веков упоминаются: Горноста́й Гаврилович, Кречет Микулин, Кулик Котов, Паук Иванов и др. Известны имена псковичей: Васька Воробей, Юрий Волк, Яков Жук и др. В XVI—XVII веках они стали принимать значение прозвищ и употребляться вместе с христианскими. — Н. Ч.]

Болгары и сербы, у которых нехристианские имена и до сих пор еще не вытеснены христианскими, имели и имеют личные имена, образованные из нарицательных названий растений, в довольно большом количестве. Между прочим, у болгар есть женские имена: Вишна, Врѣба, Карамфила (гвоздика), Маслина, Неранца (померанец), Трендафила

(роза), Тименуша (полевой цветок). Сербы употребляли женские имена: Вишня, Дафина (лавр), Конопля, Малина, Наранча (померанец), Трнина (терн). И те и другие владели или даже владеют интересным для нас женским именем: болгарские Дуля, Дуня, сербские Дуня, Гдуня.

Мы имеем право предположить, что некогда и у русских были в употреблении нехристианские личные имена Груша и Дуня. С течением времени, благодаря звуковому тождеству их окончаний с окончаниями уменьшительных имен (Маша и Маня), их стали понимать как уменьшительные и соединять с несколько созвучными христианскими именами Аграфена и Авдотья. Потом, когда другие нехристианские личные имена у нас вышли из употребления, Груша и Дуня вполне слились с Аграфена и Авдотья и получили значение уменьшительных от этих последних.

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 46)

I

1. а) Наш директор назначил начальником цеха товарища Иванова.

б) Начальника цеха товарища Иванова назначили нашим директором.

2. а) Сотрудник лаборатории вернулся на работу из командировки в Ленинград.

б) Сотрудник лаборатории вернулся в Ленинград из командировки.

3. а) Старик вошел в сарай, в котором были дрова.

б) Старик вошел с дровами в сарай.

II

В задании даны примеры паронимов, то есть слов, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения в морфологическом составе могут смешиваться в употреблении.

Неизмеримый — очень большой, значительный по величине, размеру, силе и т. п.

Несоизмеримый — не имеющий общей меры с чем-либо, не сопоставимый с чем-либо.

Подвизаться — действовать, работать в какой-либо области (слово имеет книжную окраску и нередко употребляется иронически).

Подвязаться — надеть на себя что-либо, стягивая и завязывая концы, завязки.

Дипломат — должностное лицо, уполномоченное правительством для сношений с иностранными государствами.

Дипломант — дипломник, лицо, выполняющее дипломную работу; лицо, награжденное дипломом, победитель конкурса, смотря;

ОБ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

(Из истории русского судебного
красноречия)

Любое выступление имеет своей целью воздействие на аудиторию в заданном оратором направлении. От его мастерства зависит мера и степень «сопереживания» аудитории. Качества ораторского искусства проявляются в ряде областей общественно-социальной жизни вообще и в судебной практике в частности. О некоторых чертах судебного красноречия журнал уже писал («Русская речь», 1968, № 3).

Особенности ораторской, в том числе и защитительной, речи во многом определяются интонационным рисунком. Но печатный (или письменный) текст не дает возможности судить об этих особенностях. Привлекая печатный текст, мы имеем право говорить лишь о специфике письменной речи, а не устной. В этой статье рассматриваются языковые особенности выступлений известных русских адвокатов конца XIX — начала XX века, опубликованные в сборнике «Судебные речи известных русских юристов» (М., 1958). Эти речи представляют собой высокие образцы ораторского искусства и вопрос о причинах их эффективного воздействия на аудиторию может быть в значительной степени разрешен при рассмотрении приемов, которые использовали ораторы.

Выразительность и яркость речи, во многом определяющие ее действенность, принято считать неотъемлемым качеством художественной литературы. Но в ораторской речи эти качества приобретают специфику, продиктованную условиями ее применения. Оратор более стеснен в выборе изобразительных средств, чем писатель. Он дей-

звучит в границах тех приемов, которые одновременно можно рассматривать и как риторические, и как художественно-литературные. Здесь образность имеет менее самостоятельное значение, чем в художественном произведении, потому что она не составляет единого целого, подчиненного авторскому замыслу, как это свойственно любому жанру художественной литературы. Образность ораторской речи более эпизодична и вместе с тем более подчеркнута, эффектна, чем образность художественного произведения. Именно в образности — в степени использования тех или иных приемов, в разных способах их сочетания, в предпочтительном употреблении одних тропов и игнорировании других — индивидуальность ораторской речи.

Восставая против ходульных выражений, видный теоретик и практик русской юриспруденции П. Сергеевич (П. С. Пороховщиков) ратовал за «новые, неожиданные метафоры и сравнения» (Искусство речи на суде. СПб., 1910). Различие в индивидуальном использовании одних и тех же приемов можно проследить в речи разных адвокатов, но особенно показательно это различие тогда, когда ораторы говорят по одному и тому же вопросу, оперируя одними и теми же фактами, задаваясь одной и той же целью. Два блестящих юриста выступали по делу Мионовича — С. А. Андреевский и Н. П. Карабчевский. Вот начало их выступлений.

Карабчевский. «Господа присяжные заседатели! Страшная и многоголовая гидра — предубеждение, и с нею-то прежде всего приходится столкнуться в этом злополучном деле. Злополучном с первого судебного шага, злополучном на всем дальнейшем протяжении процесса».

Андреевский. «Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Процесс, действительно знаменитый, ждет, чтобы вы сказали свое слово — на этот раз, вероятно, последнее. В этом важном и запутанном деле мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, с которым бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды».

Оба оратора прибегают к метафоре, но у Карабчевского она строится по способу «свернутого» срав-

нения (предубеждение — многоголовая гидра), а у Андреевского она организована по способу целого периода, несущего определенную композиционную нагрузку. При одинаковом отношении адвокатов к подсудимому, при их общей убежденности в его невиновности они как бы подходят к делу с двух противоположных сторон. Смысл выступления Карабчевского — как не должно свершаться судопроизводство, смысл выступления Андреевского — как должно оно свершаться. Интересно то, что Карабчевский как бы отстраняется от существа дела, в начале его речи нет прямых «личных» адресатов, тогда как выступление Андреевского строится на прямых обращениях «вы» — «мы» и, наконец, «вы вместе с нами». Наряду с указанными приемами в речи Андреевского содержится и прием, нередко используемый другими юристами в судебной практике: определение процесса как «знаменитого», по которому присяжные должны сказать «последнее слово». Подобное высказывание — и также в начале выступления — находим у Н. И. Холева: «Господа присяжные заседатели! Уголовное дело, о котором вы призваны сказать ваше авторитетное, решающее слово — на этот раз, вероятно, последнее, — бесспорно, представляется редким, исключительным и выдающимся в судебных летописях последнего десятилетия» (Дело Максименко).

Подчеркивая важность, значительность того или иного процесса, оратор стремится повысить ответственность лиц, которые решают исход судебного разбирательства. И здесь вопрос об эффективности подобных приемов зависит от того, насколько этот прием действительно отвечает существу дела, и от того, насколько он стал привычным в судебной практике. Возможно, именно поэтому подобного «зачина» защитительной речи избегал знаменитый русский юрист Ф. Н. Плевако. Начало его речи обычно лишено каких-либо языковых эффектов: он не начинает с самой «высокой» ноты, избирает начало повествовательное, но не риторическое. Сравним, например, его речь по тому же делу Максименко, по которому выступал и Н. И. Холев.

Плевако. «Завтра в этом часу вы, вероятно, дадите нам ваше мнение о свойстве настоящего дела и об отношении к нему предстоящих подсудимых».

Но такое будничное начало у Плевако нередко контрастирует с дальнейшим изложением, причем контраст

идет не по линии эмоции, а по линии содержания, например: «Как это обыкновенно делают защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить перед вами... Но вот теперь, когда прокурор свое дело сделал, вижу я, что мои заметки надо бросить, программу изсрвать» (Дело Грузинского). Если сравнить речи Плевако с речами других адвокатов, то нетрудно убедиться, что ему значительно менее свойственны приемы, характерные для ораторского искусства юристов его времени. В. В. Вересаев писал о Плевако: «Главная его сила заключалась в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя».

Среди образных приемов, к которым прибегал Плевако, следует назвать противопоставление, построенное близко к формам сказа: «То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, — понятны всем нам, — он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим — его разлучили с женой...; он был мужем — его ложе осквернили; он был отцом — у него силой отнимали детей» (Дело Грузинского). Если в языке Плевако противопоставляются отдельные понятия, то в языке Холева можно встретить антитезу, построенную на противопоставлении фраз: «Три года назад она была счастлива, любима, богата, здорова, цветуща... Взгляните же, что случилось с ней теперь: несчастна, одинока, разорена, обеславлена, заточена в тюрьму, где стала жертвой неумолимого недуга» (Дело Максименко). Эмоциональное воздействие на аудиторию, имеющее целью вызвать сочувствие, поддерживается приобщением слушателей к ситуации: «понятны всем нам» (Плевако) и «взгляните же» (Холев).

Защитительные речи Плевако строились главным образом на глубоком анализе психологии и подсудимого и потерпевшего. В этом отношении широко известна речь Плевако по делу Бартенева, где факты жизни Бартенева и убитой им актрисы Висновской ставятся в прямую связь с их внутренним миром. Язык Плевако здесь отличается четкостью и строгостью, сближаясь с публицистическим стилем: «Ее [Висновской] сценическими эффектами воспитанная фантазия развила в ней привычку переносить в действительную жизнь театральные формы:

блеск, бьющий в глаза наряд, трагические позы — она не оставляла и дома».

Психологический метод может быть использован в разных формах и, пожалуй, к одной из этих форм допустимо отнести тот прием, который в риторике носит название «sermocinatio». Прием заключается в том, что оратор говорит от имени того лица, о котором идет речь, и использует такие средства языка, которые действительно могли быть употреблены этим лицом. Прием «sermocinatio» часто встречается в выступлениях Андреевского: «Более всех заинтересован сам хозяин кассы — Миронович — человек осторожный и скупой. Он ошеломлен: как его обошли? Он, кроме того, растерян и огорчен: ведь убили девочку, которую ему в некотором роде доверил ее отец!.. Тогда Миронович кипит и торжествует: это, наверное, Грязнов; о, господа, это такой мошенник! Он на все способен. Это он сделал! Нужно заметить, что Миронович всех непоправимых должников привык считать первыми злодеями и мошенниками» (Дело Мироновича).

Там, где другой юрист может ограничиться упоминанием писателя или литературного персонажа (для аналогии), Андреевский строит целый монолог от имени такого персонажа. В выступлениях и Карабчевского и Андреевского по делу Мироновича используется имя Достоевского, причем привлекается оно в совершенно одинаковой ситуации: когда речь идет о Семеновой, настоящей убийце девочки. Но насколько различны сами способы этого использования!

Карабчевский. «В этой простой схеме и вылилось первое признание Семеновой, полное такой жизненной правды, полное таких психологических черточек и подробностей, которых не выдумать самому Достоевскому».

Андреевский. «Что бы сказал себе, получив это известие, знаменитый следователь Порфирий — идеальный следователь Достоевского? Он сказал бы: „Наконец-то! Я знал, что отсюда получится свет... Я был уверен, что это дело может разъяснить только какая-то женщина, исчезнувшая из-под глаз полиции“».

Характерность данного приема для Андреевского совсем не случайна и объясняется в первую очередь его теоретическими воззрениями на мастерство оратора, которое он считал сродни искусству писателя. Андреевский писал: «Приемы художественной литературы должны быть

внесены в уголовную защиту полностью, смело и открыто, без всяких колебаний» (Драмы жизни. Защитительные речи. Пг., 1916). Художественно-публицистический стиль речи Андреевского проявляется и в том, как слово, переходя из употребления в переносном значении в прямое, выражает противоположный смысл: «неожиданным союзником обвинения выступил проф. Сорокин. Экспертизу его назвали *блестящей*: прилагательное это я готов принять только в одном смысле — экспертиза эта, как все *блестящее*, мешала смотреть и видеть». Карабчевский же, касаясь того же вопроса, ограничивается четкой и лаконичной формулировкой, где противоположность смысла указанного слова графически обозначается кавычками, а при произнесении — интонацией: «Именно такую „*блестящую*“ гипотезу дал нам эксперт по судебной медицине профессор Сорокин» (Дело Мироновича).

Предлагаемые наблюдения имеют целью показать, как некоторые языковые приемы могут быть использованы в качестве средств воздействия на аудиторию. Разумеется, эти приемы далеко не всегда целесообразны в защитительной речи в современном суде, так как функции дореволюционного суда и советского имеют коренные отличия. Но необходимо учитывать, что сфера применения ораторского искусства в настоящее время значительно шире по сравнению с прошлым. Многообразные виды агитации и пропаганды требуют не только владения литературным языком, но и умения пользоваться определенными ораторскими приемами. Речь идет не о продолжении традиции ради традиции, а об отборе таких средств, которые явятся эффективными в современных условиях — общественных, социальных и культурных. То, что не актуально в современной судебной практике, может оказаться существенным и важным в других областях общественной жизни, где оратор имеет дело с аудиторией. Такая связь осуществляется и при непосредственном контакте, и при использовании технических средств связи — радио и телевидения.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

«ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫЙ...»

(О роли порядка слов в русском языке)

По словам Л. Н. Толстого, весь сложный процесс художественного творчества — это поиски «единственно возможного порядка единственно возможных слов». Сравнение черновых вариантов многих литературных произведений и их окончательных редакций также убеждает нас в том, что писателя заботит не только подбор слов наиболее точных и ярких, но и такое их расположение, при котором достигается максимальный эффект — речь становится особенно выразительной, образной, «живописующей».

А. М. Горький в статье «О том, как я учился писать» вспоминает: «Сидел часа три, прежде чем удалось подобрать и расположить слова в таком порядке: „Волнистая равнина вся исхлестана серыми дорогами, и пестрый городок Окуров посреди ее — как затейливая игрушка на широкой сморщенной ладони“». Но и этот вариант не удовлетворил взыскательного художника! В другой статье А. М. Горького — «О прозе» — еще яснее выражается та же мысль: «Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено — тем больше придает фразе силы и убедительности».

Но не художественное ли преувеличение — слова писателя о единственно возможном порядке слов? Высказывание это и в самом деле кажется на первый взгляд парадоксальным: если в каждой фразе порядок слов может быть только определенным, то почему его приходится «искать», перебирая множество вариантов? Большинство читателей ответит, вероятно, так: «Потому что порядок слов в русском языке свободный».

Для проверки правильности этого утверждения проведем такой опыт: продолжите начатое предложение, употребив поставленные в скобках слова в нужных формах: «Я подарил девочке черепаху, а... (из, она, самодельная, кора, я, чернильница)». Наверное, у всех получилось предложение: «Я подарил девочке черепаху, а она мне — самодельную чернильницу из коры». Итак, возможности варьирования порядка предложенных шести слов оказались ограниченными. Это связано с тем, что порядок слов в русском языке участвует в оформлении синтаксических единиц — словосочетаний.

По действующим здесь нормам, согласуемое определение предшествует определяемому, то есть главному слову словосочетания: самодельная чернильница; звонкая песня; третий звонок; мой друг. Если словосочетание строится на основе связи управления, главное слово располагается перед зависимым: подарил девочке; рассказал сказку; чернильница из коры. Когда в словосочетание входят примыкающие наречия, они ставятся перед глаголами, прилагательными и другими наречиями: быстро бежит; крайне забавный; очень хорошо.

Нетрудно предвидеть такое возражение: даже если принять изложенные правила и следовать им, все-таки остается еще широкая возможность для различных перестановок слов в предложении; пусть согласованное определение стоит перед определяемым словом, но можно «передвигать» весь этот «блок» целиком: «Самодельная чернильница из коры понравилась мне» и «Мне понравилась самодельная чернильница из коры»; значит, порядок слов все-таки свободный!

Многочисленные примеры доказывают, что свобода эта мнимая, что почти всегда с изменением порядка слов изменяется смысл высказываний, меняется содержание информации. Так, на вокзале мы слышим: «Внимание! Внимание! С третьей платформы седьмого пути отправляется поезд № 17 — Москва — Ленинград». Но на вопрос, откуда отправляется поезд № 17, работник справочного бюро даст ответ, в котором обстоятельство места будет занимать иное, конечное положение: «Поезд № 17 отправляется с третьей платформы седьмого пути».

Сравним два предложения: «В этом аквариуме — самые маленькие рыбки» и «Самые маленькие рыбки — в этом аквариуме». Первое предложение уместно в том случае, когда говорящий, например, показывает гостю свой

живой уголок, водит его от одной клетки к другой или от одного аквариума к другому, рассказывая о том, кто здесь живет. Второе предложение будет употреблено в качестве ответа на вопрос «а где у тебя маленькие рыбки?» или на просьбу показать маленьких рыбок, то есть уже в другой ситуации. Иными словами, несмотря на то, что словарный состав обоих предложений одинаков, их смысл (то, что именно хотел сообщить говорящий) различен. И это различие отражается в том, какие члены предложения составляют *тему* высказывания (предмет, о котором что-либо сообщается) и какие — *ядро* высказывания (основную информацию о теме). Если в первом предложении тема состоит из обстоятельства («в этом аквариуме»), а ядро высказывания — из подлежащего с определением («самые маленькие рыбки»), то во втором предложении темой становится подлежащее, а обстоятельство выполняет роль ядра высказывания. Членение предложения на эти два компонента назовем смысловым членением (в примерах тема выделяется курсивом, а ядро — разрядкой).

Для экспрессивно и эмоционально не окрашенного повествования характерен прямой порядок слов, при котором высказывание строится от темы к ядру, от известного к неизвестному, новому, важному. При этом не имеет значения, каким членом предложения выражены эти компоненты смыслового членения предложения. Например, легко представить себе два таких диалога:

I. (Говорящий возвращается домой с работы и беседует с домашними)

— Мне, наверное, кто-нибудь звонил?

— Да, *звонил* Ко́ля (Сказуемое + подлежащее = тема + ядро).

II. (Говорящий ждал звонка и, вернувшись домой, справляется)

— Ну что, Коля звонил?

— Да, (*он*) *звонил*. (Подлежащее + сказуемое = тема + ядро).

В обоих ответах порядок слов прямой, и поэтому никаких стилистических изменений в этих предложениях не происходит, хотя подлежащее и сказуемое поменялись местами. Почему особенно важно подчеркнуть, что прямой порядок слов не зависит от того, каким членом предложения выражены тема и ядро? Потому что стилистические изменения речи часто связывают с инверсией, под кото-

рой имеют в виду «необычное» (?) расположение членов предложения. Но мы видели, что порядок «сказуемое + подлежащее» так же обычен, как и последовательность «подлежащее + сказуемое».

Большое количество предложений, в которых содержится констатация какого-либо факта, строится именно таким образом: в них норма (и это не инверсия!) — расположение сказуемого перед подлежащим: «Гремит салют. Летят ракеты...»; «Стояло безветренное спокойствие полнотчи»; «Шел 1918 год».

Эмоционально и экспрессивно не окрашены предложения, в которых прямое дополнение занимает различное место по отношению к глаголу-сказуемому: следует за ним — «Пастухов зажег спичку» (Федин. Необыкновенное лето); и предшествует ему — «Рабочие фрезу не приняли» (Николаева. Битва в пути).

Также однотипны по своей стилистической окраске и предложения, где изменяется место наречий-обстоятельств по отношению к глаголу-сказуемому: «[Краснобаевское волостное правление „ожило“ встрепенулось!..] [в квадратных скобках — контекст] Раздраженно скрипят перья, нервно щелкают косточки счетов и таинственно шелестят листы бумаг с бесконечно длинными рядами цифр» (Неверов. Свой человек); «[Их было немного, но все они были смелые, а главное — грамотные.] Говорили они запальчиво, красиво» (там же).

Почему же, несмотря на отмеченные различия в порядке следования членов предложения, все приведенные примеры были однотипны с точки зрения их стилистической окраски? Да потому, что в них нет инверсии, а порядок слов прямой: ядро высказывания везде располагается после темы. Инверсией следует считать такое изменение прямого порядка слов, когда нарушается последовательность: тема + ядро.

I — ядро + тема: «[Что-то слишком уж хорошо складывалось у меня в ту осень.] Аспидно-черной была эта ночь поздней осени...» (Казаков. Осень в дубовых лесах).

II — ядро + тема + ядро: «[Вышьем за Чехова, — сказал он... Раньше как-то не думал, а теперь понял:] несчастный он был» (Казаков. Проклятый Север).

III — тема + ядро + тема: «[Относится он ко всему равнодушно, с насмешкой...] Но иногда смутное беспокойство охватывает Егора» (Казаков. Трали-

вали): «[Каждый раз он долго соображает, куда ловчее сначала грести: вверх или вниз]. *Он и сейчас задумывается*» (там же).

К инверсии, вызывающей стилистические изменения в речи, относятся, кроме приведенных случаев, также нарушения уже знакомых нам правил построения словосочетаний: «[Жарит полдневное солнце.] У Григория *рубаша мешочная* взмокла от пота, к *лопаткам прилипла*» (Шолохов. Пастух); «[—Слушай, а в доме Чехова ты был?

— Не был. А что?

— Давай, старик, поедем!— предложил мой друг.— Я люблю Чехова, знаешь?] Как-то я его *нежно очень люблю*» (Казаков. Проклятый Север).

Но нет ли здесь противоречия? Ведь мы утверждали, что могут быть случаи постановки дополнения, следовательно, управляемого слова, не только после глагола-сказуемого, но и перед ним, и не считали это инверсией. Точно так же говорили как о «нормальной» и о последовательности «глагол + наречие» (*Говорили они за пальчиво, красиво*), хотя в этих случаях как будто нарушались нормы построения словосочетаний.

Сравним три примера:

«[В землянках редкие огни. У входа в одну из офицерских землянок на минуту задержался приземистый офицер;] *он торопливо растегнул шинель...* [наскоро вытер сапоги... и только тогда... вошел в землянку]» (Шолохов. Тихий Дон);

[По очереди зажигает и устанавливает Егор красные и белые фонари на бакенах...] *Бакены горят ярко* [и далеко видны в наступающих сумерках]» (Казаков. Траливали);

«Бежали из лесу избы, выбежали на берег, некуда дальше бежать, остановились, испуганные, сбились в кучу, *глядят заворожено* на море... *Тесно стоит деревня!*» (Казаков. Никишкины тайны).

В первом примере наречия *торопливо, наскоро* стоят перед глаголами-сказуемыми, образуя вместе с ними единые словосочетания, основанные на связи примыкания. Эти словосочетания входят в один компонент смыслового членения — в ядро высказывания; порядок слов в предложении прямой: тема (он) + ядро (*торопливо растегнул...*, *наскоро вытер...* и т. д.); речь эмоционально и экспрессивно не окрашена.

Во втором случае глагол-сказуемое *горят* входит в состав темы, а наречие *ярко* — ядро высказывания; таким образом, словосочетание разрушено, его как синтаксического единства нет, так как все высказывание имеет иную, в сравнении с первым, смысловую нагрузку. В первом случае сообщалось о действиях уже названного лица (как бы ответ на вопрос «что сделал офицер?»). Во втором случае в высказывании уточняется известное действие (это как бы ответ на вопрос «как горели бакены?»). Но и здесь тема («бакены горят») предшествует ядру высказывания («ярко»), поэтому инверсии нет, порядок слов прямой.

Иная картина в третьем примере. Здесь дважды наречие встречается «не на месте». В предложении «Тесно стоит деревня!» усиление экспрессии (выразительности) речи достигается тем, что ядро высказывания, выраженное наречием, оказалось перед темой (сравним нейтральный вариант с прямым порядком слов: «*Деревня стоит тесно*»: тема «деревня стоит» + ядро «тесно»).

В предложении «Бежали из лесу избы...» словосочетание «глядят заворуженно» не разрушено в целях оформления смыслового членения предложения, оно входит полностью как целостная синтаксическая единица в ядро высказывания, но в его пределах изменен нормальный порядок слов, примыкающее наречие поставлено после глагола.

Итак, инверсия наблюдается: 1) при изменении прямого порядка слов и 2) при нарушении норм построения словосочетаний при условии, что все словосочетание как целостная синтаксическая единица входит в один и тот же компонент смыслового членения — или в тему, или в ядро высказывания. Какой же стилистический эффект достигается с помощью инверсионного порядка слов? Это может быть усиление экспрессии, выразительности речи: «[Собрание окончилось перед рассветом. Степью шел Гришка. Плечи оттягивал мешок с мукой, горели до крови растертые ноги,] но бодро и весело *шагал он навстречу польхавшей заре*» (Шолохов. Пастух). Сравним менее экспрессивный вариант: «...но *он шагал навстречу заре бодро и весело*».

Иногда таким путем достигается стилизация фольклорной, сказовой манеры повествования: [«Широка степь и никем не измерена. Много по ней дорог и проследков.] Темней темного *ночь осенняя*, [а дождь следы лошадиных копыт начисто смоем]» (Шолохов. Пастух), срав-

ним: «*Осенняя ночь* темней темного, [а дождь начисто смое следы лошадиных копыт]»; «[Никишку в деревне любят все...]» Тих, задумчив *Никишка*, [ребят сторонится, не играет...]» (Казаков. Никишкины тайны).

Последний случай инверсии, при которой ядро высказывания, представленное сказуемыми, разделяется подлежащим-темой, часто встречается в сказочном повествовании; ср.: «Рассердилась *Елена Прекрасная*, побежала в свою опочивальню [и стала смотреть в волшебную книгу]» (сб. «Русские народные сказки». М., 1956).

Инверсионный порядок слов очень характерен для непринужденной разговорно-обиходной речи:

— Что это ты ищешь?

— Да тетрадь *ищу* по алгебре [здесь лежала] (запись устной речи).

Поэтому к инверсии ядра высказывания писатели часто прибегают тогда, когда в художественном произведении встречается прямая или несобственно-прямая речь персонажей: «*Там* марки какие-то *лежат*, стопочкой связаны, [крючки рыболовные, лески...]» (Казаков. Проклятый Север); «— А сад какой! — сказал мой друг. — *Это бн сажал*, знаешь? Очень *это* хорошо!» (там же).

Возвращаясь теперь к вопросу, поставленному в начале статьи, мы можем ответить на него так: действительно, существует много возможностей различным образом расположить в предложении слова, но варианты, возникающие при этом, не тождественны. По существу предложения с различными вариантами словоупорядка часто являются разными предложениями, выражающими различный смысл: «*Кабинет министров* голосовал *прóтив*. — *Прóтив* голосовал кабинет министров»; здесь от предложения к предложению меняется состав темы и ядра высказывания. В других случаях в результате перестановки слов смысл высказывания не изменяется, но появляются определенные стилистические изменения, которые обязательно должны быть оправданы замыслом писателя, художественной формой повествования. Именно поэтому приходится отыскивать тот вариант порядка слов, который в каждом конкретном случае будет единственно возможным.

НЕОБХОДИМЫЕ «НАРУШЕНИЯ» НОРМЫ

(Заметки о синтаксисе
поэтической речи)

При анализе поэтической речи обычно обращается внимание на ее ритмо-мелодические признаки. Ведь именно они отличают стихотворную речь от прозаической. Но кроме этих признаков, поэтическая речь обладает рядом лексических и грамматических особенностей. Например, в поэзии употребляются некоторые старославянизмы, не встречающиеся в прозе соответствующего периода, отдельные архаические падежные формы имени, архаические временные формы глаголов и т. д. Одной из особенностей стихотворной речи — синтаксической — и посвящена статья. Общие вопросы поэтического синтаксиса уже рассматривались на страницах журнала (см. статью Н. В. Лебедевой. — «Русская речь», 1971, № 1).

Какие же типичные «нарушения» синтаксических норм современного русского литературного языка допускаются в поэтической речи?

Если для прозаической речи характерны сложноподчиненные предложения, где каждая придаточная часть (в том числе и осложненная однородными членами) имеет в своем составе только один подчинительный союз или союзное слово, то в поэтической речи в составе одной придаточной части, имеющей однородные члены, могут находиться два подчинительных союза или союзных слова:

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;

Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.

Пушкин. Евгений Онегин

Легко заметить, что в этом примере четыре однородно соподчиненных придаточных присоединены к своему главному предложению с помощью пяти подчинительных союзов *что*. Такое совершенно необычное для прозаической речи построение сложного предложения обусловлено в данном случае тем, что в четвертом по счету придаточном («...что наши лучшие желанья, что наши свежие мечтанья истлели быстрой чередой...») для связи однородных подлежащих («...желанья ... мечтанья...») использован подчинительный, а не сочинительный союз. Употребление сочинительных союзов между однородными членами (или бессоюзная их связь) является привычным и встречается как в прозаической, так и в стихотворной речи. В прозаической речи данная конструкция, вероятнее всего, имела бы вид: «...что наши лучшие желанья и наши свежие мечтанья...» и т. д.

Подобный случай характерного только для стихотворной речи соединения однородных членов с помощью подчинительных, а не сочинительных союзов обнаружим в примере:

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля все до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Блок. Владимиру Бестужеву

Здесь два придаточных присоединены к соответствующей главной части сложного предложения тремя подчинительными союзами. Это происходит потому, что во втором придаточном («...что ищет нас, что в свисте ветра длится иная тишина») соединены подчинительным союзом *что* однородные сказуемые («...ищет..., длится...») при подлежащем *тишина*. В прозаической речи здесь, несомненно, был бы употреблен сочинительный союз: «...что ищет нас *и* в свисте ветра длится иная тишина». Конструкции, приведенные в наших примерах, употребляются исключительно в поэтической речи.

«Нарушение» синтаксических норм, требующих связывать однородные члены либо бессоюзно, либо с помощью сочинительных союзов в подобных случаях связано не с

требованиями ритмомелодики, а с выражением тонких экспрессивных оттенков.

В примере

Не все ль равно, в каких пределах,
В каких далеких городах
Тебя я вижу в снах несмелых,
В тяжелых и кошмарных снах.

Софронов. Поэма прощания

в качестве средства связи однородных членов используются союзные слова (относительные местоимения или местоименные наречия). Такие конструкции не исключительная, но преимущественная принадлежность стихотворной речи. Они возможны и в прозе, но встречаются здесь гораздо реже: «Он видел, как потрясен и как переживает свой позор старик» (Г. Николаева. Жатва).

Одной из характерных грамматических особенностей союзных слов является то, что они, в отличие от союзов, выступают в функции того или иного члена предложения. В связи с этим даже одно и то же союзное слово, повторяемое при однородных членах в составе придаточной части, имеет каждый раз свой собственный смысловой «объем».

Только в поэтической речи используются сложные предложения, в которых однородно соподчиненные придаточные «опоясывают» соответствующую главную часть. При этом одна из них всегда располагается внутри главной, а другая — после:

Пришлите мне хоть, что вы живы, знак,
Что вы свободны, если вы свободны.

Симонов. Три точки

Здесь однородно соподчиненные придаточные как бы опоясывают дополнение главной части. Обычно однородно соподчиненные придаточные — сколько бы их ни было — находятся все вместе — либо впереди или после, либо в середине главной части.

Сложные предложения с однородным соподчинением, в которых подчинительные союзы и союзные слова отсутствуют в составе первой придаточной части, но имеются в последующих, характерны именно для разговорно-поэтической речи:

Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше вниз.

Есенин. Письмо к женщине

Конструкции с однородным соподчинением, в которых первая из однородно соподчиненных придаточная часть имеет в своем составе подчинительный союз или союзное слово, а последующие не имеют, являются стилистически нейтральными и употребляются одинаково широко как в стихотворной, так и в прозаической речи: «А помнишь, Иван, как мы лежали с тобой на песке и море находило на песок» (А. Толстой);

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда все сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?

Л е р м о н т о в. Тамбовская казначейша

Значительно чаще, чем в прозе, в поэтической речи встречаются конструкции с многостепенным последовательным подчинением. Среди употребляющихся в стихотворной речи сложноподчиненных предложений с одной придаточной частью (и — тем более — среди предложений с двумя или несколькими придаточными) крайне редко встречаются сложноподчиненные предложения, в которых придаточные присоединяются к главным составными союзами: потому что, в то время как, по мере того как, тем более что, несмотря на то что, после того как и под.

В прозаических текстах присоединения придаточных такими союзами вполне обычны, особенно в двухкомпонентных сложноподчиненных предложениях. Это, видимо, объясняется тем, что в любом прозаическом тексте значительно свободнее употребляются так называемые длинные слова, в то время как в стихотворных текстах средний размер слова обычно не превышает трех, четырех слогов.

*Кандидат филологических наук
В. А. ШИТОВ
Вологда*

«МАЯКОВСКАЯ САТИРА»

И

«ДОСТОЕВСКИЙ РЕПЕРТУАР»

Русский язык обладает богатыми и разнообразными грамматическими средствами. Почти от каждого слова, принадлежащего к любому грамматическому разряду, можно при необходимости образовать другое слово. Однако встречаются на этом пути и определенные трудности.

Известно, что от имен собственных, например от фамилий, широко образуются прилагательные с помощью суффикса *-ск-*. Таковы, в частности, прилагательные от русских фамилий на *-ин*, *-ов*: Пушкин — пушкинский, Чехов — чеховский. От других фамилий с основой на согласный образуются прилагательные с вариантом того же суффикса *-овск-* (орфографически *-овск-* и *-евск-*): Шекспир — шекспировский, Бальзак — бальзаковский, Гоголь — гоголевский, Фет — фетовский. Тот же вариант суффикса выступает и в образованиях от фамилий, склоняющихся подобно прилагательным: Толстой — толстовский, Горький — горьковский, Буденный — буденновский...

И здесь мы сталкиваемся с одной трудностью. Как образовать прилагательные от фамилий, уже оканчивающихся на *-ский*: Маяковский, Достоевский, Островский и т. п.? Прибавить к основе на *-ск(ий)* еще один суффикс *-ск-* или *-овск-* кажется невозможным: будет труднопроизносимо и громоздко. «Нормальных», общепризнанных прилагательных от таких фамилий в языке нет. Но потребность в них, несомненно, есть, и немалая. Как же быть?

Ответ на этот вопрос в какой-то мере дает нам практика. В газетных статьях, в публицистических и даже художественных произведениях мы нередко встречаем прилагательные от фамилий на *-ский*. В «Литературной газете» был помещен цикл статей к 70-летию со дня рождения

В. В. Маяковского под общим заголовком «*Маяковское путешествие*». «Мы хотим отправиться в творческое путешествие: рассказать о жизни Владимира Маяковского», — писала газета 9 июля 1963 года, открывая этот цикл. В той же газете (5 сентября 1963) читаем: «„Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год“. Это емкий, значительный и очень „маяковский“ образ».

А вот еще несколько примеров: «Журнал сразу засветился всеми красками „маяковской сатиры“, его неповторимого юмора» (Катаев. Трава забвения); «Уж очень она [роль] была сравнительно с шекспировским, *достоевским*, *островским*, чеховским репертуаром легковесна, мелодраматична» (Шверубович. Люди театра); «В историю оперного искусства навсегда вошел образ Ленского, созданный Кузловским на основе собиновских традиций, но совершенно оригинальный, своеобразный, „*козловский*“» (Кузнецова. Народный артист).

Анна Ахматова в «Поэме без героя» использует прилагательное *достоевский* как выразительный эпитет, характеризующий Петербург:

И, царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман...

«*Маяковский*», «*достоевский*», «*островский*», «*козловский*» употребляются в приведенных цитатах как самые настоящие прилагательные, в разных родовых и падежных формах, иногда рядом с обычными прилагательными на *-ский*, *-овский* от фамилий, такими, как *шекспировский*, *чеховский*, *собиновский*.

Подобные прилагательные встречаются и в разговорной речи, в просторечии. В разговоре ценителей живописи на выставке можно услышать, например, о «таком прекрасном, совсем *айвазовском*» море, а в непринужденной беседе лингвистов — о «*смирницком* термине» (А. И. Смирницкий — известный языковед). Москвичи вместо официальных названий «площадь Маяковского», «площадь Дзержинского» нередко говорят: *Маяковская*, *Дзержинская* (площадь). Вспомните и «романс» Присыпкина в «Клопе» Маяковского: «На *Луначарской* улице я помню старый дом...». Это вместо официального и более обычного «на улице Луначарского» (кстати, в той же сцене Присыпкин «орет»: «Извозчик, улица Луначарского, 17! С вещами!»).

От таких прилагательных все чаще образуются наречия по традиционной модели: «приставка *по-* + суффикс

-и или -ому» (как в случаях *по-детски*, *по-пушкински*, *по-морскому* и т. п.): «ГЭС, *по-маяковски* ты гремишь!» (Евтушенко. Братская ГЭС); «Удивительно много сумела актриса понять и открыть в этом масштабном, *по-достоевского* сложном и контрастном характере» («Вечерняя Москва», 8 сентября 1965).

В приведенных примерах такие прилагательные, как *маяковский*, и наречия от них выглядят довольно необычно, как не совсем полноценные, не общепринятые, иногда — как специфически разговорные или даже просторечные, нелитературные. Не случайно во многих цитатах они поставлены в кавычки. Авторы как бы извиняются: дескать, сами понимаем, что слово не совсем обычное, но что поделаешь — иначе образовать не можем...

В некоторых случаях, однако, подобные прилагательные выступают уже как общепринятые, нормативные. Это, во-первых, в названиях городских районов: «Дзержинский район» (а отсюда и такие совершенно нормальные употребления: «Дзержинский райисполком», «Дзержинская районная контора...» и т. п.). Во-вторых, в названиях станций, главным образом станций метро (субстантивированные прилагательные): «Маяковская», «Дзержинская» (в Москве), «Чернышевская» (в Ленинграде) и т. п. Рядом с такими названиями станций, как «Фрунзенская», «Лермонтовская», «Кировская», отчетливо видно, что это именно субстантивированные (употребляющиеся как существительные) прилагательные.

Как формально-грамматически объяснить образование подобных прилагательных? Отрезок *-ск-* одновременно является в них концом производящей основы (основы фамилии) и суффиксом производного слова — прилагательного. Суффикс как бы совмещается с концом основы фамилии. Причина этого — прежде всего фонетическая. Соседство двух одинаковых сочетаний согласных *ск*, да еще после согласного (а ведь основа таких фамилий оканчивается именно сочетанием «согласный + *ск*»), в русском языке невозможно: вместо этого сложного комплекса согласных выступает более простой комплекс «согласный + + одно сочетание *ск*». Сколько ни «соединяй» мысленно сочетаний *ск*, оно все равно останется одним. То же явление, кстати, характерно для образования прилагательных от названий городов на *-ск*: Курск — курский, Иркутск — иркутский и т. п. А вот если в конце основы производящего слова выступает комплекс «гласный + *ск*», то ре-

зультат мысленного «упрощения» сочетания *скск* — уже другой. В этом случае не исчезает бесследно одно из сочетаний *ск*, а от первого из них остается согласный *с*, и возникает сочетание *сск*: Дамаск — дамасский, этруски — этрусский, баски — баскский (в последнем случае, правда, пишется по традиции *скск*, но произносится *сск*).

Таков скрытый «механизм» сохранения неизменной основы на *-ск* (после согласного) в производных прилагательных. Внешняя сторона этого явления для прилагательных *маяковский*, *дзержинский* и др. весьма своеобразна: в них остается неизменной не только основа производящего слова, но и его окончания, однако вся система форм расширяется (слово начинает употребляться как прилагательное, изменяться по родам).

Результат этот противоположен тому, который мы наблюдаем при широко известной субстантивации прилагательных. Скажем, прилагательное *учительский*, субстантивируясь, дает существительное женского рода *учительская* со значением 'комната для учителей'. Здесь система форм производящего слова сужается: прилагательное только в единственном числе имело восемнадцать падежно-родовых форм, а в существительном от них осталось лишь шесть.

Необычность, неожиданность результата — вот, пожалуй, причина того, что прилагательные типа *маяковский* с трудом пробивают себе дорогу в литературный язык. Но они все чаще появляются на страницах печати, и не только в «извиняющихся» кавычках. Дело в том, что существование таких прилагательных находит поддержку в других фактах языка, связанных с ними иногда явно, очевидно, а иногда и скрыто, подспудно.

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что в образованиях от топонимов (названий населенных пунктов) на *-ский*, *-ская*, *-ское* подобное «превращение существительного в прилагательное» — вполне обычное, «законное» дело. Так, от топонима *Вёшенская* — прилагательное *вёшенский*: «Вёшенский район». Вместе с новыми названиями городов *Белинский*, *Жуковский* появились и прилагательные от них: *Белинский* район, *Жуковская* средняя школа. Поселок Вознесенское и станица Кущёвская являются центрами *Вознесенского* и *Кущёвского* районов и т. д. (в то же время от других топонимов, склоняющихся подобно прилагательным, но не имеющих в конце основы отрезка *-ск-*, прилагательные образуются с разными ва-

риантами суффикса *-ск-*: *Изобильное — изобильненский, Скородное — скороднянский* и т. п.).

Не случайно областью, в которой отфамильные прилагательные типа *маяковский* в первую очередь узаконены, стали названия, близкие к топонимическим: ведь названия городских районов или станций по своей роли в языке смыкаются с топонимами.

Интересен другой факт: некоторые суффиксы существительных, выступающие, как правило, в образованиях от основ прилагательных на *-ский*, уже давно и легко включают в круг производящих слов фамилии на *-ский*, «воспринимая» их как прилагательные. Сюда относится, например, суффикс *-ец*. В словах с этим суффиксом используются в качестве непосредственно производящих прилагательные с суффиксом *-ск-* и его вариантами, причем конец основы прилагательного *-ск-* в них не сохраняется: Орел — орловский — орловцы, Пенза — пензенский — пензенцы, Толстой — толстовский — толстовцы, Кант — кантовский — кантовцы. Но наряду с подобными образованиями есть и такие: Петрашевский — петрашевцы, Комиссаржевская — комиссаржевцы (актеры театра имени Комиссаржевской), Дзержинский — дзержинцы (слушатели военной академии имени Дзержинского). При образовании таких слов фамилии на *-ский*, *-ская* ставятся по своим структурным признакам в один ряд с прилагательными на *-ский*.

Точно так же ведут себя и суффиксы *-щин(а)*, *-к(а)*. Ср., например: поп — поповский — поповщина, Бирон — бироновский — бироновщина и Достоевский — достоевщина, Хованский — хованщина (такими образованиями издавна называют общественные, идейные или политические течения, направления, с оттенком порицания); Толстой — толстовский — толстовка и Керенский — керенка (названия предметов, в данном случае связанные с фамилией определенного исторического лица).

Наконец, обратимся к топонимам на *-ск*, *-цк*. Те из них, которые в современном языке являются мотивированными (производными) названиями городов по какому-нибудь признаку, представляют собой переоформленные основы прилагательных на *-ский*, *-цкий*: волжский — Волжск, донецкий — Донецк, приморский — Приморск, красноармейский — Красноармейск, советский — Советск, Кировский — Кировск. Наряду с ними употребляются названия городов, образованные от фамилий на *-ский*, *-цкий*: Пржевальск,

Держинск, Котовск, Володарск, Урицк и т. п. И здесь фамилии на *-ский* (*-цкий*) подравниваются по своей словообразующей роли к прилагательным. Подобным же образом используются они теперь, как мы видели, и в наречиях типа *по-маяковски*, *по-достоевскому*.

Все эти факты говорят о том, что фамилии на *-ский* во многих отношениях уже давно ведут себя в русском словообразовании как прилагательные. Можно сказать, что, кроме своей основной роли — имен существительных собственных, они еще играют роль потенциальных прилагательных. Вот это их свойство и обнаруживается в наше время в таких оборотах, как «маяковская сатира» или «достоевский репертуар».

В. В. ЛОПАТИН

ЗАВЕШЕННЫЙ И ЗАВЕШАННЫЙ

В русском языке есть ряд соотносительных между собой по смыслу страдательных причастий прошедшего времени, которые произносятся почти одинаково, хотя пишутся различно: *завешенное* занавеской окно — *завешанный* бельем двор; *развешенный* по кулькам сахар — *развешанная* для просушки одежда; *замешенное* на молоке тесто — *замешанный* в неприятную историю.

Ошибки на смешение этих трудноразличимых в произношении слов встречаются иногда и в изданиях художественной литературы: «Окно было *завешано* марлей» (Шамакин. *Ходоки*. — «Звезда», 1953, № 3); «Дверь кабинета была *завешана* темно-зеленой портьерой» (Немцев. «Три желания». М., «Молодая гвардия», 1949); «Стены были *увешены* картинами известных мастеров» (А. Дюма. *Граф Монте-Кристо*. Минск, 1955); «Тесто *замешано*» (Демидов. *Алексей Карабанов* — «Октябрь», 1949, № 3).

Грамматическая разница в таких парах причастий заключается в том, что первые образуются от основы неопределенной формы, оканчивающейся на *-и*, с помощью суффикса *-енн-* (с обязательным при этом чередованием со-

гласных в корне): *завеси-ть* (закрыть, скрыть, повесить что-либо) — *завеш-енн-ый*, *развеси-ть* — *развеш-енн-ый*, *замеси-ть* (совершенный вид от *месить*) — *замеш-енн-ый*, *раскуси-ть* — *раскуш-енн-ый*. Вторые образуются от основы неопределенной формы, оканчивающейся на гласные *а, я, е*, с помощью суффикса *-нн-*: *завеша-ть* (закрыть или заполнить чем-либо в большом количестве или частично) — *завеша-нн-ый*, *развеша-ть* — *развеша-нн-ый*, *замеша-ть* (завлечь в какое-либо дело) — *замеша-нн-ый*. Внимательно следя за конечными гласными основы глагола и за смыслом слова, всегда можно избежать ошибок в правописании таких причастий.

Однако уловить это различие не всегда легко. Например причастие от глаголов *весить* (что-нибудь на весах) и *вешать* (плакаты, картины на стены) нередко смешиваются; в магазинах говорят, например: «Отвешайте (или свешайте) килограмм сахару» (от просторечных глаголов *отвесить*, *свесить* — *свешать*). Отсюда неправильные причастия *отвешанный*, *свешанный* вместо *отвешенный*, *свешенный*.

От этих же корней (*вес* — *веш*) происходят причастия *навешенная* дверь (*навесить*) — *навешанные* на стенки картинки (*навешать*), *повешенные* стрелцы, то есть казненные (*повесить*) — *перевешанные*, тоже казненные один за другим (*перевешать*). Без этого смыслового оттенка, а также при переходе причастия в прилагательное и существительное оно употребляется только с суффиксом *-енн-*: *повешенный* враг (Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных). Не имея соотносительных пар, также с суффиксом *-енн-* употребляются причастия: *взвешенный*, *вывешенный*, *провешенный*, *отвешенный*, *свешенный*, *довешенный* и др. Причастие *увешанный* (от глагола *увешать*) пишется только с суффиксом *-нн-*: «...Избушка Калиныча, увешанная пучками сухих душистых трав» (Тургенев. Хорь и Калиныч).

Глаголы *замесить* — *замешать*, образованные от разных слов, дают разные причастия: *замешенное* тесто (*замесить*), ср.: *тестомеситель* на хлебозаводе; *известковый* раствор на стройке — *замешанный* (*замешать* — *гравий* и *песок* с *известью*), ср.: *бетономешалка*. В романе А. Грина «Ветер с юга» читаем: «Я только замешал [смешал, соединил] лошадям клевер с отрубями».

В. С. ГРОМЫКО
Гомель

НА ЧЕМ МЫ ВОЗИМ ГРУЗЫ ?

За последние 10—15 лет резко увеличилось количество новых сложных слов со второй основой *-воз* (от глагола *возить*). Они особенно продуктивны в технической лексике. Слова этой модели разделяются на две различные смысловые группы: 1) первая основа называет то, при помощи чего машина движется (паровоз, электровоз, тепловоз); 2) первая основа называет то, что перевозится машиной (водовоз, лесовоз...).

При сложении в качестве образующих в большинстве случаев используются непроеизводные основы: две (бомбовоз, зерновоз) или три (нефтерудовоз, углерудовоз). Как правило, используются основы простые (равные корню), но бывают случаи употребления сложных основ (автомобилевоз, пулеметовоз, керамзитовоз). Производные основы встречаются в таких словах: автолесовоз, автобензовоз, автокеросиновоз и т. п. Однако часть *авто-*, равнозначная слову *автомобиль*, здесь со временем, особенно в разговорной речи, отпадает. Легко заметить, что первая основа во всех этих словах образована существительным, конкретизирующим понятие; усеченные формы очень редки: армовоз, бензовоз.

Активность появления новых сложных слов со второй основой *-воз* связана с бурным развитием транспорта. Долгое время человек знал лишь один вид транспорта — гужевой. Именно с ним связаны самые старые слова этого ряда: водовоз и тяжеловоз. Слово *водовоз* было образовано по типу *водонос* и представляло своеобразную модернизацию понятия. Так, в академическом «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота (1891) отмечено: «*водовозка* —

лошадь, возящая воду»; «*водовоз* — промышленяющий возкою воды». В таком же значении (работника, а не транспортного средства) слово это зафиксировано и в Словаре В. И. Даля.

Собирательное *тяжеловоз* когда-то означало 'лошадь, способная везти очень тяжелый груз'. Ныне тяжеловозами называются специальные прицепы (или баржи-площадки), приспособленные для перевозки сверхтяжелых грузов. Слово *рудовоз* появилось в середине прошлого века для обозначения барж, на которых доставлялась руда.

В начале XX века продолжают развиваться водные и железнодорожные транспортные средства, появляются новые — автомобильные и воздушные. А в 50-х годах — трубопроводные. В названиях вагонов не произошло почти никаких изменений. Сейчас у железнодорожников существуют платформы *тяжеловозы*, вагоны *цементовозы*, *торфознозные* полувагоны и узкоколейные *лесовозные* вагонетки.

Трубопроводные транспортные средства используются пока лишь для доставки жидких и газообразных материалов. Совсем недавно в Грузии был введен в эксплуатацию трубопровод, по которому в контейнерах перемещается груз, и сейчас же появилось новое понятие *пневмовоз* по аналогии с *паровоз* («Правда», 14 ноября 1971).

Водные и автомобильные транспортные средства развиваются стремительными темпами, так как они позволяют осуществлять перевозку различных массовых грузов. Именно массовость перевозок вызывает необходимость специализации транспорта.

Что влечет за собой волну новых терминов? Она началась на водном транспорте, раньше, чем в автомобильном. Сначала выделились в самостоятельную семью наливные суда (танкеры), получившие русские названия *горючевоз* и *нефтевоз*. Сухогрузные в свою очередь также специализировались: на реках и морях появились *лесовозы*, *зерновозы*... В последние годы возникли новые названия для новых типов судов: *углерудовоз* («Советская Россия», 26 марта 1966), *фруктовоз* («Ленинградская правда», 3 июля 1971), *газовоз* — танкер для жидкого газа по аналогии с *нефтевозом*. В Перми построено принципиально новое судно — *нефтерудовоз*. «В самом названии судна — несовместимость: нефть всегда возили в наливных судах, руду — в сухогрузных. Но гибрид танкера и сухогруза — это сегодняшний день Большой Волги, которая не хочет порожних рейсов и готовится возить грузы в любом направ-

лении» («Литературная газета», 3 ноября 1971). Новое название прочно «пристало» к новому судну.

Но так бывает не всегда. 4 мая 1971 года «Ленинградская правда» известила читателей о начале строительства на астраханской верфи нового судна — *автомобилево́за*. О том, что название это является «изобретением» ленинградского журналиста и пока еще не вышло в широкий мир, свидетельствует тот факт, что газета «Правда» (28 октября 1971) о том же самом корабле писала иначе: спущено со стапелей первое в стране экспериментальное судно для перевозки легковых автомобилей.

Для автомобильных транспортных средств потребовалось много названий на *-воз* в связи с тем, что специализированный транспорт стал широко внедряться в строительство. В самом начале 1960-х годов появились *панелевоз*, *пакетовоз*, *настиловоз*, *блоковоз*, *армовоз*... Профессор А. Н. Гвоздев в 1961 году отметил как новообразование *трубовоз*. Ныне типов специальных машин становится все больше. Уже имеются *балковоз*, *колонновоз*, *плитовоз*, *фермовоз*, *щеповоз*...

Пример словотворчества оказался заразительным. На наших дорогах работают такие машины коммунального и сельского хозяйства, как *молоковоз*, *стоговоз*, *мусоровоз*, *муковоз*... Пожалуй, самой новой из этой группы машин следует считать *картофелевоз*, предназначенный для безтарной доставки картофеля с овощных баз в магазины. Он отмечен в специальном листке научно-технической информации (24 июня 1971). Сейчас в устной речи встречаются также *хлебовоз(ка)* и *хлопковоз*.

Интересно отметить, что в официальных справочниках по автомобилям большой класс спецмашин носит «сухие», «деловые» названия: цистерна, прицеп, полуприцеп и т. д. Исключение сделано лишь для «ветеранов» *панелевоз* и *цементовоз*. Новые наименования машин, образованные путем словосложения, в большинстве случаев неофициальны; они встречаются в журнальных и газетных статьях и служат для придания речи большей живости, образности и выразительности. Названия машинам присваивают, как правило, их изготовители или эксплуатационники и реже конструкторы, предпочитающие буквенно-цифровые индексы.

Со временем некоторые из новых слов, имеющих наибольшую частоту употребления, прививаются и закрепляются в справочниках, но на первых порах иные из них

настолько непривычны, что употребляются даже в паре, взаимно уточняя и поясняя друг друга: *трубовоз-плетевоз* («Строительство трубопроводов», 1970, № 5).

Многие виды новых машин действительно весьма своеобразны и специфичны. Так, *авторастворовоз* и *автобетоновоз* не просто перевозят раствор и бетон, но имеют специальный побудитель для предупреждения схватывания этих составов в пути. *Картофелевоз* — не просто ящик на колесах: он имеет транспортер для разгрузки.

В отдельных случаях наблюдается «перерастание» одного названия в другое, своеобразное временное обобщение близких по смыслу понятий на существующей основе: пулеметовоз → ракетовоз, настиловоз → плитовоз.

Скоростной метод в составлении новых слов приводит к тому, что некоторые из них живут очень короткое время. Такова судьба вообще многих неологизмов, которые создаются для единичного, индивидуального пользования с выразительной целью и не всегда отстаиваются в языке.

Как уже отмечалось, рассматриваемая схема словообразования пополняет в основном техническую лексику. Таким образом, эти слова можно отнести к категории терминов, с которыми их роднит то, что они однозначны, употребляются в определенных рамках, обладают высокой точностью и дают полную информацию о признаках выражаемых понятий. Жизнеспособность их, как и всякого термина, обуславливается краткостью: *трубовоз*, *фермовоз*, *плетевоз*.

При построении новых слов, к сожалению, не всегда учитывается ритмическая и фонетическая особенность русской речи. В идеале — это слова, состоящие из односложных основ. Пока еще слова, принадлежащие рассматриваемой группе, за редким исключением (*водовоз*, *лесовоз*, *рудовоз*), не стали широким достоянием языка художественной литературы.

Естественно, что словари русского языка не могут «угнаться» за всеми неологизмами. Так, если Словарь Х. Бильфельдта (1958), словник которого базируется в основном на Словаре Д. Н. Ушакова (1935—1940), включает лишь 8 слов этого ряда, то орфографические словари уже значительно больше. И все-таки у лексикографов наблюдается еще «инерция» при отборе материала.

Пришло время «прописать» многочисленные новообразования в наших словарях.

А. Н. ШУСТОВ

БОГАТЫРЬ ДВЕНАДЦАТИ ВЕРШКОВ

И. Жуманиязов из Хорезмской области обратил внимание на странные с точки зрения простых арифметических подсчетов сведения о росте Герасима в рассказе Тургенева «Муму»: «Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рождения».

Вершок — старая русская мера длины, употреблявшаяся у нас до введения после революции метрической системы мер, была равна приблизительно 4,4 см. Но простой арифметический расчет в данном случае неприменим к росту Герасима. Дело в том, что Тургенев в рассказе «Муму» при характеристике Герасима использовал обычный для XIX века способ описания роста, когда упоминается только количество вершков свыше двух аршин (142,2 см. аршин был равен 71,1 см). Ведь нормальный рост любого человека всегда был больше двух аршин, которые поэтому подразумевались сами собой и могли не называться. Если учесть это и прибавить 12 вершков (52,8 см) к двум аршинам, которые подразумевались в рассказе, хотя и без упоминания, то рост Герасима окажется равным 195 см. Рост поистине богатырский!

Такой прием при описании роста человека или животных отмечен толковыми словарями русского языка: «Лошадь росту слишком трех вершков, при двух аршинах» (В. И. Даль); «Ростом он был пяти вершков (т. е. двух аршин и пяти вершков)» (Д. Н. Ушаков).

В академическом 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» подобное употребление слова *вершок* в применении к росту человека, животных иллюстрируется рядом примеров из произведений русской литературы XIX века: «...Мужчина лет тридцати, высокого роста, вершков четырнадцати, атлетического сложения, стройный, темно-коричневого, матового цвета» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Он [старик] ростом был двенадцати вершков, с домашними был строг неумолимо» (Лермонтов. Сказка для детей); «Князь, ласково потрепав его по загривку, велел подать мерку, и оказалось, что жеребец был шести с половиною вершков» (Писемский. Тысяча душ).

Г. Я. Романова

НОВАЯ КНИГА О ПОХОДЕ ИГОРЯ

ольшой знаток русских летописей и других памятников древнерусской письменности, специалист по археологии Восточной Европы и древней славянской материальной культуре академик Б. А. Рыбаков выпустил в свет книгу «„Слово о полку Игореве“ и его современники» (М., «Наука», 1971). Это исследование посвящено историческому и текстологическому изучению важнейшего памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Читателя привлечет четкое, глубокое

и разностороннее исследование самих исторических событий, обстановки на Руси в конце XII века и лиц, ставших героями «Слова» или только упомянутых в нем.

Книга Б. А. Рыбакова — новый этап в изучении памятника. Важнейшей составной частью исследования является освещение нескольких десятков лет жизни героев «Слова», в основном до, но также и после трагических событий 1185 года. Автор показывает биографии людей, их взаимоотношения, делает понятным так мало известный современному читателю мир XII века — княжеские междоусобия, предшествовавшие походу Игоря войны с половцами. В цепь событий конца XII века, и особенно 1185 года, Б. А. Рыбаков проникает путем тщательного и всесторон-

него анализа русских летописей, что позволяет ему выделить части летописного свода, принадлежавшие разным летописцам, и определить их отношение к герою «Слова».

История героев «Слова» — главный раздел по объему, но по важности ему не уступает раздел о географии и похода Игоря и битвы на р. Каяле. Разработанная до деталей хронология похода Игоря включает важное для уточнения времени создания «Слова» определение даты возвращения Игоря из плена и приезда в Киев к Святославу. Б. А. Рыбаков привел новые и подкрепил неопровержимыми данными некоторые старые доказательства создания «Слова» в конце XII века.

Еще в 1958 году Б. А. Рыбаков определил, что Великим Доном во времена Игоря «называли реку, составленную из Северского Донца и Дона, от впадения в него Северского Донца и до устья. Представления древних о верховьях рек часто не совпадали с нашими: верховьями Днепра — Борисфена считали р. Березину; верховьями Волги — Итиля — часть Камы и р. Белую» (стр. 230). На основании шести выявленных им условий (1. Поле битвы должно быть только в бассейне Днепра; 2. Битва происходила на расстоянии полутора переходов от р. Сальницы...) Б. А. Рыбаков определяет район битвы, описав дугу с центром у р. Сальницы и радиусом в полтора перехода (не более 80 и не менее 40 км), который Игорь совершил за ночь с 9 на 10 мая и часть дня 10 мая. Так определяется район между левым берегом р. Самары (левого притока Днепра) и правым берегом р. Бык (левого притока р. Самары).

Б. А. Рыбаков присоединяется к предшествующим исследователям в том, что «Каяла значит — река смерти, печали, скорби; гибельное место» (стр. 223) и что Каялой в «Слове» назван летописный Сюурлий — современная р. Гнилуша — левый приток Самары (стр. 244).

Как известно, в связи со «Словом» у исследователей вставало немало вопросов хронологического порядка. В решении их Б. А. Рыбаков опирается также прежде всего на расчеты пути по суше (расстояния, проходимые за дневной переход на лошадях при разных скоростях движения в лесостепи, степи, с повозками и без повозок, лучшей конницей или лошадьми рядовых воинов, короткие и длительные перерывы в пути для привалов, кормления и водопоя коней и т. п.; длительность светлого и темного времени суток и т. п.) и по воде (смоляне плыли вниз по

Битва Игоря с половцами 11 мая 1185 г. (Миниатюра Радзивилловской летописи)

Днепру по 75 км в сутки и должны были дойти до Треполя за 8 суток, а сухопутьем за 10 дней; стр. 270). Он определяет, что поход Кончака на Русь занял несколько более месяца, а побег Игоря состоялся незадолго до возвращения Кончака с войны, то есть не мог быть в пятницу 7 июня, маловероятен 14 июня; маловероятен и 29 июня, так как соловьи поют до Петрова дня, а, судя по «Слову», Игорь и Овлур слышали предрассветное пение соловьев. Так определяется день побега — 21 июня 1185 года. Далее рассчитывается с точностью до дня время возвращения Игоря в Северскую землю и приезд его в Киев в конце июля или начале августа 1185 года (стр. 277). Прекрасно зная топографию древнего Киева, Рыбаков убедительно доказывает, что слова поэмы «Страны ради, гради весели!» относятся ко времени отъезда Игоря из Киева, когда князья сплотились и решили совместными усилиями «загородить полю ворота».

Б. А. Рыбаков считает «наиболее вероятным временем написания „Слова о полку Игореве“... время пребывания Игоря в Киеве в качестве гостя и просителя» (стр. 277),

то есть август 1185 года, «когда Кончак был еще полон сил и призыв к единству был жизненно необходим всей Руси» (стр. 282).

Помимо хронологии похода и связанных с ним событий, читатель найдет в книге немало хронологических уточнений к упоминаемым в «Слове» историческим событиям общего характера. Определяются века Трояновы (98—375 г. н. э.), лета Ярославовы (1019—1054) — последние годы единой Киевской державы, войны Олеговы (1078—1096). Доказывается, что «Старым Владимиром» в «Слове» назван Владимир Мономах, а не Владимир Святой. Именно «Послание Владимира Мономаха к Олегу Святославичу» (1096) повлияло своими идеями и некоторыми историческими сопоставлениями на «Слово», которое в свою очередь оказало влияние на последующие литературные памятники — «Слово о погибели русской земли» (начало XIII в.) и «Задонщину».

Б. А. Рыбаков предложил свою гипотезу восстановления первоначальной композиции «Слова», полагая, что на протяжении веков в поэме были случаи выпадения и последующего неправильного размещения выпавших листов. В результате перестановок текст «Слова» дается без прямых нарушений хронологической последовательности событий.

Многочисленные перестановки текста, вставки, исключения отдельных мест в произведениях древней литературы в период до книгопечатания широко известны специалистам. Известно, что в этот период под пером переписчиков появлялось немало разнообразных ошибок и искажений переписываемого текста. Это свойственно даже писцам-профессионалам. Естественно, что немало ошибок могло появиться в тексте «Слова», которое могли переписывать для себя сами грамотные люди. Рыбаков обнаруживает возможные перестановки шести отрывков «Слова» и утрату одной страницы. В своих построениях он опирается на подсчет букв, размещающихся на одном листе рукописи, то есть следует методу А. И. Соболевского и Н. К. Гудзия, установивших до Рыбакова одно из нарушений последовательности текста в «Слове». Однако, уважая традиционный текст «Слова», на котором воспитались многие десятки поколений русских людей, Рыбаков оценивает свою перекomпоновку частей «Слова» не более как гипотезу и для обсуждения предлагает свои перестановки только на тексте перевода.

*Побег Игоря с Овлуром в 1185 г.
Кончак гонится за беглецами (Радз.
лет.)*

Вероятно, не все литературоведы и читатели старших поколений примут гипотезу Б. А. Рыбакова, считая, что «Слово» целостно и прекрасно в том виде, в каком мы привыкли воспринимать его с детских лет. Ведь в произведении искусства поэт и писатель подчас излагают события не в хронологической последовательности, а так, как они представляются ему в его творческом воображении.

Литературоведы в анализе литературного произведения разбирают образы героев, исходя из тех черт, которые они находят в самом произведении. Однако в применении к «Слову» такого анализа недостаточно, так как и в наше время находятся время от времени геростраты, которые в отступлениях «Слова» от хронологической канвы описываемых событий и характеров прототипов видят не творческую волю гениального автора XII века, а неосведомленность позднего фальсификатора XVIII—XIX веков или забвение фактов писателем, жившим на 200—300 лет позже.

Основные аспекты анализа Б. А. Рыбакова являются не только интересными и новыми, но и убедительными и

весьма актуальными. Естественно, что как историк, обладающий широким диапазоном собственных интересов, Б. А. Рыбаков видит отдельные стороны «Слова» под углом зрения своей науки в большей степени, чем с позиций литературоведения. Поэтому важный для самого автора раздел о перестановках занимает в четыре раза меньшее место, чем раздел «Герои „Слова“», написанный с таким совершенным знанием исторических лиц и событий того времени, что это выводит труд Б. А. Рыбакова далеко вперед по сравнению со многими специальными исследованиями о «Слове».

Основная ценность книги, на наш взгляд, в том, что она является преимущественно историческим исследованием, представляет собой труд выдающегося разностороннего историка. Отдельные формулировки в книге и некоторые ракурсы научного анализа позволяют рассматривать ее и как литературоведческое исследование. Однако подход к объекту у Б. А. Рыбакова прежде всего точный исторический: на фоне меняющейся исторической обстановки XII века раскрываются не столько художественные образы героев «Слова», сколько биографии и взгляды, поступки и качества исторических лиц.

*Доктор филологических наук
Л. П. ЖУКОВСКАЯ*

НОВЫЕ КНИГИ

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., «Наука», 1972. 320 стр. 1 руб. 28 коп.

История советской многонациональной литературы. В 6-ти т. Глав. ред. Г. И. Ломидзе и Л. И. Тимофеев. Т. 2. Кн. 2. М., «Наука», 1972. 560 стр. 3 руб. 41 коп.

Русское и славянское языкознание. Отв. ред. Ф. П. Филин. М., «Наука», 1972. 331 стр. 1 руб. 54 коп.

Страницы истории русской литературы. Сборник статей. Отв. ред. Д. Ф. Марков. М., «Наука», 1971. 447 стр. 1 руб. 97 коп.

Филологические этюды. Отв. ред. Г. В. Валимова. Ростов-на Дону, Изд-во Рост. ун-та, 1972. 158 стр. 60 коп.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., «Наука», 1972. 520 стр. 2 руб. 58 коп.

«БЬЕТ ЧЕЛОМ ХОЛОП ТВОЙ...»

Москвичи XVII столетия... Какими они были? Перенесемся в старую Москву, перешагнув через 300 лет, и попробуем прочесть одну из страниц их жизни. Помогут нам в этом челобитные (жалобы, прошения, заявления) московских людей XVII века.

Челобитные, о которых пойдет речь, опубликованы в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (М., «Наука», 1968). В этом издании собрано более 150 челобитных, поданных жителями Москвы в Челобитенный приказ (канцелярия царя, куда подавались челобитные).

Уложение 1649 года, до которого «жалобник» (проситель, челобитчик) мог формально обращаться прямо к государю, отменило это право: «Не бив челом в приказе, ни о каких делах государю никому челобитен не подавати. А будет кто учнет о каком деле бити челом, и челобитные подавати государю, в приказе не бив челом и таким челобитчикам за то чинити наказание» (Акты исторические).

Жалобы подавались в форме челобитной на имя «великокняжеской милости». Слова *челобитная*, *челобитня*, *чело-*

битье (челом бить → челобитье → челобитный → челобитня) встречаются в деловых документах с конца XVI века. В актах до XVI века в значении 'письменное прошение, жалоба' употреблялось слово *жалобница*.

Составлялись челобитные особыми специалистами-подьячими Ивановской площади в Кремле, которые писали челобитные за деньги. Челобитьям велся учет. По ним могли принимать самостоятельное решение («чинить расправу») чиновники приказа, только в сложных случаях обращаясь непосредственно к государю.

Для «учинения расправы» челобитчики допрашивались и по делу «чинился обыск», о чем писал публицист XVI века Иван Семенович Пересветов в своих Большой и Малой челобитных: «Умилосердися, обыщи своим царским обыском!». Решение в Челобитенном приказе принимали только после предварительного «обыска». О решении в пользу челобитчика говорили: «учинить управу» или «учинить указ»; о решении не в пользу челобитчика: «учинить отказ».

Челобитные могли быть подписными («заручные») и «безымянными». Челобитья, по которым принимались решения, обязательно должны быть «подписными». Они подписывались думными дьяками и потом читались вслух подле Челобитенного приказа. Добиться решения по челобитью было нелегко из-за судебной волокиты и взяточничества. Бедные люди, податели челобитий, не имели почти никакой надежды найти управу по своему делу. В одной челобитной читаем: «А бити на них, государь, челом не мочно, откупаюца твоею государевою казною, а мы — люди нищие, тягаться с ними ничим» (Челобитная монахов Кирилло-Белозерского монастыря. 1592).

Челобитные как деловые документы имели особое значение в деятельности правительства. Благодаря челобитным, обращенным к царю с жалобами на взяточничество, подкупы, злоупотребления властью, бездействие руководителей приказов, доходили до царя и некоторые проекты преобразований.

Именно путем челобитных «вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, изо многих лет презрев страх божий и государские уставы и много злокозненных дел на них учиниша, не быша им пастыри и учителя, но сотворишася им гонители и разорители». Не случайно, что именно

форма челобитной стала литературным приемом для замечательного публициста XVI века Ивана Семеновича Пересветова, который создал новый жанр литературного произведения — жанр публицистической челобитной.

Социальный состав подателей московских челобитных XVII века разнообразен: это торговые люди и ремесленники, князья и бояре, дьяки и попы, холопы и стрельцы. О чем просят и на что жалуются эти люди?

Царский холоп князь Ивашка Черкасский жалуется на князя Ивана Лыкова, обозвавшего его дураком, и требует наказать обидчика; князь Иван Андреевич Голицын подает царю челобитную с просьбой разыскать и возвратить беглых холопов своего дяди; конюх Петрушка Федотьев, потешавший государя и изувеченный насмерть медведем, который его «ломал и драл и разодрал платкишко», просит пожаловать на платышко; Оверка Елизарьев, пестрядинник Мастерской палаты, бьет челом о выдаче чернил, которых у него «изошло» за девять лет на два рубля; дьякон Архип и подключник Хлебного дворца Лукашка Аникеев — товарищи по несчастью: оба они настолько бедны, что им «нечем выдать», «нечем сподобить свадбенку» одному для сестры, а другому — для дочери, и они подают челобитные, в которых униженно молят о пожаловании на «свадбенку чем государей бог известит».

подавались челобитные и с жалобами на самоуправство и бесчинства должностных лиц. Режим деспотизма, создававший в стране обстановку страха, был ужасен. Страшно было не донести. Еще страшнее попасть в опалу без причины. Появляется специальный вид челобитных — явочные челобитные, своего рода доносы. В них челобитчик сообщает о каком-либо происшествии и тем самым снимает с себя ответственность за последствия.

Такова челобитная кадашевца Алексея Рагозина в связи с побегом от него А. Татарина, его крепостного человека, укравшего 200 рублей. В своей явочной челобитной Рагозин даже не просит о возврате ему украденных денег, а просит «челобитье свое и явку записать»: «Буде он Андрушка в каком воровстве обявитца чтоб мне холопу твоему от тебя великого гсдря в пене и в опале не быт и вконец не погинут».

Но челобитные москвичей XVII века — это не только источник сведений об их жизни и быте. Эти челобитные — бесценный памятник московской разговорной речи. Их

язык — это и старые традиции деловой речи, и живая разговорная речь.

Податели челобитных были хорошо знакомы с формулами делового языка. Челобитья писались по определенной форме. Начинались они с обращения к царю с указанием его полного титула. Интересно, что челобитные, поданные с 1617 по 1646 год (май), имели такое обращение к царю: «Црю гсдрю и великому кнзю Михаилу Федоровичу всеа Руси». Челобитные, поданные с мая 1646 года, обращают на себя внимание другой формой обращения к царю: «Црю гсдрю и великому кнзю Алексею Михайловичю всеа Руси». Эта же форма сохраняется и в челобитных, поданных после 1646 года, однако, начиная с 1656 года (сентябрь) к названному титулу царя Алексея Михайловича добавляется: «всеа Великая и Малыя и Белья Росии самодержец». Челобитные, поданные с марта 1668 года на имя Петра I, начинаются так: «Великому гсдрю црю и великому кнзю Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу».

Таким образом, начальный протокол челобитной претерпевал изменения; к нему можно судить об изменениях в политической жизни Московского государства.

Остов челобитной, то есть набор штампов, который был обязателен для каждой челобитной как делового документа, таков: I — Црю гсдрю и великому кнзю... всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу; II — бьет челом холоп твой...; III — а) жалоба мне гсдрь на..., б) в ннешнем гсдрь во... году... декабря... день, в) подробное изложение дела; IV — а) млсрдый гсдрь црь и великий кнзь... всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, б) пожалуй меня холопа своего вели гсдрь..., в) црь гсдрь смилуися пожалуй.

Но трафарет не препятствовал выражению самых разнообразных мыслей челобитчика. В рамках одного и того же трафарета свободно сосуществовали и официальный язык, и повседневная разговорная речь. Один из излюбленных приемов в просьбах-челобитных — употребление уменьшительных и уничижительных имен существительных, подчеркивающих бедность, зависимое состояние, потребность в помощи вообще — известную «неполноценность» самого просителя, членов его семьи, его хозяйства. Цель употребления таких существительных — разжалобить адресата, вызвать его сочувствие и помощь, а также воздействовать на царя самой подачей фактов.

Среди московских челобитных не встретилось ни одной, в которой бы отсутствовали такие существительные. Так, один челобитчик очень подробно сообщает о том, что как-то вечером он ехал в «санишках большою улицею» и на той улице за ним гнались люди с дубинами и хотели его и людишек его «побить до смерти», и он, «видя смерть свою, и с *людишки* своими и с двумя *человеченки* ушел». Другой проситель жалуется: «*женишек* и *детишек* таскают обезжие головы на сезжи дворы». Третий сообщает: «те товары поймал к себе в *лавчонку*». Сосед жалуется на соседа: «подставил тое баню под наши *хоромишки* и блиска напших запасных *житинакъ*».

Прочитайте любую челобитную, и вы обратите внимание, что имя челобитчика употребляется только в уничижительной форме. Это не случайно. Перед лицом государя все были совершенно бесправны. Все податели челобитных (даже князья и бояре) считали себя царскими холопами и назывались не иначе, как Ивашками, Сеньками, Федотками, Парашками.

Старый большой стольник Михаил Романович Гагарин — недостойный царский холоп Мишка; Степан Казьмин, отец пятерых дочерей, именует себя Стенькой; а старик сторож Иван Тимофеев, служивший царям верой и правдой тридцать пять лет, называет себя в челобитной Ивашкой.

Насыщенность челобитных собственными и нарицательными существительными с суффиксами уменьшительности и уничижительности говорит о связи их языка с живой народной речью: таких слов много в русских пословицах, поговорках, загадках, сказках, былинах. В челобитных мы встречаемся и с такими словами, которые были необычны в письменном языке, а скорее свойственны устной речи. Вот какими словами сообщает о своей обиде князь Иван Черкасский: «И он меня холопа твоего учал лаает всякою неподобною лаею и называл меня *дураком* и всяким *позорным* словом *позорил*». В другой челобитной читаем: «И жена гсдрь ево Фомина после судного дела называла меня *лысым бесом* и бранила» или «а за пите его Иванова что он *без просыпу* всегда *пьет* и за *плутовство* вели гсдрь ево в мнстрь сослат».

Поражает естественность и свобода изложения многих челобитных: «Она *пьет* и *бражничает* и дома не живет недели по две и по три *водитца* неведома с какими людьми»; «А я холоп твой от твоих великого гсдря служеб уве-

чен ногами болен и от старости *не довижду*»; «И чтобы топили избы бережно и с огнем *бы* по вечерам не сидели и огню *б* на дворе не раскладывали и всякого *бы* дурна не было». В этом примере даже имеется определенная ритмизация речи, свойственная былинам и сказкам, устной речи. Такое построение предложения можно проследить во многих челобитных.

А вот каким языком передана «внутриформулярная часть», то есть описана суть жалобы: «В вечеру пас гсдрь сынишко мой Васка *коровенко* мое подле огорода боярина князя Ондreja Василевича Хилкова а тот Иван тот огород пашет и тот Иван *сиотчи* с огорода учал сынишка моего и то *коровенко* мое бит кнутником по голове и по шее и я холоп твой *вышот* учал ему про то говорит за что *сынишка* моего и *коровенко* бьешь напрасно и тот Иван учал мне и женишку моему бранит *матерны* и всякою неподобною лаю и называл меня *огурешным* и *морковным татем*».

Рассказывая о своей обиде, челобитчик не скупится на употребление слов с уменьшительными и уничижительными суффиксами. Этим он вызывает жалость к себе, сыну и своей «животине». Отсюда и *сынишка*, и *коровенко*, и *женишка*.

В языке челобитных наблюдается употребление и глаголов многократного действия, также свойственных устной речи: «У меня гсдри никакой бани не *тапливали*»; или «И я холоп твой ево Ондреева двора не *зажигивал* и зажечь никому не *веливал*».

Некоторые слова и словосочетания могли создаваться в устной речи, в процессе «говорения», а затем перейти в письменный язык. В одной челобитной читаем: «Я ж холоп твой ис Приказу болшие казны купил самой *охульной арменской икры* на сто на тридцать на три рубли»; или «и он Нифантей с людьми своими з двора своего учел к моему дворешку *человеческой навоз метат*».

Некоторые слова, употреблявшиеся в московских челобитных XVII века, и сейчас живут в русских народных говорах. Это, например, слово *ворохнуться* в значении «шевелиться»: «Вели гсдрь меня осмотрет в домишку моем потому что я холоп твой не могу с места *ворохнутца* рука да нога у меня холопа твоево отнелас и ничем не владею лежу в розслаблене». Слово *ворохнуться* известно говорам не только в значении «шевелнуться», но и в значении «тронуться [с места], повернуться» (Словарь русских на-

родных говоров. Л., 1970). Слово *ворохнуться* часто встречается и в загадках (см.: Загадки русского народа. Составил Д. Н. Садовников. М., 1960):

Двину подвину
По белому Трофиму;
Спит Трофим
Не ворохнется;

ИЛИ

По полу скок
И по лавкам скок,
Сядет в уголок
Ни ворохнется.

Таким образом, в московских челобитных XVII века мы можем наблюдать некоторые образцы разговорной речи, зафиксированные письменно; это и эмоционально окрашенные слова: *дурак, плут, озорник, матерная брань*; и слова с уменьшительными и уничижительными суффиксами: *дворишко, человеченко, коровенко, рухлядишко*; и многократные глаголы с суффиксом *-ива (-ыва)*: *тапливал, бранивал, веливал, зажигавал*; и некоторые индивидуальные образования и употребления слов, и отглагольные существительные с суффиксом *-к*: *неверка, утайка, побранка, посяжка, поноровко* и другие языковые явления того времени.

Н. Е. САДЫХЛЫ
Баку

ХРОНИКА

В марте 1972 года в Институте русского языка АН СССР состоялось совещание по вопросам пропаганды научных знаний о русском языке. В Институте этой работе уделяется большое внимание. Особая роль отводится устным формам

пропаганды. О них подробно рассказал в докладе старший научный сотрудник Института И. С. Улуханов.

Около десяти лет звучит по I программе Всесоюзного радио воскресная передача «В мире слов». Материалы для

нее готовят сотрудники Института Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин и редактор радио З. Н. Люстрова. О том, насколько популярна эта передача, свидетельствует ее почта: полторы — две тысячи писем после каждого выпуска, кроме этого около четырех тысяч писем-ответов на вопросы викторины.

В январе этого года состоялась двухсотая передача. В связи с юбилейным выпуском был проведен специальный опрос слушателей. Оказалось, что половина писем приходит из сельской местности. Пишут рабочие, колхозники, инженеры, ученые, учителя, школьники, студенты. Во многих производственных коллективах создаются «Клубы передачи „В мире слов“», где обсуждаются наиболее интересные материалы. На предприятиях проводятся рейды «За чистоту русского языка», результаты их тщательно изучаются авторами передачи. В издательстве «Знание» готовится к выпуску в свет научно-популярная книга З. Н. Люстровой и Л. И. Скворцова «Мир родной речи» (беседы о русском языке и культуре речи) по материалам передачи.

«В мире слов» — единственная постоянная радиопередача о русском языке, но Институт использовал и использует и другие формы радиопропаганды, например: ответы на отдельные вопросы по русскому языку в программах «Московские новости», «Отвечаем на ваши вопросы», «Пионерская зорька».

С октября 1971 года Центральное телевидение организовало передачу «Русская речь». Ведет ее заместитель главного редактора журнала «Русская речь» член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко. Первые 11 передач были показаны по

III программе, с февраля 1972 г. передача переведена на I программу. Кроме ученых-языковедов, в ней участвовали литературоведы — С. М. Бонди, литературовед и писатель И. Л. Андроников; писатели — Л. Успенский, В. Солоухин, М. Алексеев, Ю. Нагибин, Расул Гамзатов, А. Межиров; преподаватели Государственного института театрального искусства — заведующая кафедрой сценической речи И. П. Козлянинова, преподаватель этой кафедры И. Ю. Промптова, актеры — народные артисты РСФСР Ю. В. Яковлев, Е. П. Велихов и другие. В передаче интересно и доступно рассказывается о неиссякаемых богатствах русского языка.

Ученые Института — члены-корреспонденты АН СССР Ф. П. Филин и Р. И. Аванесов — выступали перед радиослушателями и телезрителями Украины, Белоруссии и Молдавии.

Сотрудники Института часто читают научно-популярные лекции. Такие лекции прочитаны не только в Москве, но и в Ашхабаде, Волгограде, Душанбе, Смоленске, Саратове, Туле. Тематика их весьма разнообразна: «В. И. Ленин о русском языке и культуре речи»; «Культура речи лектора», «Об ораторском искусстве», «О русской орфографии», «О языке Пушкина», «О древнерусских памятниках письменности», «О тенденциях развития грамматического строя современного русского языка» и другие. Большая лекционная работа ведется Институтом по линии общества «Знание». Часто сотрудники выступают перед учительской аудиторией.

Много лет существует в Институте «Служба русского языка». Четыре раза в неделю

(понедельник, вторник, четверг, пятница) по телефону 202-59-70 раздаются звонки. Вопросы задают самые различные: о правописании отдельных слов, главным образом терминов; о склонении фамилий; о правописании иностранных слов; о расстановке знаков препинания в конкретных текстах. И на каждый дается обстоятельный квалифицированный ответ. За дежурство принимаются 15—20 вопросов.

При Институте работает лаборатория экспериментальной фонетики. Ее посещают люди самых различных специальностей: физиологи, медики, инженеры-акустики, актеры, учителя, студенты. За один только 1971 год в лаборатории побывало более тысячи человек.

В докладе было сделано много конкретных замечаний и внесены предложения по совершенствованию пропагандистской работы Института.

На совещании выступил также Л. И. Скворцов, заведующий сектором культуры русской речи. Он подробно проанализировал содержание прошедших передач «В мире слов» и высказал ряд пожеланий, касающихся будущих. И. Ф. Протченко, заместитель директора Института, сделал обстоятельный обзор телепередач «Русская речь», ознакомил с планом предстоящих выступлений.

Представители радио, З. Н. Люстрова, и телевидения, Н. А. Меркулова, горячо

поблагодарили сотрудников Института за большую и полезную работу и внесли ряд предложений по тематике и содержанию будущих радио- и телевизионных передач.

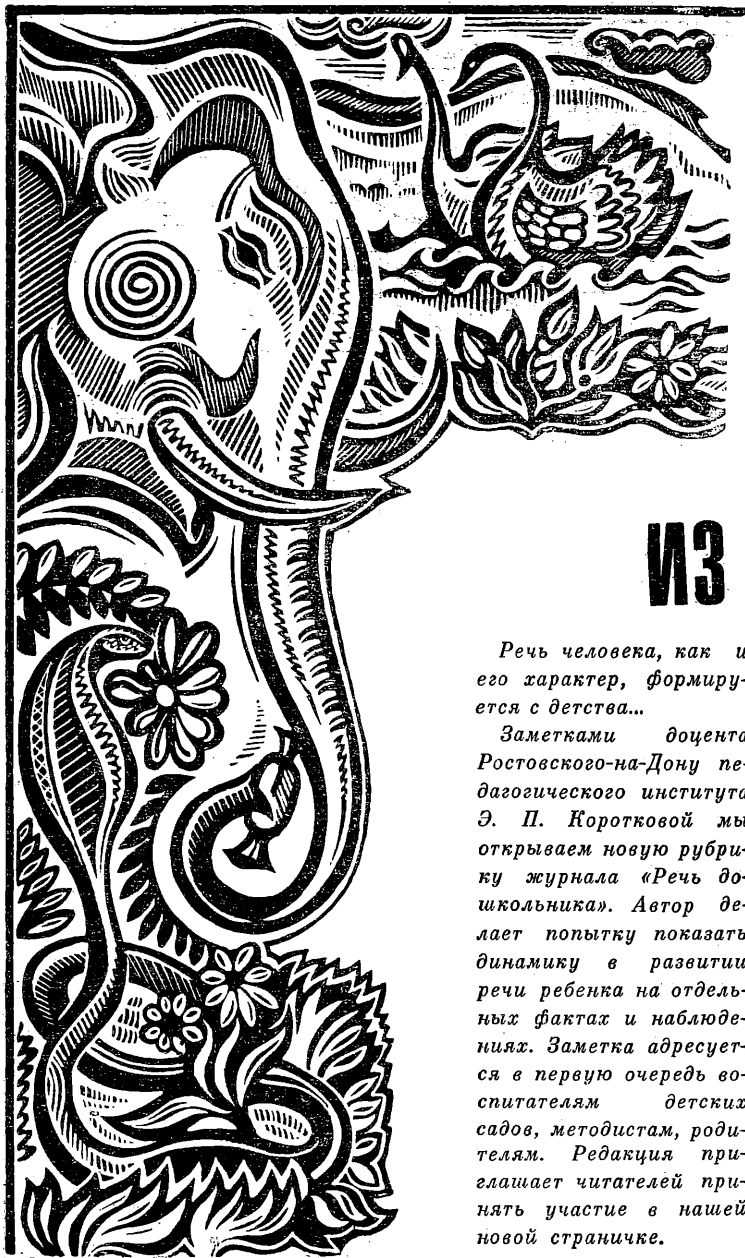
Заведующая редакцией издательства «Просвещение» А. В. Прудникова сказала о том, что новая учебная программа средней школы большое внимание уделяет работе со словарем, а специального толкового словаря для школьников нет. Ученые-словарики должны помочь школе. А. В. Прудникова сообщила также о том, что издательство планирует выпуск ряда пособий по лингвистике.

Общую оценку работы по пропаганде научных лингвистических знаний дал в своем выступлении директор Института Ф. П. Филин. Он отметил, что самая главная задача Института в пропагандистской работе — заинтересовать слушателей, поднять культурный и языковый уровень населения.

На совещании выступили многие сотрудники, которые внесли ряд важных предложений по расширению и совершенствованию научно-популярной работы Института.

Проведение таких широких обсуждений свидетельствует о возросшей требовательности к формам и методам устной пропаганды, о важности и актуальности ее в современных условиях.

В. Г. Самсонов

ИЗ

Речь человека, как и его характер, формируется с детства...

Заметками доцента Ростовского-на-Дону педагогического института Э. П. Коротковой мы открываем новую рубрику журнала «Речь дошкольника». Автор делает попытку показать динамику в развитии речи ребенка на отдельных фактах и наблюдениях. Заметка адресуется в первую очередь воспитателям детских садов, методистам, родителям. Редакция приглашает читателей принять участие в нашей новой страничке.

ДНЕВНИКА ПЕДАГОГА ШКОЛА

Оле — шесть с половиной лет.

Солнечный день в середине мая. Оля вместе с детским садом ездила в зоопарк. Вечером дома она рассказала:

— Мы видели в зоопарке кабана с кабанятами. И куньцу с куничатами. Кабаны серые, с белыми полосами. Полосатые.

Видели шакала. Мы удивились: мы думали, что он большой, а он маленький.

Видели кобру. Там были две кобры. Они лежали неподвижно.

Черных лебедей я видела! У них клюв красный. Лапы желтые. Они кричат: у-у-у. Как пароход. Один лебедь вышел, крыльями замахал и закричал: у-у-у.

Там видели макаку. Она на качелях каталась (пришлось исправить Олину ошибку: качалась).

— Павлина видела, — продолжает Оля свой рассказ. — У него хвост какой! Красивый! С синими кружками! Он хвост распустил.

Видела оленя северного. И кавказского. У клеток везде, где олени, написано: «Опасно». «Не подходите». А почему? Они лежали и на нас смотрели.

Видела медведя белого. Там было два медведя. Чтобы им было хорошо, сделали клетку с бассейном.

Бурый медведь мотался (вместо «метался») по клетке. Мы бросили конфету, он съел ее с бумажкой.

Слон ходил по клетке. Мы дали ему конфету. Он хоботом ищет, ищет конфету, потом — хап! — и в рот. Мы специально коробку конфет брали, с леденцами.

Я каталась на пони. Не очень быстро.

Перечитала в записи рассказ дочки один раз, второй... И как будто вместе с ней постояла перед клеткой бурого медведя, увидела, как слон хоботом искал конфету, подивилась на черных лебедей... Ты, Оля, сумела своим рассказом ввести меня, твоего слушателя, в тот мир картин, которые разворачивались перед тобой в зоопарке; ты сумела с помощью слова сделать для меня видимым и слышимым все то, что ты сама видела и слышала...

Вчитываясь в рассказ, останавливаюсь на твоих раздумьях, на вопросах и восклицаниях. Да, и шакал тебя удивил, и пони, и вывеска на загоне оленей. Ты наблюдала, размышляя, и твои наблюдения и размышления превратились в рассказ, проникнутый живостью, радостным настроением. Очень порадовали меня твои «куничата» и «кабанята»: они придали рассказу теплоту и показали, что ты уже умело распоряжаешься словообразовательными частями, придавая точность и выразительность речи. И слово *полосатые* употреблено к месту. Про двух кобр ты сказала совсем немного. «Они лежали неподвижно», — так ты сказала. Но эти три слова запечатлели главное и характерное. А как живо и точно описала черных лебедей! И павлина тоже. Я подсчитала: в коротком рассказике ты представила двенадцать зверей и птиц!

Просмотрев тетради дневника, отыскала рассказы Оли, записанные в ту пору, когда ей было три года два месяца. Вот один из них. Про гусей. Оля, вернувшись с прогулки по деревенской улице, рассказывала:

— Мы ходили далеко-далеко. Там гуси были. Дедушка: «Уйдите, гуси!». А гуси: «Га-га-га!». Дедушка меня на руках держал. А я смеялась!

А вот рассказ про козу.

— Мама! Козочку тетя гнала: тюк-тюк! Коза остановится и стоит. А тетя все: тюк-тюк. Коза как побежит...

Рассказцы в четыре-пять фраз, подчас и неразвернутых, с заменой глаголов звукоподражаниями, однако слушателю становится понятным, что рассмешило девочку, что привлекло ее внимание. И отличает их большая эмоциональная заряженность, детская непосредственность, искренность.

Перечитывая дневник, замечаю, что, пожалуй, любимой темой Олиных рассказов была природа, животный мир. Шестилетняя Оля очень подробно рассказывает про черепаху.

— Утром я пошла гулять. Я вышла во двор. А там девочки играют с куклами. Я вышла гулять с мячиком. Потом к нам пришла еще одна девочка. Потом видим мы: мальчик идет и что-то несет. Мы его попросили развернуть сверток. Из свертка вылезла большая черепаха. Она поползла к луже. У ней было на панцире четырнадцать клеток. Один мальчик принес молоко, и черепаха выпила. Потом мальчик взял черепаху и перевернул ее. И мы увидели, что на животе у нее есть тоже панцирь.

Рассказы, которые основываются на материале накопленных восприятий, наблюдений, дополняются высказываниями ребенка, которыми он сопровождает самый процесс восприятия, наблюдения. В них подчас обнаруживаются элементы образной речи.

Проходя весной по скверу, шестилетняя Оля любит аллей березок и радостно говорит: «Березки в белых халатах и зеленых косынках!». Про клены с подстриженными куполообразными кронами: «А клены как зеленые парашюты!». Заметив в летний день быстро несущиеся по небу темные тучки, девочка улыбается: «Смотрите, смотрите: вода гуляет по небу!». «Сегодня солнце подружилось с ветром: солнце пригревает, а ветер дует». Осенью, когда трава и цветы завяли и потемнели, Оля заметила на газоне синие и красные лепестки петунии. «Петуния одна не сдается осени», — образно выразила девочка свое отношение к цветам, которые среди увядших растений продолжали оставаться свежими.

Так проявляется эмоционально-эстетическое отношение ребенка к наблюдаемому, обнаруживается его творческая самостоятельность. В своей речи дошкольник активно пользуется доступными ему образными сравнениями, прибегает и к элементарной метафоричности, делая важный шаг в овладении родной речью. Все чаще и охотнее Оля пробует придумывать сказки. «Давай придумывать сказку

про шкатулку, иголку и нитку», — обращается Оля к матери. «Сегодня придумаем сказку про мыло, зубную щетку и зубной порошок», — говорит она в другой раз.

Словесное творчество девочки становится продуктивнее по мере знакомства с художественным словом. Подражание полюбившемуся рассказу носит творческий характер. Заимствуя замысел, ребенок самостоятельно разрабатывает сюжет своего рассказа, делает героями новых лиц. Вот как претворился в детском творчестве рассказ Н. Носова «Живая шляпа». Назвала его Оля «Живое одеяло».

— Жила-была девочка. Ее звали Ира. Был у нее брат Сережа. Утром Ира сидела и рисовала, а Сережа играл на ковре. У ковра стоял шкаф. На шкафу лежало одеяло. Оно упало на Сережу и накрыло его. Ира посмотрела и хотела подойти к нему. И вдруг одеяло поползло... Прямо к Ире. Ира испугалась, отошла. Одеяло поползло прямо к столу, стукнулось о ножку стола и заплакало. Ира испугалась еще больше. Тут пришла мама. Она взяла Сережу на руки, а одеяло положила в шкаф.

Оля в 6-7 лет пробует сложить стихотворение:

Мы, мы, мы
Не боимся зимы!

Этим двустрочием приветствовала Оля зиму, первый выпавший снег. Строчки выговаривались под ритм шагов, когда Оля, выйдя на улицу и увидев снег, зашагала по снежку.

Я люблю купаться
В море и в реке.
Но зимой холодной
Где купаться мне?
В ванне теплой-теплой...
Вот купаться где!

Как появилось это шестистрочное стихотворение?

Девочка, готовясь покупаться в ванне, смотрит, как она наполняется водой, ловит струю воды, и ее радостная оживленность претворяется в первые две строчки-восклицания: «Я люблю купаться в море и в реке». Заметив их стиховую особенность, ребенок уже сосредоточивается на «придумывании» дальнейших строк — продолжения начатого стиха. Повторяя получившееся стихотворение, девочка привлекает внимание близких: «А я стихотворение придумала!».

Оля пытается улучшить свое стихотворение, переделывает строчки, интересуется мнением слушателей («Так

лучше?»). В первом варианте стихотворения четвертой строчкой было: «Есть местечко где?», а шестой — восклицание: «Вот местечко где!». Ребенок, вслушиваясь в строчки, решает заменить менее удачные новыми, и у него получается. Таким образом, видно, что процесс придумывания стиха активен: маленький «поэт» прилагает усилия для его «совершенствования», оживляется, переживает радость-ликование от того, что получается складно.

«Давай, мама, придумывать стихи! — как-то раз обратилась Оля к матери. — Я буду про мишку придумывать!».

Мой ты мишка,
Мой ты мишка!

Ты — игрушечный,
Ты — лохматый,
Косолапый,
Ты — коричневый.

Я тебя кормлю,
Я тебя пою,
Спать укладываю,
Тебе сказки рассказываю.
Песенки пою —
Убаюкиваю.

Эти стихи «выговаривались» сами собой, непринужденно и легко, строчка за строчкой, без остановок, без пауз. Ребенок переживал радость творчества.

Многие творческие интересы и запросы дошкольника, как свидетельствуют дневниковые записи, обращения к словесному творчеству. Одобрительное отношение взрослых к рассказам, сказкам, стихам ребенка благотворно сказывается на воспитании любви к родной речи, на формировании первоначального этапа творческого освоения родного языка. Словесное творчество вносит радость в жизнь ребенка, обогащает его деятельность. Дружба со словом, начавшаяся в дошкольные годы, поможет ребенку в школе активнее изучать родной язык и любить его.

Э. П. КОРОТКОВА

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

Одно из достоинств нового учебника — система практических заданий, которые легко использовать для совершенствования мыслительной деятельности пятиклассников. В V классе большое место занимают вводные задания к теме. Они способствуют формированию у учащихся грамматических понятий. Пятиклассники самостоятельно открывают для себя такие существенные признаки частей речи, как, например, значение. Задания составлены так, чтобы подвести детей к правильному ответу. Ученики ставят вопросы, сравнивают наблюдения, делают выводы, обобщения.

Они выясняют, например, что местоимение отвечает на вопросы «кто? что? какой? чей? сколько?», то есть на те же вопросы, что и существительное, прилагательное, числительное. Так, почему же местоимение — самостоятельная часть речи? Чем оно отличается от имен? Почему любое существительное женского рода можно заменить местоимением *она*, а любое прилагательное — местоимением *такой*? Как местоимения обозначают предметы, признаки, количества? В конце концов ученики находят ответ: в отличие от других слов местоимения не называют, а лишь указывают на предметы, признаки и количества.

Вводными упражнениями открываются многие параграфы учебника: разряды местоимений, переходные и непереходные глаголы, наклонения глаголов.

Познавательные упражнения предполагают применение полученных знаний на практике, прежде всего в учебном процессе. Такие упражнения целесообразно использовать при закреплении знаний и навыков учащихся (на основе

Продолжаем публикацию материалов об учебнике русского языка для V класса — М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для V класса. Под редакцией члена-корреспондента АПН СССР, доктора филологических наук Н. М. Шанского. М., «Просвещение», 1971 (см.: «Русская речь», 1971, № 6; 1972, № 1, 2, 3).

контраста — разграничения смежных или сходных явлений).

Авторы учебника при раскрытии грамматических явлений используют прием противопоставления: противопоставлены личные и безличные глаголы (для правильного построения предложений), простые и составные числительные (для усвоения особенностей их склонения и правописания и т. д.). При этом факты сравниваются, отыскиваются общие для них признаки и особенные, разграничительные; с помощью тех и других распознается грамматическое явление в тексте.

Вот два слова: *рассказ* товарища и *рассказывает* товарищ (стр. 92). У них общий корень, они обозначают действие. Но в чем отличие, почему это и разные слова, и разные части речи?

Вся система познавательных упражнений дает возможность убедиться, что распознавать части речи и другие морфологические явления необходимо при изучении правописания и построении предложений, при изучении норм склонения, спряжения и в работе над словообразованием...

В новом учебнике представлены творческие задания — по конструированию слов, предложений, словосочетаний, текстов на базе полученных знаний по морфологии, на основе умения распознавать грамматические явления и использовать для выражения мысли. Выполняя практические задания, дети учатся обобщать факты, явления. Как известно, без этого невозможно самостоятельное активное мышление и умственное развитие ребенка. Задания учебника

сконцентрированы вокруг центральных понятий грамматики — слова и предложения.

Каждый раздел заканчивается заданиями для повторения. Среди них особое место занимают обобщающие упражнения, которых довольно много. Приведем некоторые из них: Каким способом чаще всего образуются слова в русском языке? Какой способ словообразования характерен только для существительного? Сформулируйте общее правило для правописания *не* с именами существительными и прилагательными. Что общего между притяжательными прилагательными и притяжательными местоимениями и чем они отличаются? Что общего в словах *три, трое, тройка* и в чем их различие?

Выполнение детьми подобных заданий основано на использовании обобщенных мыслительных приемов, в том числе приема разграничения частей речи определения морфологических признаков слов.

В последнем случае рассуждают так. Падеж несклоняемого существительного можно определить, так как все существительные должны иметь падежи и отвечать на падежные вопросы: довольны (чем?) радио (творительный падеж); привыкли (к чему?) к радио (дательный падеж).

Если методика выполнения обобщающих упражнений правильна, то они помогают ученику применять на практике усвоенные знания. В связи с этим пожелание авторам — в методических указаниях к учебнику рекомендовать учителю методы работы с упражнениями.

Кандидат филологических наук
Г. И. ТРЕТНИКОВА
Свердловск

Новый учебник по русскому языку для V класса по праву можно назвать другом школьника. Авторы доверительно беседуют с пятиклассниками, заставляют думать, рассуждать. «Больших вам успехов в учении, дорогие ребята!» — таким пожеланием открывается книга. Умело, с большим педагогическим тактом даются в учебнике различные памятки: «Как готовиться к диктантам...» (стр. 4), «Как совершенствовать написанное» (стр. 50) и др.

Упражнения, задания требуют от учащихся доказательств, объяснений. Например: «Спишите. Подчеркните качественные имена прилагательные. Докажите, что они являются качественными. Рассуждайте при этом так...» (упражнение 274).

В учебнике удачно подобраны тексты для наблюдений, упражнений. Они воспитывают в широком смысле этого слова. Таков текст на странице 60 — обращение Героя Социалистического Труда С. А. Лавочкина к молодежи. Как старший товарищ, авиаконструктор призывает молодежь быть настойчивой и упорной в достижении цели. Многие задания имеют познавательное значение, развивают в детях наблюдательность, воспитывают любовь к Родине.

Научный уровень учебника достаточно высок. С первых же страниц вводятся научные термины: орфограмма, диалектизмы, неологизмы..., морфологический способ образования слов. Отдельные формулировки, определения построены на более точной научной основе, чем в прежних учебниках (определение рода несклоняемых существительных, определение изъявительного наклонения и др.). Однако следует сказать, что раздел «Лексика» представлен слишком широко, перегружен «научностью». Нужно ли включать в грамматику IV, V классов новшества, еще не принятые всеми языковедами? Вот такая мысль: «Сложное предложение состоит из двух или более частей» (учебник IV класса — стр. 60, V класса — стр. 11). Части предложения ассоциируются с частями машин. Не лучше ли сохранить в школьной грамматике старый термин: «Сложное предложение состоит из простых предложений».

Материал учебника изложен двумя способами. Большею частью индуктивным — от частного к общему: наблюдение, самостоятельный анализ примеров, вывод. «Индуктивный процесс,— писал К. Д. Ушинский,— есть процесс образования понятий, основанный на сличении фактов». Некоторые темы изложены способом дедукции — от общего к частному: тема «Общеупотребительные слова» (стр. 25) начинается с правила, а затем идет рассуждение.

Практические задания интересны, разнообразны, учат рассуждать, доказывать, правильно говорить, писать. В учебнике есть и такие задания, в которых даются советы, «рецепты» (как сделать салат из фасоли — упражнение 495; как правильно вести себя — упражнение 504). Такие задания сугубо практичны по содержанию, и они полезны.

Материал учебника в большей части доступен, занимателен. Но он не может быть всегда занимательным, нужен и такой, который познается разумом. Авторы предлагают задания разного характера. Некоторые тексты (упражнения 34, 35 и др.) не содержат занимательности, но они нужны.

И последнее — пожелания. Они касаются образцов разбора частей речи и предложения. В заданиях учебника часто требуется ответить на вопрос «почему?». В образцах разбора, к сожалению, этого нет. Нам кажется, что и здесь необходимо требовать доказательств. Например, разбирается существительное *север* (стр. 102):

нужно после слов «второго склонения» добавить: почему? после слов «стоит в именительном падеже» — докажи! Такие же добавления следует сделать в образцах разбора и других частей речи.

Кандидат филологических наук

В. Г. КРАСНОВ

Хочу высказать некоторые соображения о том, каким, с моей точки зрения, должен быть школьный учебник по русскому языку. Прежде всего в нем необходимы разделы, характеризующие язык с разных сторон, но нельзя забывать при этом, что основу языка как учебного предмета составляет все же грамматика (с орфографией и пунктуацией).

В школе учебник должен быть единым и стабильным (нельзя допускать преподавания по нескольким учебникам). При чем стабильность я понимаю как единство теоретического материала, как определенное количество сведений, изучение которых обязательно на всей территории нашей Родины, чтобы обеспечить необходимый уровень знаний и навыков, а также единство требований к учащимся. Но эта стабильность не должна мешать совершенствованию учебника с точки зрения научно-методической.

Учебник не только призван сообщать определенный круг сведений, но и быть таким, чтобы по нему можно было бы повторять изученный материал как в тех классах, для которых он предназначен, так и в старших. Поэтому в нем необходимы указания для старшеклассников, какой теоретический материал следует им изучить и какие упражнения выполнить.

Теперь несколько замечаний по поводу обсуждаемого учебника.

Первое. Материалы этого учебника для учащихся в основном доступны и занимательны. Но основной способ подачи материала, к сожалению, выбран неудачно: индукция (способ наблюдения) явно преобладает над дедукцией (обобщением).

Использование индуктивного способа оправдано в тех случаях, когда учащиеся впервые знакомятся с русским языком, в учебниках, которые дают неполные, отрывочные сведения о грамматической системе русского языка. В этом смысле очень удачен, на мой взгляд, учебник русского язы-

ка для IV класса, созданный тем же авторским коллективом. Но что было хорошо для IV класса, то оказывается неприемлемым для V и VI. Начиная с V класса нужна более углубленная систематизация языкового материала в основном дедуктивного порядка. Однако авторы учебника оказались в методическом плену учебника IV класса, а это привело к тому, что и в учебнике для V класса нет систематизированного дедуктивного изложения теоретического материала, снова и снова даются только отрывочные сведения из морфологии русского языка. Мне могут возразить, что необходима преемственность научно-методических принципов между учебниками IV и V классов. Правильно, преемственность нужна, но не столько в теоретическом материале, сколько в подборе практических заданий.

Метод наблюдения, используемый в учебнике, настолько навязчив, что создается впечатление, будто авторы не доверяют живому слову учителя, его мастерству, а всю надежду возлагают только на учебник, на самостоятельные выводы ученика, самостоятельный анализ языковых фактов и обобщения из этого анализа. Индукция в учебнике необходима, но главным образом при выполнении практических заданий. Ведущее место индукция должна занять не в учебнике, а в специальных методических пособиях для учителя, чтобы он смог интересно, занимательно провести урок русского языка.

Предлагая учебник школе, мы не можем забывать о том, что ученик должен не только изучать языковой материал, но и повторять изученное. Авторы большое внимание уделяют повторению, и тем не менее повторяют по их учебнику уже изученный теоретический материал невозможно. Парадокс? Но это так. Преобладание метода наблюдения весьма затрудняет использование нового учебника в целях повторения теоретического материала, который был бы изложен дедуктивным способом, в этих же самых V или VI классах, не говоря уже о полной невозможности повторения в последующих классах.

Еще одна особенность обсуждаемого учебника. Дайте, например, пятикласснику повторить материал по фонетике русского языка, словосочетаниям или типам склонений имен существительных. Этого материала в учебнике нет, потому что принцип построения его таков: то, что есть в учебнике IV класса, как правило, не дублируется в учебнике V класса. Итак, чтобы пятиклассник мог полностью

повторить какую-либо узловую тему, ему нужен еще и учебник IV класса. Таким образом, пятикласснику вместо одного учебника нужно два.

Второе. О практических заданиях учебника. Они разнообразны, интересны, имеют не только большое образовательное, но и воспитательное значение. Весьма ценным является то, что приводятся образцы устного и письменного разбора частей речи. Не вдаваясь в подробный анализ практических заданий, отмечу, что в целом они являются лучшими из всех, какие мне только пришлось встретить за многолетнее преподавание русского языка в средней школе.

Третье. Научный уровень учебника во многих случаях оставляет желать лучшего. Так, преобладание индуктивных методов привело авторов почти к полному отказу от систематизированного дедуктивного изложения теоретического материала по словообразованию и морфологии.

При изучении «неморфологических способов» словообразования авторы почему-то избегают употребления терминов, как-то: лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфолого-синтаксический, — хотя понятие об этих способах дается ими в доступной, понятной для учащихся форме. К тому же учащиеся уже знакомы с лексикой, а также с морфологией и синтаксисом (хотя бы по учебнику IV класса). Поэтому усвоение этих терминов не встретило бы особых трудностей. Наоборот, даже облегчило бы усвоение материала по словообразованию. Ведь значительно легче произнести, например, «лексико-семантический способ», чем «способ использования имеющихся слов для обозначения новых предметов, признаков, действий», или «лексико-синтаксический способ», чем «способ слияния сочетаний слов в одно слово» и т. д. К тому же сам термин «неморфологические способы» не выдерживает строго научной критики, особенно по отношению к морфолого-синтаксическому и лексико-синтаксическому способам словообразования. От него, на мой взгляд, лучше отказаться.

Из учебника пятиклассник не узнает, например, сколько частей речи в русском языке и как они классифицируются, какие суффиксы употребляются для образования различных частей речи (по этому вопросу в учебнике имеется лишь эпизодический материал индуктивного порядка).

И последнее. Слабо освещен вопрос о переходе прилагательных в существительные. В § 33 говорится: «Некото-

рые имена существительные образованы в результате перехода прилагательных в существительные». А каковы условия этого перехода, в учебнике не сообщается, да и соответствующего наводящего вопроса для учащегося не дается. Приводимые примеры «Больная рука ныла всю ночь» и «Больной заснул только к утру» тоже не могут помочь учащимся понять условия перехода прилагательного в существительное. Более убедительными в этом отношении были бы примеры типа «Больная девочка не могла уснуть всю ночь» — «Больная уснула только к утру».

В заключение хочу отметить, что новый учебник по русскому языку для V класса, несмотря на все неоспоримые достоинства, в целом нуждается в усовершенствовании, в доработке. Думаю, что он значительно выиграет, если каждую узловую тему дополнить теоретическим материалом дедуктивного характера.

Кандидат филологических наук

М. Ф. ЛУКИН

Донецк

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ

Синонимы — это слова, различные по звучанию, но совпадающие или близкие по значению. Различаются синонимы между собой обычно степенью выражения основного смысла (*хотеть* — *желать* — *жаждать*), разными оттенками этого значения (*хотеть* и *желать* — «ощущать потребность в чем-либо, преимущественно более близком и доступном»; *мечтать* — «мысленно стремиться к чему-либо более отдаленному»; *стремиться* — «настойчиво добиваться чего-либо в действиях»), различными сферами стилистического употребления (*лелеять мечту* — поэтическое; *алкать* — книжное, устарелое; *иметь охоту, спать и видеть* — разговорное).

Антонимы — это слова с противоположным значением.

1. Назовите восемь синонимов глагола *бояться* и попытайтесь объяснить, какие из них выражают различную степень боязни, а какие — разные оттенки этого значения.

2. Подберите один общий синоним к глаголам *размышлять*, *предполагать*, *подозревать*, *заботиться* и проиллюстрируйте оттенки основного значения этого синонима в предложениях.

3. Замените глагол *жить* более точными синонимами:

- 1) Человек не может жить без пищи.
- 2) Так и остался он бобылем жить.
- 3) Старик и доныне живет.
- 4) Лесник жил только тем, что добывал охотой.

5) Лоси живут в лесах Европы, Азии и Северной Америки.

6) У старообрядцев мужчина и женщина жили без церковного брака.

4. Перед вами ряд слов, на первый взгляд синонимов. Но почему же крайние из них — антонимы? Попробуйте объяснить, в чем дело (найдите границы пяти самостоятельных синонимических рядов, укажите в каждом ряду доминанту — главное, ведущее слово).

Никудышный, скверный, плохой, неважный, так себе, посредственный, средний, сносный, герпимый, приемлемый, удовлетворительный, стоящий, подходящий, хороший, славный, отличный, прекрасный, превосходный, безукоризненный, безупречный, идеальный.

5. Отгадайте слова:

1) В одном значении я — синоним слова *множество*, в другом — антоним слова *суша*.

2) В одном смысле — синоним слова *подлинный*, в другом — антоним слова *банальный*.

3) В одном значении — синоним слова *преимущество*, в другом — слова *гордость*.

4) Синоним к *вселенной* и омоним к *покою*.

5) Я то же, что и ураган, но только гость восточных стран. На море я гроза для шхун, а называюсь я...

6) Я — антоним к слову *зной*, я в реке, в тени густой, и в бутылке лимонада, а зовут меня...

7) С буквой *а* — антоним к слову *кончать*, с буквой *я* — синоним к *наполнять*.

6. Сколько различных антонимов может быть к слову *мягкий*, если сочетать его со словами *воск, вагон, свет, приговор?*

7. Восстановите синонимы из языка моряков и полярников в отрывке из повести А. Первенцева «Остров надежды»:

Дети Юганги любую лестницу называют ..., пол — ..., стены — ..., кухню — ..., нерадивых — ...; они ..., а не выключают свет, спят не на кроватях, а на ..., куртка у них — ..., в слове «компас» они ставят ударение на последнем слоге, а метель называют... Облачность у них ..., при передвижении на лыжах или пешком пространство исчисляют ..., а направление — ..., учителю отвечают: «Есть!»

8. Быстро укажите пары слов, не являющиеся антонимами.

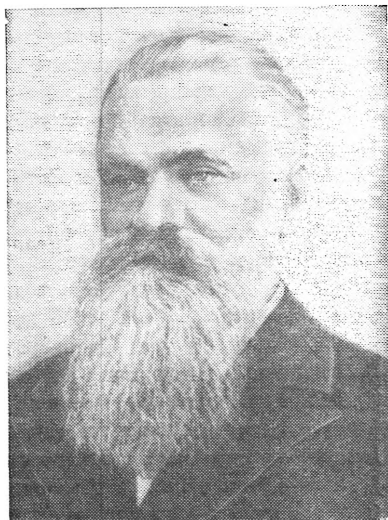
Сжимать — разжимать. Сгибать — разгибать. Сжигать — разжигать. Сводить — разводить. Сжигать — разжигать. Снимать — разминать.

9. Укажите антонимы в стихотворении А. К. Толстого. Объясните, в каком оригинальном значении употреблены антонимы *параллельный — вертикальный*. К каким словам стихотворения имеются омонимы?

Вы — свет, а я похож на тьму,
Вы веселы, а я печален,
Вы параллельны ко всему,
А я, напротив, вертикален.

(Ответы на стр. 135)

А. Т. Арсирий
Ужгород

**Филипп
Федорович
ФОРТУНАТОВ**

Филипп Федорович Фортунатов, создатель Московской лингвистической школы, принадлежит к замечательной плеяде выдающихся русских языковедов второй половины XIX — начала XX века.

«В старой России,— пишет Л. В. Щерба,— было три замечательных лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ» (Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке.— «Вопросы языкознания», 1963, № 5). Каждый из ученых создал особое творческое направление в языкознании, особую школу, самой крупной из которых была школа Фортунатова, откуда вышли такие русские ученые, как А. А. Шахматов, М. М. Покровский, Б. М. Ляпунов, В. И. Истрин, В. К. Поржезинский, А. И. Томсон, Д. Н. Ушаков, Е. Ф. Будде, М. Фасмер и другие.

Круг учеников Фортунатова, по свидетельству А. А. Шахматова, далеко выходил за пределы России: к нему приезжали учиться из Франции, Германии, Австрии, Румынии, Финляндии, Швеции, Норвегии и других стран.

Взгляды Фортунатова, изложенные им в различных лекционных курсах, идеи, которыми он щедро делился со своими слушателями, были совершенно новыми и оригинальными для того времени и, по словам В. К. Поржезинского, во многом опередили лингвистическую науку на Западе. Можно смело сказать, что под влиянием передовых идей Фортунатова развивалась лингвистическая мысль Европы в конце XIX века.

К сожалению, многие работы Фортунатова пока еще не собраны, а его научное наследство недостаточно исследовано, особенно лекционные курсы, прочитанные в Московском университете и изданные в разное время литографическим способом.

Филипп Федорович Фортунатов родился 2 января 1848 года в Вологде в семье преподавателя гимназии. Учился Ф. Ф. Фортунатов в гимназии, сначала в Петрозаводске, где отец его работал директором народных училищ, а затем в Москве.

Студенческие годы Фортунатова прошли в Московском университете, после окончания которого в 1869 году он был оставлен при кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков для приготовления к профессорской деятельности.

В 1871 году Филипп Федорович сдал магистерские экзамены и был направлен за границу для совершенствования лингвистических знаний. Заграничная командировка Фортунатова прошла успешно: он посетил крупные лингвистические центры Германии, Франции, Англии, ознакомился с трудами зарубежных лингвистов, собрал материал для диссертации, которую завершил по возвращении в Москву и успешно защитил в 1875 году.

Магистерская диссертация (*Sāmaveda — Āraṇyaka — Samhitā*) представляет собой перевод на русский язык и подробный комментарий одной из частей Вед — Самаведы. В приложении к ней, озаглавленном «Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков», был исследован ряд сложных вопросов индоевропейской сравнительно-исторической морфологии (форма местного падежа в Ведах и санскрите, окончание 1-го лица настоящего времени глагола и др.). Эта диссертационная работа Фортунатова была первым в России исследованием по сравнительной грамматике индоевропейских языков.

Докторскую степень Фортунатов получил в 1884 году без защиты диссертации, по представлению Киевского и Московского университетов, в том же году он был назначен профессором кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков. Вся преподавательская и почти вся научная деятельность ученого связана с Московским университетом. Здесь был подготовлен и прочитан ряд лекционных курсов по языкознанию; здесь же под руководством Фортунатова сложилась лингвистическая школа, принесшая заслуженную славу русскому языкознанию.

В Московском университете Фортунатов читал лекции по старославянскому, готскому и литовскому языкам, по общему языкознанию, сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков, по древнеиндийскому языку, вел спецсеминары по языкознанию.

Лекционные курсы Ф. Ф. Фортунатова всегда были творческими: в них высказывались оригинальные идеи, намечались пути решения многих проблем, волновавших филологов. Лекции Филиппа Федоровича будили молодую мысль слушателей, направляя на путь самостоятельной исследовательской работы. О замечательных лекциях Фортунатова сохранилось много отзывов его учеников. По словам академика Б. М. Ляпунова, лекционные курсы Ф. Ф. Фортунатова, если бы были опубликованы, «... по своим научным достоинствам значительно превосходили бы все, имеющееся теперь в научной лингвистической литературе» (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ед. хр. 77, л. 36).

Фортунатову принадлежит почетное место в развитии сравнительно-исторического языкознания в России и за рубежом: он выдвинул совершенно новые принципы сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. Ф. Ф. Фортунатов обращает пристальное внимание на причинную зависимость между наблюдаемыми языковыми изменениями, на установление непосредственной связи сравнительно-исторических исследований с изучением истории отдельных языков. В университетских курсах Фортунатова заложены основы теоретического языкознания. В них определен предмет языкознания и метод исследования: «предметом языковедения является язык и его история», а методом исследования — сравнительно-исторический метод. «Полное научное исследование индоевропейских языков, — утверждает Фортунатов, — может быть только сравнительно-историческим их исследованием» (Сравнительное языковедение. Курс лекций, читанных в 1883/84 уч. году). Задача языковеда состоит в том, чтобы «понять язык», установить причинную связь между языковыми явлениями. «Наука не довольствуется определением..., обобщением фактов, — говорил Фортунатов, — наука стремится узнать причину и связь явлений» (Лекции по сравнительному языковедению, читанные в 1875/76 уч. году). Эти принципы становятся ведущими в исследовательской работе фортунатовской школы.

Сравнительно-исторический метод помог Фортунатову восстановить общий индоевропейский язык-основу. По представлению Фортунатова, индоевропейский праязык не был примитивным, как полагал Шлейхер, имел богатую историю. Язык-основа не был единым, распадался на диалекты; с течением времени диалектные различия могли развиваться до обособления языковых групп. Эти идеи Фортунатова имели важное значение в методологии лингвистического исследования, они нашли отражение и в современном советском языкознании.

Огромны заслуги Фортунатова перед наукой в разработке таких вопросов, как звуковой состав общеиндоевропейского языка,

определение фонетического закона языка, теория сонантов, история полных форм прилагательных, учение о двух видах долготы гласных в балто-славянских языках и др. Он положил начало развитию исторической акцентологии. В 1897 году Фортунатов открывает одновременно с Ф. де Соссюром закон переноса ударения в связи с качеством слогового акцента в балтийских и славянских языках, закон, получивший наименование «закона Фортунатова».

Сравнительно-грамматические труды ученого оказывали влияние на развитие индоевропейской сравнительной грамматики. По отзывам академиков Шахматова и Щербы, Фортунатов был на голову выше большинства своих немецких современников. Читая труды Фортунатова, невольно восторгаешься ясными и глубокими мыслями талантливого ученого по самым различным вопросам языкознания.

Таковы, например, его идеи о социальной природе языка, которые не потеряли значения и до настоящего времени: «Язык принадлежит обществу. Язык принадлежит людям как членам того или иного общества; язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества... Язык с течением времени видоизменяется, имеет историю, но эту историю язык имеет в обществе» (Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1895/96 уч. году). Учение Фортунатова о связи истории языка и истории общества было новым, передовым для того времени.

Во всех своих курсах Фортунатов последовательно проводит мысль, что не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка. Правда, при рассмотрении вопроса о соотношении языка и мышления Филипп Федорович ограничивается только чувственно-образной формой мышления, не рассматривая его абстрактного содержания. «Процесс мышления состоит в образвании чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли», — утверждает Ф. Ф. Фортунатов (Избранные труды. Т. I, М., 1956, стр. 116).

Форму слова он выводит из соотношения с другими формами слова и значения. «В индоевропейских языках слово есть форма, которая выражает одно или несколько отношений; например слово *дом* содержит в себе и известное содержание, и известную форму для выражения тех отношений, по которой она называется в грамматике именем существительным в именительном падеже» (Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1895/96 уч. году).

Представляется также интересным объяснение, данное Фортунатовым первоначальному значению слова как отражению объективной действительности: «Первоначальное свое содержание слово получает вследствие впечатления, получаемого человеком от при-

роды, от предмета, но не только впечатления; форму же человек создает в процессе умственной работы» (Сравнительное языковедение).

При рассмотрении всех этих общелингвистических вопросов нас поражает глубина лингвистического мировоззрения Фортунатова. Он был зачинателем теоретического курса общего языкознания. Особенно интересны теоретические идеи ученого в области синтаксиса; в освещении синтаксических проблем Фортунатов также шел своими, оригинальными путями. Приходится лишь сожалеть, что в его печатных трудах очень мало работ, посвященных вопросам синтаксиса.

Ф. Ф. Фортунатов является основоположником формально-грамматического направления в русском языкознании, выступившего против логико-грамматического учения, господствовавшего в то время в языкознании. Сторонники логико-грамматического направления в подходе к языку и мышлению отождествляли грамматические и логические категории — предложение и суждение, субъект и подлежащее, предикат и сказуемое.

Представители формально-грамматического направления выступили против отождествления логических и грамматических категорий, против недооценки лингвистами формальной стороны в языке. Центральным понятием синтаксиса они считали словосочетание. Предложение как разновидность словосочетания отходило на второй план.

По учению Фортунатова, предложение является разновидностью словосочетания, законченным словосочетанием, выражающим психологическое суждение. «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или его части» (О преподавании грамматики русского языка в низших и старших классах образовательной школы. Труды I съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений. СПб., 1904).

Словосочетания подразделяются на законченные и незаконченные. Словосочетание, включающее грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, называется законченным. Оно образует грамматическое предложение. Словосочетания, не включающие подлежащего и сказуемого, считаются незаконченными; они являются частями законченного словосочетания, то есть предложения.

Таким образом, под словосочетанием понимается и предложение, и его части.

В отличие от представителей логико-грамматического направления, утверждавших, что предложение является словесным выражением логического суждения, Фортунатов рассматривает пред-

ложение как законченное словосочетание, выражающее психологическое суждение. В этом ученый согласен с А. А. Потебней.

Грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое Фортунатов определяет также исходя из категорий психологического суждения. «Грамматическое подлежащее в словосочетании определяется отношением к данному слову грамматического сказуемого... а грамматическое сказуемое — такое слово или соединение слов, в котором формой языка обозначен данный предмет мысли в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом». Наиболее употребительным выражением сказуемого в русском языке является глагол.

Важное значение в предложении, по мнению Фортунатова, имеет фразовое ударение. Пользуясь ударением, говорящий выделяет в предложении более важную, главную часть: такая часть для говорящего — психологическое сказуемое. Следовательно, любой член предложения может выражать психологическое сказуемое, если на этот член падает ударение.

Это утверждение: предложение — выразитель психологического суждения — содержит в себе существенный недостаток методологического характера — смешение психологических и грамматических категорий. Ученики и последователи Фортунатова продолжали разработку проблемы словосочетания в русском языке (А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и др.). «Всякое сложное предложение, — пишет Ф. Ф. Фортунатов, — состоит из двух или нескольких словосочетаний» (Сравнительное языковедение). В составе сложного целого «...придаточное предложение может быть по значению двоякого рода: или оно разъясняет собою то, что обозначается целым другим (главным предложением) и не образует поэтому части другого предложения, или же оно разъясняет собою то, что обозначается частью другого, главного предложения, и в этом случае образует, следовательно, часть другого, главного предложения» (там же). Иными словами, придаточное предложение относится и поясняет какой-либо член главного предложения и входит в его состав, или придаточное относится к главному предложению в целом.

Это высказывание Фортунатова о двух структурных типах сложноподчиненного предложения, принятое также Шахматовым, было впоследствии успешно развито Н. С. Поспеловым в его учении о двучленной и одночленной структуре сложноподчиненного предложения.

В 1902 году по представлению академиков А. А. Шахматова и А. Ф. Бычкова, отметивших огромное значение работ Фортунатова для развития сравнительно-исторического и славянского языко-

знания в России и за рубежом, Филипп Федорович Фортунатов был избран в члены Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Фортунатов вынужден был оставить *Almae matris* — Московский университет, где прошли лучшие годы его жизни и становление как ученого, и переезжает в Петербург для работы в Отделении русского языка и словесности Академии наук. С этого времени прекращается его преподавательская деятельность.

Скончался Филипп Федорович скоропостижно 20 сентября 1914 года в расцвете творческих сил. Неожиданная смерть Ф. Ф. Фортунатова глубоко потрясла русских языковедов, единодушно отметивших, что русская наука понесла тяжелую утрату. А. А. Шахматов сказал о нем в некрологе: «Из жизни ушла большая научная сила...».

А. Н. СТЕЦЕНКО

Поле полоть — руки колоть, а не полоть, так и хлеба не молоть.

Не уродится рожь — по миру пойдешь, не удастся мак — перебудем и так.

Хлеб в закрому, что хозяин в дому.

Хлеб на стол, так и стол — престол. А как хлеба ни куска — так и стол доска.

Калач приестся, а хлеб никогда. Без печки холодно — без хлеба голодно.

ЗЕРНОВОМУ

Мы называем *хлебом* продукт, выпекаемый из муки, либо зерно, перемалываемое в муку; собирательное *хлеба* означает зерновые — рожь, пшеницу и др. на корню. В переносном смысле *хлебом* именуем пропитание в целом, средства к существованию, заработок: жить на чужих хлебах; с хлебов сбыть; добывать хлеб; отбивать хлеб; легкий хлеб.

Уже в самых ранних русских памятниках церковного и светского содержания слово *хлеб* отмечается в двух значениях. Первое значение 'пища, пропитание, средства к существованию': «аже холоп бежить... аже слышав кто, или зная и ведая, оже есть холоп, а дасть ему хлеба или оукажать ему пить, то платити ему за холоп 5 гривен» (Русская Правда). Второе значение — 'изделие из муки': «Повеле пристроити кола, и въскладше хлеба и мяса, рыбы и овоць различный, мед в бочках, а в других квас възити по граду» (Софийская I летопись, под 996 г.); «Вирникоу взяти... хлебов 7 на неделю, а пшена семь оуборков» (Русская Правда).

Торговля печеным хлебом была широко распространена в древнем Новгороде. В Новгородской земле под *хлебом* разумели прежде всего печеный ржаной хлеб: «Купляху кадь рѣжи по 4 гривне, а хлеб по 2 ногате» (Новгородская I летопись, под 1169 г.); «Купляху хлеб по 2 куне, а кадь

ржи по 3 гривне, а пшеницю по 5 гривен, а пшена по 7 гривен» (там же, под 1228 г.). Хлеб из пшеничной муки обычно выделялся определением: «И не бысть ржи на торгу в то время ни хлеба, только пшеничный хлеб, и того по оскуду» (там же, под 1231 г.). Кроме того, пшеничный хлеб, называли и *калачом*: «И хлеб и мед и моуку пшеничноую и колачи и рыбы пресныа, все... к нему послали» (Псковская летопись, под 1477—1481 гг.).

Это различие сохранилось даже в минувшем столетии: *хлеб* — черный, ржаной, а пшеничный — *белый, калач, пирог, булка*... «Хлебушка калачу дедушка (ржаной пшеничному)... Калач приестся, а хлеб никогда» (Даль. Толковый словарь).

С течением времени в летописях слово *хлеб* приобретает значение 'зерно, хлеб на корню, в копнах'. В следующих примерах, полагаем, *хлеб* означает не только печеный, но и зерновой: «В Новгороде бысть хлеб дорог» (Новгородская I летопись, под 1273 г.); «Бысть зима тепла без снега, и на лето бысть хлеб дорог велми» (Псковская летопись, под 1303 г.); «Хлеб был дорог, четвертка по 9 денег, а овса четвертка по 4 деньги» (там же, под 1499 г.). В летописных записях, относящихся к более позднему времени, рожь и яровые культуры иногда одинаково именуют *хлебом*: «А яровой хлеб был добр, да не дало обряжати хлеба и ржи и яри дождами, ни сеати хлеба ржы» (там же, под 1562 г.).

Расширение значения слова *хлеб* привело к тому, что этим словом стали называть не только собственно хлеб, но и толокно, крупу, солод и т. п. В середине XVI века писали: «Имати мне... хлеб оброком з году на год: тринацать четвертей ржи да семь четвертей овса, две четверти пшеницы, две четверти солоду ячного, две солоду четверти ржаного, четверть толокна, четверть круп, асьмина овсяных, асьмина гречневых, четверть гороху, четверть конопель, луб соли. И всего хлеба имати трицать четвертей» (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков).

Для обозначения зернового хлеба, а также хлеба на корню и в копнах в ранних русских памятниках употреблялись названия *жито, вершь и обилье*. Наиболее распространенным было *жито*. В Новгородской I летописи, под 1143—1146 годами, например, читаем: «Наиде дождь яко не видихом ясна дни ни до зимы; и много убо жита и сена и не удалеша». В «Русской Правде» говорилось о наказа-

нии за кражу *жита* — зерна, которое хранилось в яме. И в наше время слово *жито* с общим значением 'зерно' еще встречается в народных говорах под Новгородом и в междуречье Оки и Волги.

Вершью в отличие от *жита* в древнерусском языке называли хлеба на корню, преимущественно яровые: «Нача находити дождь силен грех ради наших... и наполнишася реки и роучьи и боложня, аки весне водою, а оу христиан много по полю вершей погнили, а травоу водою по рекам и по роучьям отняло, тако же и ржей по селом не засеяли мнози» (Псковская летопись, под 1468 г.). Иногда называли *вершью* и яровой хлеб в копнах, кладях или скирдах.

Исторически в новгородских и псковских местах слово *обилье* или *обиль* употреблялось в значении 'урожай'. О. Н. Трубачев сближает образование *обилье* в значении 'битое, обмолоченное зерно' с глаголом *бити*. Впоследствии наряду с первоначальным значением 'битое, обмолоченное' в *обилье* развились иные оттенки значения — 'хлеб в копнах' и 'хлеб на корню'. На территории Новгорода и Пскова *житом* называли обыкновенно зерно, *вершью* — хлеба на корню (чаще яровые), *обильем* — урожай.

В памятниках Северо-Восточной Руси *обилье* и *вершь* не отмечены, редко встречается *жито*. Обычными здесь были наименования: хлеб семенной, хлеб земляной, хлеб стоячий, хлеб житничный, хлеб клетный, хлеб еменный (от *ем* 'есть'). В памятниках московского периода широко распространенное *хлеб* в ряде случаев соседствовало со словом *жито* 'зерно' и 'хлеб в поле'.

Существовало некоторое различие в употреблении интересующих нас названий в среде простого люда и привилегированной верхушки. *Житом* обыкновенно именовали крестьяне зерновой хлеб и хлеб в полях. А монастырский зерновой хлеб и хлеб в полях называли только *хлебом*. Характерна в этом отношении запись 1485 года: «И ныне ча мне бил челом игумен Гурей кириловской з братьею... И яз, князь великий, игумена Гурья кириловского з братью пожаловал, или хто по нем иный игумен будет, дал есми им в тех деревень место, и в починков и в пустошей, по триста четвертей ржи впрок. А емлють тот хлеб на Вологде у моего поселского у Федка у Рублева» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.). В челобитной периферийного игумена с братьею зерновой оброк именуется *житным*,

а великий князь называет его *хлебом*. По-видимому, распространение слова *хлеб* в значении 'зерно' и 'хлеб на корню' в Северо-Восточной Руси происходило не без содействия официальной московской письменности.

Н. С. КОТКОВА

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Обычно считают, что слово *промышленность* было среди ряда других слов «изобретено» Н. М. Карамзиным. Оно встречается в «Письмах русского путешественника», где при описании Франкфурта говорится: «На всякой улице множество лавок, наполненных товарами. Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия» («Московский журнал», 1791, ч. 3). Карамзин и сам считал, что первым употребил это слово; он выделил его курсивом и сопроводил таким примечанием: «Не может ли сие слово означать Латинского *industria* или Французского *industrie*?».

Оказывается, однако, что десятилетием раньше на этот вопрос ответил утвердительно Михаил Попов, известный в свое время писатель, переводчик, автор комической оперы «Анюта». В 1780 году он перевел с французского политико-экономическое сочинение, получившее на русском языке заглавие «Рассуждение о благоденствии общенародном». Здесь, в частности, можно прочесть следующее: «Промышленность людская дошла в наши дни до подражания самородному жемчугу с толиким искусством, что поддельный не уступает ни в чем настоящему». Значение этого нового слова существенно отличалось от нынешнего: в соответствии с семантикой французского *industrie* и смысловыми возможностями исходной основы оно обозначало предприимчивость, активность, вообще деятельность, направленные на производство материальных продуктов.

Лишь позднее слово *промышленность* получило свой новый смысл.

Итак, не следует ли честь введения в русский язык слова *промышленность* отдать Попову, поскольку приоритет изобретателя, бесспорно, принадлежит ему? Думаем, что нет и вот почему.

Слова *промысел*, *промышленный*, *промышленник*, возникнув в древнерусский период, были хорошо известны в XVIII веке, а образование отвлеченных существительных на *-ость* было широко продуктивно. Этим определялась возможность создания слова *промышленность*. Потребность же в этом слове определялась языковой ситуацией: старые обычные соответствия французского *industrie*, слова *рачение* и *рачительность*, были сугубо книжными словами, неразрывно связанными с церковнославянской традицией употребления. Поколение Тредиаковского и Ломоносова, прекрасно знакомое с церковной культурой, пожалуй, и обошлось бы этими старыми словами, придав им новое значение. Но в 80-е годы относились уже с недоверием к возможности использовать этот семантически-консервативный и стилистически-однозначный языковой запас и предпочитали изобретать новое. Ведь только в переводе М. Попова для французского *industrie* имеется девять соответствий. Кроме слова *промышленность*, это такие слова: *рукоделие*, *хитрое рукоделие*, *досужливость*, *искусство*, *рачение*, *промысел*, *искусственное промышленничество*, *промышленничество*. Сам М. Попов остановился на последнем варианте: он встречается около 20 раз, а все остальные лишь по одному разу.

Следовательно, потребность и возможность для появления слова *промышленность* были. Задача состояла в том, чтобы мотивировать и утвердить новое слово в обиходе. Это не удалось М. Попову и удалось Карамзину. В речи первого слово *промышленность* всего лишь окказионализм (то есть единичное, случайное употребление). Вариант же *промышленничество*, который предпочел переводчик, не вышел за пределы текста, видимо, по той причине, что «Рассуждение» излагало устаревшую уже к тому времени экономическую теорию меркантилизма и почти не было замечено русским читателем.

Напротив, слово *промышленность*, благодаря широкой популярности «Писем русского путешественника» и размаху журналистской деятельности Карамзина, было принято русским обществом скоро и без колебаний, так что уже

в 1798 году оно встречается в тексте закона: «Частные сады... и вящше бы еще умножились, если бы данныя Садовой Конторе привиллегии не стесняли промышленности частных людей». Успеху карамзинского начинания способствовали и приведенные в примечании латинское и французское соответствия, ясно определившие значение слова через известные в образованном круге общества иноязычные слова, между тем как употребление Попова было лишено подобной смысловой прозрачности.

Вот почему историю слова *промышленность* мы по праву начинаем с 1791 года, относя эпизодическое употребление 1780 года к его предыстории.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ

(Ответы. См. стр. 121—122)

1. Побаиваться, робеть, трусить, стремиться, трепетать, дрожать (замирать) от страха; опасаться, пугаться.

Первые шесть синонимов обозначают различную степень чувства страха; *опасаться* — ‘беспокоиться, думая о возможности опасности’; *пугаться* — ‘испытывать внезапный страх’.

2. *Думать*: 1) Сначала подумай, потом ответь. 2) Он не подумал о последствиях своего поступка. 3) Напрасно мы думали, что он виноват. 4) Мать всю ночь думала о сыне.

3. 1) Существовать. 2) Вековать. 3) Здравствует. 4) Кормился. 5) Обитают. 6) Сожительствовавали.

4. Никудышный, скверный, *плохой*, неважный. Так себе, *посредственный*, средний. Сносный, терпимый, приемлемый, *удовлетворительный*. Стоящий, подходящий, *хороший*, славный, отличный, прекрасный, превосходный. Безукоризненный, безупречный, *идеальный*.

5. 1) Море. 2) Оригинальный. 3) Достоинство. 4) Мир. 5) Тайфун. 6) Прохлада. 7) Начинать — начинать.

6. Четыре: *твердый*, *жесткий*, *резкий*, *суровый*.

7. Трапом, палубой, переборками, камбузом, сачками, вырубают, на койках, бушлат, снежным зарядом, натекает, милями, румбами.

8. Не антонимы: *сжигать* ‘превращать в жидкое состояние’ — *разжигать* — ‘делать жидким, разбавлять’, *сжигать* — *разжигать* и *снимать* — *разнимать*.

9. Антонимы: *свет* — *тьма*, *веселы* — *печальны*, *параллельны* — *вертикален*. Последние слова употреблены в переносном смысле: быть параллельным ко всему — проходить «вдоль жизни», плыть по течению, не вступая в спор с действительностью. Омонимы: *свет* ‘свечение’ — *свет* ‘земной шар, весь мир’; *тьма* ‘темнота’ — *тьма* ‘множество’; *напротив* ‘наоборот’ (вводное слово) — *напротив* чего-либо (предлог).

Министерством высшего и среднего специального образования СССР утверждены новые правила приема в высшие учебные заведения страны. В правила внесены два существенных изменения. Во-первых, вводится новая «отметка» — средний балл аттестата зрелости. Она станет еще одной отметкой, составляющей общую сумму проходного балла. Во-вторых, в новых правилах отсутствует деление дисциплин на профилирующие и непрофилирующие, то есть в общее количество конкурсных баллов, полученных на вступительных экзаменах, теперь будут включаться оценки по всем предметам.

Оценка за сочинение, таким образом, в любом вузе будет занимать полноправное место в сумме проходных баллов. Современное производство и наука требуют от каждого специалиста не только знания технических дисциплин, но и общей высокой культуры, которая невозможна без успешного освоения дисциплин гуманитарных.

Новые правила приема в вузы, безусловно, будут способствовать укреплению и обогащению знаний учащихся средней школы по всему курсу школьной программы, в том числе по русскому языку и литературе.

АБИТУРИЕНТ ПИШЕТ СОЧИНЕНИЕ

В 1971 году на вступительных экзаменах в Ждановский металлургический институт было немало хороших и отличных сочинений. Авторы их показали знание литературного материала и умение излагать свои мысли. Хорошо раскрыта абитуриентами тема «Моральное оскудение Ионыча (по рассказу А. П. Чехова)». Лиричны сочинения «Мать в нашей жизни (по произведениям советской литературы)», «Тема любви в советской поэзии» и некоторые сочинения на тему «Нам песня строить и жить помогает (Лебедев-Кумач)».

«Первое слово, которое произносит малыш, — это слово „мама“. Мама — это все. Она лучший друг, любимый человек, помощник, справедливый судья...» — читаем мы в сочинении «Мать в нашей жизни (по произведениям советской литературы)». «Мать всегда трудится, растит своих детей. Она мечтает о том

Десятиклассник Петр Чекмарев из Калуги обратился в редакцию с просьбой рассказать на страницах журнала о типичных ошибках абитуриентов в сочинениях на вступительных экзаменах, о том, на что следует обратить особое внимание при подготовке к экзаменам. Этот вопрос волнует и других старшеклассников, приславших письма в редакцию.

Мы попросили ответить на эти письма Н. А. Семенову, председателя предметной экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе Ждановского металлургического института.

прекрасном будущем, когда сможет увидеть их настоящими счастливыми людьми...» (из сочинения на ту же тему).

«А ты, Александр Матросов, может, ты родился героем? Ты, не жалея себя, своей грудью закрыл амбразуру. Тебе было восемнадцать, ты был простой парнишка, но ты был гражданином Советского Союза. Ты отдал жизнь за счастье других, не щадя себя. И мы, твои ровесники семидесятых годов, считаем тебя героем, героем, который родился в бою...» («Нет героев от рождения, они рождаются в боях. А. Твардовский»).

Многие абитуриенты, рассказывая о героизме советских людей на фронтах Великой Отечественной войны, говорили о своей готовности в любую минуту защищать завоевания Октября.

«Родина! Всего лишь шесть букв. Казалось бы, какое простое слово. Но как оно многозначно. С этим словом на устах ходили наши деды и отцы на бой с бандами Махно и Врангеля. С этим словом шли на смерть молодогвардейцы и миллионы других советских людей, для которых нет ничего дороже, чем Родина. С этим словом в сердцах шли в атаки герои Бреста и Севастополя, Ленинграда и Одессы» («С чего начинается Родина? М. Матусовский»).

Значительная часть работ — это сочинения, со страниц которых встает, как живой, замечательный образ советской молодежи, идущей рука об руку со старшим поколением. Из таких сочинений видно, как наши школьники становятся начитаннее, как обогащается их речь. И, бесспорно, сочинения удаются учащимся из тех

школ, где литературой занимаются не только от звонка до звонка, где на переменах завязываются шумные споры о любимом писателе и о новой книге, где устраиваются литературные вечера и диспуты, организуются поездки по местам боевой и трудовой славы.

Результаты экзаменов показали, что грамотность выпускников средних школ значительно повысилась. Почти половина работ абитуриентов оценена на «5» и «4». Однако среди сочинений встречаются, прямо скажем, плохие, «серенькие» работы. Самая главная ошибка их авторов — неумение правильно, всесторонне раскрыть тему. В десятках сочинений на темы: «Павел Власов — человек партии», «Революционная интеллигенция в романе А. М. Горького „Мать“», «...Каждое собрание являлось ступенью длинной пологой лестницы, — она вела куда-то вдаль, медленно поднимая людей (по роману А. М. Горького „Мать“)», «Духовный рост героев романа А. М. Горького „Мать“», «Роман А. М. Горького „Мать“ — „очень своевременная книга“ (В. И. Ленин)» — мы читаем о Павле Власове, что он купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью, научился танцевать польку и кадрили и т. п. А роль собраний в идейном росте людей, путь от маленького кружка революционных рабочих и интеллигентов, путь от стихийной экономической борьбы (истории с «болотной копеечкой») к массовой борьбе с угнетателями — политической демонстрации 1 Мая, то есть то, что составляет «ступени длинной пологой лестницы», которая поднимала и рабочих, и крестьян, совершенствовала их духовный рост, — отражены в сочинениях поверхностно. Раскрывая тему «Что вас более всего привлекает в Ниловне?», абитуриенты порой подробно анализируют образ Пелагеи Власовой, чего совсем не требует тема сочинения.

Отдельные абитуриенты не имеют четкого понятия о подвиге, героев. В одном из сочинений мы читаем: «Много подвигов совершает русский народ. Он плавит сталь, покоряет космос, открывает и создает искусственные моря. Мы тоже совершаем подвиг, *учась* в школе за партами». Или: «Подвиг — это *сдаче* новых квадратных метров жилой площади».

Иногда абитуриенты обнаруживают в своих работах досадную «путаницу» фактического материала. Так, один экзаменующийся, говоря о вольнолюбивой лирике Пушкина, приводит в качестве примера произведение «Вольный ветер», раскрывая идейный смысл оды «Вольность». Понятно, что такой абитуриент не только не знаком с Дунаевским, он не знает и Пушкина. Одна девушка в сочинении «Мой любимый поэт» «восторженно» пишет о своей любви к лирике Пушкина, приводя отрывки из стихов Некрасова и Лермонтова. Из сочинений поступающих мы узнаем о том, что

«первым музыкальным инструментом была глотка», что черный скворец — «маленькая птичка», которая «покоряет всех своим пением» и «переливается всеми цветами радуги».

Недостаточно глубокие знания литературного материала, низкая речевая культура, неумение обобщать и анализировать факты — все это приводит к просчетам на экзамене, к ошибкам и «ляпсусам», которые порой «нарочно не придумаешь». При работе над сочинением неподготовленные абитуриенты не могут уяснить проблематику темы, найти то, что вызывает желание высказаться, что волнует, не вдумываются в каждое слово формулировки темы.

Второй недостаток — это ошибки, касающиеся всех разделов школьного курса грамматики: фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Наибольшее количество ошибок допущено в словах с безударными гласными: помо(а)гают, прими(е)рение, предста(о)вляют, высто(а)яла, отда(о)вал, объе(е)дниться, причи(е)нно, неуга(о)симый, погло(а)щает, распростра(о)няет, посвя(е)щено, ве(и)дётся, хра(о)нят, перене(и)сли, незаме(и)нимый, обви(е)нитель, обога(о)щение, до(а)лина, обго(а)релые, прекло(а)няюсь, социали(е)стическая, изви(е)няться, выра(о)жение, осво(а)бождены, ненавиде(и)ли, сози(е)дательный, распростра(о)нять, преодол(а)ть, бо(а)гатый, исти(е)нный, нечи(е)сть, повеле(и)вать, а(о)рестовать, ра(о)бота, выпо(а)лнять, пропага(о)ндист, проле(и)тариат, ана(о)томия, космо(а)навт, прини(е)мает, оба(о)яние, разви(е)ваться, неприми(е)римый, выра(о)стать, ра(о)стет, подра(о)стающее поколение, возра(о)стать, выра(о)сти, ра(о)внение, знамя разве(и)валось, уме(и)реть, уми(е)рать и др.

Это слова, которые в активный запас учащихся входят не сразу, а постепенно, в процессе изучения творчества писателей. Каждое произведение дает новую группу слов: «Горе от ума» Грибоедова — *привилегированный, вакансия, карбонарий, предваряет* и др., произведения Пушкина — *очаровательный, старожил, эгоист* и др.; поэтому требуется их систематическое изучение по группам, с постепенным усложнением от класса к классу.

Часто встречаются пропуски неизменяемых согласных в корне слова: участник, чувство, подростки, гигантское, ненавистный, счастливая, большевистский; и особенно, по аналогии с ними — добавления лишних согласных в словах: безглас(т)ность, уча(в)ствовать, опас(т)ность, прекрас(т)на, интерес(т)ный.

В сочинениях абитуриентов нередко можно видеть неправильное написание приставок: непри(е)миримый, при(е)зыв, пре(и)красный, с(з)делать; неправильные переносы, связанные с неумением отделить приставку: со(з)-знательность, на(п)-правление, со(з)-здание, за(с)-стой, при(с)-ступил, пре(к)-красный, по(с)-сла-ла, вы(у)-училась.

Значительная группа орфографических ошибок связана с правописанием суффиксов существительных, прилагательных и причастий: ранен(н)ый боец, раненн(-)ый в руку, вдохновенн(-)ый труд, измученн(-)ый, квалифицированн(-)ый, разрушенн(-)ое хозяйство, поставлен(н)ы, образованн(-)ость, могущественн(-)ое, оккупирован(-)ный, орлин(н)ый, тружен(н)ик, учен(н)ый, един(н)ая, воспитанн(-)ики, странн(-)ица, разъяренн(-)ый, организованн(-)ый, преданн(-)ый, туманн(-)ых, ключо(е)к, созданн(-)ый, выпущен(н)ы, мелкособственн(-)ический.

Чтобы искоренить недочеты в написании словообразовательных, лексических элементов, требуется постоянная тренировка в развитии навыка осмысленного членения слова на его составные части.

Следует отметить ошибки в употреблении прописной буквы: К(к)оммунистическая партия, Р(р)одина, г(Г)ражданская война, с(С)оветский народ, Великая Октябрьская с(С)оциалистическая революция, Г(г)ерой С(с)оциалистического Т(т)руда, Союз С(с)оветских С(с)оциалистических Р(р)еспублик, Г(г)ерой Советского Союза, у(У)дарная стройка, о(О)рден Трудового Красного З(з)намени, к(К)оммунизм, Советская А(а)рмия, С(с)оветская власть, С(с)оветский С(с)оюз, к(К)оллективизация, роман «Тихий Д(д)он».

Много ошибок абитуриентов связано с флексиями существительных, причастий и глаголов: под впечатление(я)м, под действие(я)м, матери Пелагее(и) Ниловне, време(н)е; в силу условий, существующих(ей) у нас; в жандарме, проводивше(и)м обыск, она видит своего врага; он ненавидит всеми силами души неправду и зло, царящи(е)е в мире; простого металлурга из города Череповца (Череповец). Эти ошибки носят характер синтаксических неувязок.

Искажаются глагольные окончания: отводи(е)т, произноси(е)т, слыши(е)м, борю(я)тся, види(е)м, труди(е)т(ь)ся, находи(е)тся, боре(и)тся, удаст(ь)ся (удасца), вынесе(и)т, держа(у)т, хоче(и)тся, находи(е)тся, рабочий трудит(ь)ся, он становится(ь)ся, Павел знакомит(ь)ся, они превратят(ь)ся.

Иногда нарушаются правила правописания таких наречий, как: по-рабочему, по-прежнему, по-настоящему, по-особому, извне, вдале, вскорее, невозможно, навеки, вовремя, впереди, позади, поистине, недолго, несознательно, второпях, сейчас, стоять насмерть, —идти на смерть, особенн(-)о, заново(а), счастливо(щастливо); союзов: также, тоже, потому что; частиц: ни(е) к кулакам, ни(е) к беднякам; не(и) останавливаться ни(е) перед чем, как бы они ни(е) старались, кто бы ни(е) взял, как ни(е) гордиться, вряд ли, все же, не могла.

Пунктуационных ошибок в сочинениях больше, чем орфографических. Знаки препинания часто ставятся абитуриентами по интуиции. Наблюдаются случаи «ложного» обособления: «Советский народ (,) под руководством партии (,) преодолел трудности»; «Вряд ли была на свете другая идея, которая бы держала в плену (,) в самые различные эпохи (,) столь огромное количество людей, как идея воздухоплавания и полета в космос»; и случаи, когда действительные обособления не выделяются знаками препинания: «Продолжать дело, начатое ими (,) — священная обязанность нашей молодежи»; «Вспоминая погибших товарищей (,) я с благодарностью думаю о нашем сегодняшнем дне, который они завоевали»; «Народ (,) взяв в руки оружие (,) пошел защищать завоевания Октября».

Трудным остается для абитуриентов различение однородных и неоднородных определений: «В космос поднялся наш молодой (,) советский человек»; «Мужественные (,) безымянные герои...».

Иногда отсутствует тире на месте пропуска связки: «Отец Кондрата (—) противник новой власти»; «Роман Шолохова „Поднятая целина“ (—) произведение проблемно-политического характера»; «Родина (—) это слово включает в себе все: бескрайние равнины, величественные реки, могучие леса»; «Смерть Катерины (—) это вызов „темному царству“»; «Шолохов (—) один из любимых и популярных писателей».

Порой не выделяются вводные слова и обращения: «Такая жизнь (,) разумеется, не могла удовлетворить рабочих»; «Может быть (,) кто-нибудь из сидящих в зале станет героем»; «По-моему (,) герои рождаются в труде».

Для некоторых абитуриентов затруднения представляют предложения с союзом *и*: «Они отстояли независимость нашей Родины (,) и мы обязаны им своей жизнью»; «Но думаешь об этом (,) и в памяти встает история нашей Родины».

Довольно часто в сочинениях отсутствует запятая в сложно-подчиненных предложениях:

если союз или союзное слово в придаточном предложении стоит не на первом месте. «Мировой пролетариат (,) в авангарде которого стоит КПСС, уверенно идет по пути свержения капитализма»; «Я горжусь нашей страной (,) в которой выросла»;

если придаточное предложение предшествует главному (оно не ощущается как особое звено в сложной конструкции подчинительных связей): «Когда думаешь о Павле Власове и Андрее Находке (,) хочется быть хоть немного похожей на них».

Когда в предложении несколько придаточных и когда одно из придаточных включено в другое: «Разве можно словами написать все то (,) что думаешь, когда слушаешь музыку?!»;

когда придаточное предложение — цитата: «Ленин, прочитав этот роман, сказал (,) что „Мать“ — „очень своевременная книга“»; перед словом *как*: «Такие люди (,) как Ю. А. Гагарин...»; при косвенном вопросе: «Ученые хотят знать (,) есть ли жизнь на других планетах и возможна ли она там (?)».

Сухость, неэмоциональность языка, отсутствие поэтического вкуса, ошибки в управлении и согласовании — все это характерно для сочинений слабоподготовленных абитуриентов. Ряд стилистических ошибок связан с неумением различать такие понятия, как «образ», «действующее лицо», «герой произведений»: «*Главным образом* романа „Евгений Онегин“ является *образ* Евгения Онегина»; «*Их образы* показывали в рассказах, сказках...»; «*Ярким примером* будущего организатора *есть образ* Павла Власова в романе „Мать“»; «*Мои любимые страницы* романа — *образ* коммуниста Давыдова».

Некоторые верные и точные слова от частого и небрежного употребления сделались шаблонными. О писателе обязательно говорят, что он «правдиво изображает жизнь», о языке произведения — «меткий, выразительный», об образах — они нарисованы «ярко и правдиво», значение романа — «огромное» или «громадное».

Иногда наблюдаются случаи неудачного словотворчества: «Любовь к Борису показала цельность и *благородность* ее натуры» («благородность» — по аналогии с «цельность», вместо «благородство»). Значительно чаще приходится встречаться с неправильным употреблением слов: «*Становится* в опытного руководителя и организатора» [следует: Становится опытным руководителем и организатором. Превращается в опытного руководителя и организатора]; «Подвиг его был *опечатан* [описан] во фронтовых газетах»; «Глава „Перед боем“ рассказывает [раскрывает] еще одну существенную черту героя...»; «Роман *посвятил* [посвящен] показу роста...»; «*Противоположные* [противоречивые] душевные переживания Кондрата...»; «*Обобщить* [обобществить] весь скот»; «Наш земляк Бериллов часто *печатается* с хорошими лирическими стихами» [печатает хорошие лирические стихи]; «Его жизнь до отказа наполнена *техნიкой и механизмами*»; «Такая любовь, такое чувство не уживается в „душевных комнатах“».

О недостаточном знании стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений, а также правил сочетаемости слов говорят следующие предложения: «*На бока* этой женщины легли все *неудачи* ее мужа»; «Человек может гордиться своим честным, *заработанным потом трудом*»; «Познание Вселенной *окажет* большой *вклад*...»; «*Возмущение* в кругах народа все росло и вскоре начало переходить в открытое *возмущение*»; «*Мои любимые страницы* романа — *весь роман* „Поднятая целина“»; «В *станции* собрание *станичников*. На *собрании* Давыдов знако-

мится со станичниками и рассказывает, зачем он приехал в станицу. Станичники по-разному приняли предложение Давыдова — здесь повторение одних и тех же слов.

Жизнь его жителей, собирает собрание, передавать телевизионные передачи, отношение колхозников к колхозному добру, раскулачивать кулаков — случаи неоправданной тавтологии.

Снижает качество сочинений и употребление просторечий: «И мы должны жить, трудиться и прилаживать все свои силы, способности, знания к этому великому делу — строительству коммунизма»; «Ниловна выняла листовки»; «Игнее дело правое»; «Новоспеченные колхозники».

В сочинениях абитуриентов встречаются неправильно построенные предложения: «Песни, которые поют крестьяне, сами говорят о своем положении» (о чем же говорят песни? о своем положении или о положении крестьян?); «Глава семьи — отец Павла и мать Павла»; «Ниловна говорит Павлу, что его путь опасен, он может навредить тебе» [ему].

Ряд погрешностей представляет собой стилистическую разновидность грамматических ошибок:

неправильное употребление предлогов: «Ниловна гордится за Павлом» [гордится Павлом]; «Съехались с [из] разных городов нашей страны...»; «Образ Майданникова стал примером для трудолюбия и любви к селу и земле» [стал примером трудолюбия]; «Груб по обращению матери» [в обращении с матерью];

нарушение согласования и управления: «Видит нашу страну одну [одной] из первых в мире»; «На нашем Ждановском гиганте, стан [стане] 3600...»; «Много писателей [многие писатели] прославляют подвиги наших людей»; «Это обеспечивало развитие [развитие] гордого, свободолюбивого характера»; «Путь к нему трудный и тернист[ый]».

Анализ ошибок, допущенных учащимися в экзаменационных сочинениях, показывает, что необходимо более глубоко изучать программные произведения, расширять свой кругозор посредством знакомства с произведениями современной советской литературы, увеличивать словарный запас, углублять знания по орфографии, стилистике и пунктуации.

Подготовиться успешно к экзамену в вуз нельзя за день-два. Дорога к избранной специальности начинается со школьной скамьи.

Н. А. СЕМЕНОВА
Жданов

**ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ
В 1971 ГОДУ**

**Ростовский-на-Дону государственный
ордена Трудового Красного Знамени
университет**

1. Ленинский юбилей в твоей жизни.
2. Проблема партийного руководства в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».
3. Революционный подвиг народа в поэзии В. В. Маяковского.
4. Тема трудового героизма в советской литературе 50—60-х годов.
5. Солдатами не рождаются — солдатами становятся.
6. Личность и история в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник».
7. Русская история в поэзии М. Ю. Лермонтова.
8. Россия и русский народ в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя.
9. Пейзаж как средство психологической характеристики в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
10. Сущность нигилизма Базарова.
11. Русская деревня в «Записках охотника» И. С. Тургенева.
12. Обличение духовного холопства в творчестве Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ивановский педагогический институт

1. В. И. Ленин о творчестве Л. Н. Толстого.
2. Есть разные страны на свете, а Родина только одна.
3. «Люди!.. Будьте бдительны» (Ю. Фучик).
4. СССР — спортивная держава.
5. Отцы и дети в современной жизни и современной литературе.
6. Мои представления о настоящем учителе.
7. Основной конфликт в пьесе А. Н. Островского «Гроза».
8. Тема власти денег в драме А. Н. Островского «Гроза».
9. «Я лиру посвятил народу своему» (Н. А. Некрасов).
10. Мужество рождается в борьбе (по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»).

**ПРОЧИТАЙТЕ
ДЕТЯМ**

ИВАН ВИНОКУРОВ

СВЕРЧОК

Только вечер наступает,
Просыпается сверчок.
Моет щечки,
одевает
Свой рабочий пиджачок.
В темном месте,
возле печки,
Он находит щель в полу
И всю ночь
усердно точит
Очень звонкую пилу.

Иван Винокуров по профессии журналист. Живет и работает он в городе нефтяников Альметьевске Татарской АССР. Его стихи печатались в журналах «Костер», «Сельская новь», в центральных и областных газетах. В 1968 году вышла его книжка для детей «Разноцветный поясок». Ниже печатаются стихи из новой книги И. Винокурова «Снегопад».

ТРУДНОЕ СТИХОТВОРЕНЬЕ

Я учу стихотворенье.
Ложкой черпаю варенье.
И читаю,
И жую,
И тихонечко пою.
Но от точки и до точки
Не запомнил я ни строчки.
Трудное стихотворенье!
В банке кончилось варенье.
Говорю сестренке:
— Ладно,
Тут написано нескладно.
Очень длинные слова
Не вмещает голова.

КУЗНЕЧИК-МУЗЫКАНТ

Кузнечик зеленый,
Лишь солнце пригрело,
Ножовку достал
И взялся за дело.
На лютике быстро
Он срезал сучок
И сделал для скрипки
Хороший смычок.
И в роще,
Где в кучу сошлись
Муравьи,
Кузнечик им песни
Играет свои.

ОДУВАНЧИК

Стоит он у стежки
На тоненькой ножке,
Гордится обновой —
Шапкой пуховой.
Летит к нему ветер,
Спешит из-за речки
И вьет на дороге
Из пыли колечки.
Померять ту шапку
Ему захотелось.
Едва прикоснулся,
Она разлетелась.

ПАУЧОК

Меж березок паучок
Сплел красивый
гамачок.

И теперь
он жарким днем
Спит,
Покачиваясь в нем.

ОСЕНЬ

Ходит осень
В нашем парке,
Дарит осень
Всем подарки:
Бусы красные —
Рябине,
Фартук розовый —
Осине,
Зонтик желтый —
Тополям,
Фрукты дарит
Малышам.

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Продолжение. Начало см.: 1971, № 4—6;
1972, № 1—3)

Обеспечение [не обеспечéние]
обетованный [не обетованный]
обжитой и обжитый
облегчить [не облéгчить]
облитый и бблитый
обнесённый [не обнёсенный]
ободрённый [не обóдренный]
ободрить [не обóдрить]
обострить [не обóстричь]
ббух, -а и обу́х, -а
обходный и доп. обходной
общество [не обществó]; *мн. обществá, -еств* [не обществá, -éств]
община и община
обывщина (разг. обывщина)
огниво [не óгниво]
одновременный и доп. одновременный [не одновременный]
однoимённый [не одвоимённый]
озорничать [не озорничать]
околесица и доп. околесица
оленина и доп. оленина
опёнок, *мн. опёнки, -нков* и доп. опята, -ят
оперётта (р'е)
оплаченный [не оплóченный]
опломбировать [не опломбировать]
опрoметью [не опрóметью]
оптóвый [не óптовый]

орхидея (дэ и доп. д'е)
осёдлый [не осéдлый]
осокорь [не бсокорь и не осóкорь]
остриё [не остриé]
острота (остроумное выражение)
отвár [не óтвар]
отведённый [не отвéденный]
отвезённый [не отвéзенный]
отжить, *прош. óтжил и доп. отжи́л; отжи́ла* [не отжи́ла, не óтжила]
óтзыв (отклик; рецензия)
отзв́ыв (отозвание кого откуда-н.)
отключённый [не отключенный]
откúпорить [не откуóбить]
отлйгы́й и óтлитый
отпíленный [не отпилённый]
офицёр, *мн. офицёры, -ов* [не офицера́, -óв]
оцёпленный [не отцеплённый]
очерёт [не очерёт]
очистной [не очíстный]

Падéж (гибель скота)
падéж (грамматическая форма)
панéль (нэ и доп. н'е)
пантеон (тэ)
пáпортник [не пáпортник]
партёр [не пáртер] (тэ)
пастéль (тэ)

пастеризова́ть (тэ и *дп.* т'е)
патéнт (т'е)
патéтика (тэ)
паштét (т'е)
первенствую́щий и *дп.* пер-
венствующий
первоочере́дный и *дп.* перво-
очередно́й
перевезённый [*не* перевезен-
ный]
переводно́й (*устар.* переводо́-
ный)
перегру́женный и *дп.* пере-
гружённый
пережито́е, -о́го и пережито́е,
-о́го
пережитый и пережитый (*ус-
тар.* пережито́й)
перезаря́женный и *дп.* пере-
заряжённый
перенесённый [*не* перенесен-
ный]
перепёрчить и *дп.* перепер-
чить
переслащённый [*не* переслащ-
щенный]
перехо́дный (*разг.* переходно́й)
перспектíва [*не* перспектíва]
пертурба́ция [*не* перетурба́ция
и *не* перетрубáция]
пéтля, -я, *дп.* петля́, -я́;
род. множ. пётель (*устар.*
пéтлей)
пимы́, -о́в [*не* пимы́, -ов]
пионе́р (п'е)
пиршество́ [*не* пиршествó]
пихта́, -ы [*не* пихта́, -ы́]
пихто́вый [*не* пихто́вый]
планёр (*разг.* плáнер)
платó [*не* плáто]
плацкарта́, -ы, *жен.* [*не*
плацкарт, -а, *муж.*]
плéсневеть [*не* плесневéть]
повидло́, -а, *сред.* [*не* повидла́,
-ы, *жен.*]
погну́тый и *дп.* погну́тый
погру́женный и *дп.* погру-
жённый
позоло́ченный (*устар.* позоло-
чённый)
позы́в [*не* пб́зыв]
по́литый и по́лтый
полотёнце; *род. множ.* поло-
тёнец [*не* полотёнцев]

полу́денный и *дп.* полудён-
ный
полчасá [*не* пб́лчаса]
полю́с; *множ.* полю́сы, -ов
(*разг.* полюса́, -о́в)
пову́дить [*не* понудíть]
портбóвый [*не* портво́й]
портфéль [*не* пб́ртфель]
послённый и посолённый
поутру́ (*устар.* поутру) [*не*
поутру́]
предложíть [*не* предлб́жить]
предста́вить (предъявить,
предложить к чему-н.)
предоста́вить (дать, разре-
шить)
преёмник (продолжатель чьей-
н. деятельности) [*не* приём-
ник]
преми́рование и *дп.* премí-
рование
преми́ровать и *дп.* премíро-
вать
претензия́ (тэ и *дп.* т'е)
прецеде́нт [*не* преценде́нт]
прибы́ть [*не* прибыть]
приведённый [*не* привёденный]
привезённый [*не* привезенный]
приво́д (*проф.* пр́вод)
приво́р [*не* пр́говор]
пригоршня́ и пригб́ршня
прида́ное [*не* пр́даное]
призы́в [*не* пр́зыв]
призы́вник, -а́ [*не* призы́вник,
-а]
приобретё́ние [*не* приобрéтение]
припоро́шенный и *дп.* при-
поро́шенный
провезённый [*не* провёзенный]
прогрéс (рэ и *дп.* р'е)
проéкт (оэ)
произведённый [*не* произвё-
денный]
про́литый и *дп.* про́лтый
про́цент [*не* прб́цент]
пряди́льный (*проф.* пр́диль-
ный)
пуло́вер [*не* пуловéр и *не*
полу́вер]
пу́рпур [*не* пурпúр]
путепровóд [*не* путепрб́вод]

(Продолжение в следующем но-
мере)

СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

(Продолжение. Начало см.: «Русская речь», 1972, № 3)

ВОЛОК — мера пути, равная расстоянию в переход или переезд от одного селения до другого (отмечено в говорах русского Севера). «Ноги отбили, два волока прошли — сорок шесть километров» (Словарь русских народных говоров).

ВЫПРЯЖАЙ — единица измерения расстояний, отмечена в одной из Двинских грамот XVI века: «за ъзду въ волости на выпряжай, 15 версть 5 бѣль». Как видно из названия, она обозначала расстояние между местом отправления в путь и местом остановки.

ГОН, ГОНЯ — мера расстояния и площади (поскольку площадь определяется длиной), разная в пределах одной и той же местности; так же, как и *верста*, связана с сельскохозяйственной практикой населения. *Гонюм* обычно обозначают расстояние, которое проходят, проезжают или обрабатывают без отдыха: расстояние, которое может пробежать человек не отдыхая; пространство, взятое для косьбы в длину так, чтобы было не утомительно для косца; расстояние, какое можно проехать, не меняя и не кормя лошадей; расстояние, которое пахарь проходит сохой без остановки, не поворачивая плуга. *Гон* в значении 'борозда пахотной земли в одну сторону до поворота' употребителен в некоторых областях и сейчас. «Чтобы вспахать участок в 35 гектаров при длине гона в тысячу метров, надо потерять на поворотах около трёх часов времени» («Известия», 5 июня 1954).

ГРЕБОК — мера для небольших расстояний, равная расстоянию, проходимому лодкой при одном взмахе весла. Мера применялась, когда ставились сети.

ДЛАНЬ — мера в ширину ладони. «Факла трава... рождает листие свое длинное на едину пядь, а широко на едину длань» (Книга земледельческая. 1705). Ср.: *ладонь*.

ДНИЩЕ, ДЕНЬ ПУТИ — использовались для определения очень больших расстояний. Мера эта очень неточна, так как она зависела от многих условий (день пути пешком, на лошадях, на лодках и т. д.). Днище на верховых лошадях можно определить на основании памятников письменности XVI—XVII веков как расстояние приблизительно в 70 верст. Это подтверждается немцем-опричником Генрихом Штаденом: «Воинские люди великого князя встретили его на Оке в 70 верстах или по-русски в „днище“ (Tagreise) от Москвы».

ДОЛОНЬ — то же, что *ладонь*. «Плать боле полутары сажени, а шире долони» (Лечебник XVII в.).

ДОСТРЕЛ — мера, обозначающая расстояние, которое пролетает стрела, пущенная из лука. См. *перестрел, перестрелище, стрелбище, стрелище, стреловище*.

ЕМБЯ — мера в ширину кулака. Емьями измеряли, перехватывая с кулака на кулак. «Большое мотовило мѣрюю въ три локтя и двѣ емьи» (Даль).

ДЮЙМ — мера длины, около 2,5 см. В русском языке отмечается с начала XVIII века (из голландского *duim* 'мера, равная ширине большого пальца'). Обычно употреблялся в военном и инженерном деле: «Артиллеристы и паче инженеры больше измеряют дюймами и футами, нежели вершками и аршинами» (Тучков. Военный словарь).

КОВ — мера длины, встречающаяся в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: «Султан послал 10 возыревъ [везирей] срътати его за 10 кововъ, а в ковъ по 10 верстъ» (*ков < gav* в индийских языках 'мера, различная для разных областей Индии, от 6,5 до 15 км').

КОЛ — узкая полоса пахотной земли или луга в две сажени шириной. Раздел пахотной земли и покосов производился колом определенной длины. Отсюда и название меры. «Мѣра [земли] четырнадцать ужищъ да сорок колов, а в ужищи по тридцати колов» (Меновная грамота XV в.).

КОРГ, КОРХ — мера длины шириною в кулак, ладонь, перехватом. Равнялась приблизительно двум вершкам (около 10 см). «Полкорха, вершок» (Даль). Исторически, возможно, связано с тюркским *кар(ы)ш* 'пядь'.

КОСЬЕ, КОСЬЕВИЩЕ — меры, употребляемые при разделе сенокосов. Мера была равна длине рукоятки косы или длине косы, поставленной с одной стороны на конец острия, с другой — на конец рукоятки косы, называемой *косьем* или *косовищем*. Отсюда и

название меры. *Полукосье* или *полукоса* составляли половину этой длины. Измерение проводилось чрезвычайно быстро: косу поворачивали на остром ее конце, как на ножке циркуля.

ЛАДОНЬ и **ДОЛОНЬ** — мера длины, равная ширине ладони или четырех пальцев по третьему суставу. Термин *длань* — церковнославянский вариант слов *ладонь*, *долонь*, обозначающий ту же меру, был свойствен книжной речи. Мера *ладонь* в повседневном быту употребительна до сих пор. «Форель длиной с ладонь — две» («Известия», сентябрь 1971).

ЛАПОТЬ — единица измерения при покосе, разделе земли, равная ступне ноги человека, обутой в лапоть. «Отмѣривай два кося да три лаптя» (Словарь русского языка. 1895).

ЛОКОТЬ — мера длины, равная расстоянию от локтя до конца пальцев. Мера *локоть* встречается уже в самых ранних памятниках древнерусского языка в качестве официальной метрологической единицы: «Сотвори [Ной] ковчег в длину локоть 300, а в ширину 80». (Повесть временных лет, под 996 г.); «Се мостнику уроци: помостивше мость взяти от 10 локоть по ногатъ» (Русская Правда). Для периода феодальной раздробленности можно предполагать наличие разных по реальному содержанию территориальных разновидностей этой меры: *новгородский*, названный в одном из документов *Иванским*, так как эталон его хранился в новгородской церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках, или *московский локоть*, упоминание о котором мы находим в одном из посольских документов 1490 года. По-видимому, эти разновидности локтя отличались друг от друга незначительно, ибо они исходили из средней величины народной меры, равной приблизительно, как было сказано выше, расстоянию от локтя до кончиков пальцев (44—46 см). В конце XV—начале XVI века старинная русская мера *локоть* начинает вытесняться заимствованной с Востока более крупной единицей — *аршином*.

ЛУКОВЕРЖЕНИЕ — мера длины, равная расстоянию на полет стрелы пущенной из лука: «Тамо близъ [Виѳлиема] есть мѣсто, идѣже убиенъ Авель отъ Каина, дальше яко два луковержения есть вертепъ» (Проскинитарий А. Каллуды). Это расстояние могло определяться и описательными выражениями: «яко лука вержение»; «вержение отъ лука стрелы»; «вержением из лука стрѣлить». См.: *перестрел*, *перестрелище*, *стрельбище*, *стреловище*.

МИЛЯ (от латинского *mille passum* 'мера в тысячу двойных шагов') появляется в русских документах с XV века и употребляется как название европейских путевых мер: *миля болгарская*, *миля италийская*, *миля немецкая* в противоположность *русской версте*.

(Продолжение следует)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЧИТАЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА...

«Читая письма А. П. Чехова,— пишет И. Д. Фролов (Московская обл.),— я обратил внимание на такое явление в его языке, которое я назвал бы соединением несоединимых слов, например, *небесно-чугунно-немецкий*, *нашатырно-квасцово-купоросный*, или на такие слова, как *оберзнайка*, *левитанистый*, *охлагититься*, *окошкодохлиться* и другие в таком же духе.

Хотелось бы знать, есть ли специальные работы, в которых можно прочесть о таких новообразованиях и своеобразных неологизмах Чехова, о стилистическом их назначении, о том, насколько индивидуальны эти словообразования.

Авторские неологизмы неоднородны и по-своему неповторимы, свойственны лишь данному писателю. Сам термин «неологизм» определяют по-разному. Одни рассматривают его как новое слово языка, другие — как понятие в первую очередь стилистическое. В 4-томном «Словаре русского языка» неологизм рассматривается как «вновь появившееся слово или словосочетание», а «Краткий словарь литературоведческих терминов» (М., 1963) дает не только толкование неологизма как нового явления в языке, но и как слова, созданного писателем «путем сочетания уже существующих слов или каких-либо их частей».

Стилистические неологизмы создаются писателем в определенных целях и с определенным эстетическим заданием.

Чеховские неологизмы мало изучены, они не были еще предметом специального исследования. Новообразования, например, встречаются чаще всего, как было замечено, в письмах писателя. Можно рассматривать эти авторские новообразования как резуль-

тат поиска «новой формы» для выражения уже существующего значения.

Чехов любил «соединение несоединимых слов». Весьма своеобразны у него сложные прилагательные — неологизмы, являющиеся результатом необычных соединений языковых элементов: *грязотно-язвительный, самоварно-калачный, карантинно-таможенный, нашатырно-квасцово-купоросный, небесно-чугунно-немецкий* и др.

Прием словосложения нельзя рассматривать только как механический процесс соединения двух слов или более в одно. Здесь следует учитывать, что слова, связываемые в сложное слово, отличаются оригинальным соединением своих значений. Новообразования такого типа встречаются в письмах шутливо-иронического характера. Так, в письме Н. А. Лейкину (19 сентября 1883) Чехов пишет: «Проза его [Пальмина] немножко пахнет чем-то небесно-чугунно-немецким...», а в письме брату Ал. П. Чехову (30 августа 1889): «Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный». В такого рода сочетаниях семантически сталкиваются ранее не сочетавшиеся слова, и поэтому в них появляются новые смысловые оттенки.

К. Паустовский в маленькой повести «Исаак Левитан» замечает, что Чехов слово *левитанистый* употребляет очень метко. В одном из писем Лике Мизиновой (27 марта 1894) Чехов пишет: «У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она — ни то, ни се, точно хорошие, звучные, но холодные стихи». Определение *левитанистый* несет на себе как бы отпечаток конкретности, соединяя в себе признаки красоты, лиричности и какой-то особой прелести, свойственной пейзажам художника.

Оригинален у Чехова неологизм *оберзнайка* (по модели *идейка, статейка*), употребленный с оттенком иронии. В письме Н. А. Лейкину (22 марта 1885) Чехов пишет: «Схожу сегодня к московскому оберзнайке Гиляровскому, сделавшемуся в последнее время царьком московских репортеров, и попрошу у него сырого материала».

Весьма употребительны также у А. Чехова существительные — неологизмы с суффиксом *-ость*: *грошоватость, ватность, тугоподвижность*. В письме М. О. Меньшикову (15 января 1895) читаем: «Пожалуйста, продолжайте считать меня Вашим сотрудником и не сердитесь на мою тугоподвижность».

В чеховских новообразованиях интересны глаголы с приставками *об, о*: *обадвокатиться, обмуциниться, обнахальничать, опереподобиться, оравнодушеть, охалатиться, окошкодохлиться* и др.: «Служба у меня двойкая. Как врач, я в Таганроге охалатился бы

и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий, я имею смысл только в столице» (письмо М. Е. Чехову, 31 января 1885); «На одном из поездов видел Союз Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась» (письмо М. П. Чеховой, 11 мая 1887).

Неологизмы создаются А. П. Чеховым на основе уже существующих в языке слов. Они несколько необычны, но выразительны, емки по значению и используются писателем преимущественно в непринужденных, часто шутливо-иронических письмах.

И. Ф. Кузнецова

● А. Х. ВОСТОКОВ — СТИХОВЕД

В номере первом журнала «Русская речь» за нынешний год, в разделе «Выдающиеся отечественные языковеды», помещена примечательная статья С. В. Смирнова об А. Х. Востокове. К сожалению, в ней совершенно не затронут один существенный аспект научной деятельности разностороннего ученого. Александр Христофорович Востоков был одним из выдающихся теоретиков русского стихосложения. Если Тредиаковский в основание своей реформы 1735 года положил стих скорой (частой) народной песни, а Ломоносов четырьмя годами позже исходил из требований современного ему литературного языка, то Востоков ориентировался главным образом на стих протяжной лирической песни и героического эпоса.

Свой первый значительный научный труд «Опыт о русском стихосложении» он напечатал перед самым началом Отечественной войны 1812 года в «Санкт-Петербургском вестнике», а спустя пять лет издал отдельной книжкой. В оригинальном поэтическом творчестве и в переводах поэт-ученый дал прекрасные образцы, подтверждающие его теоретические положения и выводы:

Беспечально теки, Волга-матушка,
Через всю святую Русь до синя моря;
Что не пил, не мутил тебя лютый враг,
Не багрил своею кровью поганю,
Ни ногой он не топтал берегов твоих,
И в глаза не видал твоих чистых струй!..

Российские реки (1813)

«Опыт о русском стихосложении» получил высокую оценку А. С. Пушкина: «Много говорили о настоящем русском стихе.

А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным». Мысли и творческая практика Востокова оказали воздействие на нашего великого поэта — на его сказки, на «Песни западных Славян» и ряд других произведений. В «Опыте» сказалось предвидение и предчувствие некоторых важнейших форм стиха, появившихся и много позже — долняка, канонизированного у нас лишь Блоком, акцентного стиха, утвержденного Маяковским. Сегодня мы рассматриваем эволюцию русского стиха как процесс постепенного применения ритмических закономерностей народно-песенного стиха к возможностям литературного языка, которое уже намечено в трудах Третьяковского, Ломоносова, Востокова.

В. Баевский

Читатель В. Молоканов из Московской области просит объяснить значение слов *зеница* — *око*, *загвоздка* и выражения *игра не стоит свеч*.

● ЗЕНИЦА — ОКО

Слова *зеница* и *око* в современном русском литературном языке являются архаизмами, то есть устаревшими словами. *Око* (множественное число *очи*) — то же, что глаз. Слово *око* (*очи*) сохранилось в народно-поэтической речи, в отдельных выражениях, в пословицах: «Загрустила, запечалилась Моя буйная головушка; Ясны очи соколиные Не хотят смотреть на белый свет» (Кольцов. Тоска по воле). *Зеница* — старинное название зрачка и глаза. У Пушкина в «Пророке» читаем: «Моих зениц коснулся он: Отверзлись вещие зеницы, Как у испуганной орлицы».

Зная слова *зеница* и *око*, легко понять и выражение *беречь* (*охранять*), как *зеницу ока* — «заботливо, бережно», буквально — «как зрачок глаза»: «Сергей Петрович слез с коня, осмотрел мешки с бумагами и штандарт.— Эту штуку хранить, как зеницу ока» (А. Андреев. Рассудите нас, люди). Сравните, например, у Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин». Поэт говорит о Ленине:

За него дрожу
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.

● ЗАГВОЗДКА

Слово *загвоздка* многозначно. В профессиональной речи это 'то, что вколачивается, вбивается вместо гвоздя, чеки, клина': «Чтобы топор не соскакивал с топорщица, нужно в топорщице вбить загвоздку» (запись устной речи). В просторечии *загвоздка* обозначает 'удар кулаком, затрещина': «Он, как и всем известно, если даст кому загвоздку эдакую, так уж редкий встанет» (Левитов. Типы и сцены сельской ярмарки). Слово *загвоздка* известно в значении 'намек, язвительное слово': «Иной думает, ты спросту, а у тебя шутка да загвоздка» (Лажечников. Последний новик). В разговорном языке *загвоздка* чаще всего употребляется в значении 'препятствие, помеха, затруднение': «Читал задачу раз десять подряд и никак не мог найти, в чем здесь загвоздка» (Носов. Витя Малеев в школе и дома).

● ИГРА НЕ СТОИТ СВЕЧ

Этим словосочетанием мы пользуемся тогда, когда хотим сказать, что затрачиваемые на что-либо усилия, средства никак не оправдываются; или же вообще о не оправдывающем себя деле, занятии и т. п. Если же нам кажется, что средства и усилия не пропадут, не будут потрачены напрасно, то мы говорим: *игра стоит свеч*. Сравните, например: «Сто двадцать иностранных корреспондентов, юристов... подвергаются семикратной проверке, пока добиваются до площади перед рейхстагом. Но игра не стоит свеч. Журналистов поместили на сорок шагов от места действия» (М. Кольцов. Димитров обвиняет): «Я очень желал бы знать ваше мнение о новых статьях моих — стоит ли игра свеч, продолжать ли писать их для вас» (Герцен. Письмо московским друзьям).

Выражение *игра не стоит свеч* связана с карточной игрой. Первоначально оно значило: выигрыш так мал, что не окупает стоимости свечей, сгоравших во время игры в карты.

В. Н. Сергеев

● КАЛЯКАТЬ

Товарищ Кожин из Перми спрашивает, русское ли слово *калякать* и каково его происхождение.

Слово *калякать* можно найти во всех словарях русского языка: толковых, синонимических, этимологических, орфографических. Оно имеет значение 'разговаривать, болтать'.

Это слово индоевропейского корня *gal-gel*, и однокоренные слова мы можем найти во многих как «живых», так и «мертвых» языках. Многие словари снабжают это слово пометой «просторечное».

Любой из нас общается с различными коллективами людей и в различных условиях, и в зависимости от этого состав лексики, построение фразы будут различаться, в чем говорящий даже может не отдавать себе отчета. Представьте себе учителя, который об одном и том же событии рассказывает в классе ученикам, своему коллеге-другу в учительской, директору в его кабинете и, наконец, дома своим близким. И каждый раз его рассказ будет звучать по-разному. Если в официальной обстановке мы можем «рассказывать», «говорить» или «обмениваться мнениями», то со своим другом в неофициальной обстановке мы можем «перекинуться словом», «толковать» о различных проблемах, калякать. Все эти слова мы знаем и порой употребляем, но там, где требуется строго литературная речь, то есть там, где нужно говорить правильно, мы их никогда не употребим.

К таким словам, которые вполне допустимы в разговорной речи (но не в литературной), относится и *калякать*. Правда, оно выходит из употребления, но в XIX и начале XX века оно широко употреблялось в разговорной речи, в дружеской непринужденной беседе. Кстати, это слово встречается в письмах В. И. Ленина к родным и близким. В статьях, программах, резолюциях и других деловых, публицистических или философских работах слова *калякать* не найти.

Итак, слова *калякать*, *покалякать* издавна существуют в русском языке, но всегда рассматривались как слова простонародные или просторечные, употребление которых ограничено.

Н. В. Соловьев

Читатель А. П. Никитин из Рязани спрашивает: «Почему теперь *делают*, а не *готовят* уроки? Почему учителя, преподаватели литературы именуют себя *литераторами*, а за ними так говорят и ученики? Почему даже грамотные люди употребляют в своей речи выражения вроде *симпатичный ситчик* и прочее?».

Приведенные в письме факты неоднородны с точки зрения нормы языка.

● ДЕЛАТЬ УРОКИ

Уроки — это учебная работа, задание, которое дается ученику для приготовления к следующему занятию. И уроки можно *учить, готовить, готовить, делать*. Любой из этих глаголов будет уместным, с тою лишь разницей, что сочетание *делать уроки* характеризует разговорную речь и имеет непринужденную «бытовую» окраску (ср.: сделать задачу, сделать упражнение и т. п.).

● ЛИТЕРАТОР — УЧИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Толковые словари современного русского языка не зафиксировали этого значения слова *литератор*, однако это вовсе не значит, что такое значение (или оттенок значения) не употребляется в живой речи.

Ведь существуют в языке (и словари отмечают это) значения слов: математик — учитель математики, физик — учитель физики, химик — учитель химии (кроме основного значения: специалист в области математики и т. д.). Поэтому аналогичное образование значения *учитель* в слове *литератор* вполне оправдано, его употребление ограничено рамками разговорной речи.

Следует отметить, что такое значение зафиксировано в «Алфавитном словаре профессий» (М., 1957): в перечне профессий мы находим в нем и «Литератор-преподаватель».

● СИМПАТИЧНЫЙ СИТЧИК

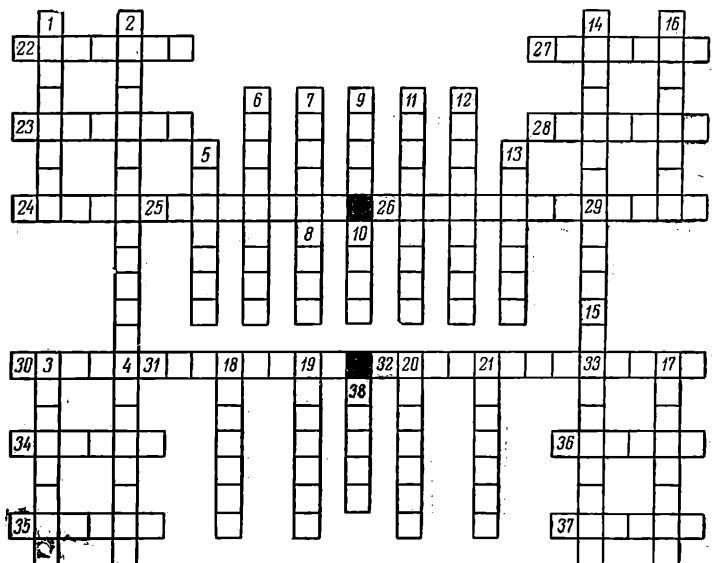
Существует мнение, что прилагательное *симпатичный* употребляется только применительно к людям и их свойствам (словарь-справочник «Правильность русской речи». М., 1965). Однако такое утверждение опровергается как словарными данными, так и многочисленными цитатами из классической и советской литературы.

Одно из значений прилагательного *симпатичный* — «милый, приятный». Оно может определять не только лицо, но и неодушевленные предметы, а также отвлеченные понятия: симпатичный город (Скиталец), симпатичный голос (Достоевский), симпатичная картина (Крамской), симпатичная библиотека (Чехов), симпатичная тема (Чехов), симпатичный талант (Горький).

Поэтому выражение *симпатичный ситчик* едва ли можно причислить к «модным оборотам», засоряющим язык.

Г. Н. Склярёвская

КРОССВОРД «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ»

По вертикали: 1. Наука, изучающая совокупность телодвижений. 2. Непроизводный, изначальный. 3. Сложное слово. 4. Средняя часть артикуляции звука. 5. Представление о предмете, явлении. 6. Называние, наименование.

7. Фигура речи, состоящая в обратном расположении элементов. 8. Стиль, манера изложения. 9. Грамматическая категория глагола. 10. Совокупность приемов, используемых в исследовании языка. 11. Общее название двух чередующихся фонем. 12. Выражение основного значения. 13. Предмет, только что упомянутый в речи, выступлении. 14. Нарушение грамматической упорядоченности речи. 15. Исследование единиц языка в их отношении к лицам, пользующимся языком. 16. Преувели-

ченная, восторженная похвала. 17. Форма падежа, указывающая объект, на который направлено действие. 18. Совокупность слов данного языка, диалекта. 19. Часть слова, имеющая лексическое или грамматическое значение. 20. Речь, обращенная к самому себе или к отсутствующему собеседнику. 21. Общие закономерности ритмического построения речи. 38. Грамматическая категория глагола.

По горизонтали: 22. Разновидность национального языка. 23. Качество звука, определяемое музыкальной нотой. 24. Смешанный язык, употребляемый в портах Средиземного моря. 25. Слова, совпадающие по значению и употреблению. 26. Общая часть слов, следующая за корнем. 27. Транскрипционный знак соединения двух букв в одну.

28. Выразительность, окраска звука. 29. Свойство звучания. 30. Действительный залог. 31. Кратчайшая единица языкового смысла. 32. Слово, совпадающее с другим по звучанию, но отличающееся по значению. 33. Графически оформленный отрезок письменной речи. 34. Троп, разновидность опре-

деления. 35. Род литературных произведений, передающих чувства автора. 36. Закономерно повторяющаяся в стихе комбинация тех или иных элементов. 37. Неразличение гласных фонем в безударных слогах.

*Составила Н. А. Флегонтова
(Ответы в следующем номере)*

Справка

*Отвечаем нашим читателям:
на журнал «Русская речь»
принимается подписка
во всех
почтовых отделениях страны
без ограничений.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
В. Я. ДЕРЯГИН, **И. Г. ДОБРДОМОВ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. ФИЛИН**,
Н. Ю. ШВЕДОВА
и. о. отв. секретаря **В. А. ЕРЕМИН**

Адрес редакции: Москва Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художники *Ю. И. Космынин*, *В. В. Толстоногов*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. Н. Глаголева*, *Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/IV 1972 г. Подп. к печ. 12/VI 1972 г. Т-09731. Тираж 68 000.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5. Уч.-изд. л. 9,8. Зак. 421

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

РУКОПИСНЫЙ ОРНАМЕНТ

ремена менялись, менялись вкусы книгописцев и заказчиков рукописной книги. Один орнамент сменялся другим. Но, пожалуй, самая интересная история и самая длинная жизнь досталась самому древнему в русской письменности орнаменту — «старовизантийскому». Он украшал греческие пергаменные книги, явившиеся на Русь с принятием христианства, славянские рукописи восточной Болгарии и русские — Остромирово евангелие 1056—1057 годов и Изборник Святослава 1073 года.

До XIII века русские рукописные книги украшены почти исключительно этим торжественным орнаментом, где в рамках простых геометрических форм на золотых фонах цвели плоские неподвижные цветы, напоминавшие драгоценные византийские эмали. Инициалы орнамента очень разнообразны по рисунку и раскраске. В одних рукописях они выполнены с золотом, плотными очень сочными красками, в других — рисованы только киноварным контуром, но с изяществом и изобретательностью, в некоторых из них неотъемлемой частью изображения являются птица или зверь. Общее качество инициалов этого орнамента — основные вертикальные части букв (мачты) построены из простых повторяющихся симметричных деталей, законченных стилизованной веточкой.

В XIV веке в русских рукописях «старовизантийский» орнамент вытесняется «тератологическим». Почти на два столетия исчезает он из русской рукописной книги, словно лишь для того, чтобы с конца XV века в едином Московском государстве возродиться, но с новым именем — «неовизантийский».

История этой второй жизни орнамента — ярчайший пример использования мастерами русской рукописной книги мирового художественного наследия и создания на его основе своих высокохудожественных образов.

(продолжение следует).

В номере:
СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ
И УДАРЕНИЯ

Обеспечение — путепровод

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»